

Just a life

Николай Федорович Челищев

**В долгу у
прошлого**

Прошлое без будущего?

Николай Федорович Челищев

В ДОЛГУ У ПРОШЛОГО

N. F. Tchlishcheff

IN THE DUTY AT THE PAST

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Я всегда хотел больше знать о прошлом, у которого мы все в долгу, наверное, потому, что многие годы от него открещивались. Предлагаемые Вашему вниманию воспоминания и эссе написаны мной в разное время, в разных местах. Везде сохранены даты написания, которые связывают темы и мысли, и с моей жизнью, и с общей канвой истории. Здесь и воспоминания о моих родителях и материалы, касающиеся моих предков, включая прадеда, славянофила и поэта А. С. Хомякова. Много труда было вложено в восстановление моей родословной от средневековой древности до наших дней. Присутствуют здесь и эпизоды моей собственной жизни, и общие размышления о разных событиях, людях и превратностях судьбы.

Альбом фамильных фотографий и озвученные мной стихи отца, собственные двустушья и песни, которые мы пели, размещены на сайте: <https://nicktchel.net>

НАЧАЛО ПУТИ.

Для меня прошлое (то, что было до моего собственного осознания мира) воплотилось в моих родителях. Когда я появился на свет Божий, моему отцу было уже 54 года, а матери 36. Это был лето 1933 года, наверное, одного из самых голодных советских лет. Социализм уже "победил" в деревне, и полным ходом шла Индустриализация. Мои родители были из "бывших", вступивших в самостоятельную жизнь еще до Революции, и плохо вписывались в тогдашнюю советскую действительность.

Мой отец Федор Алексеевич Челищев родился в 1879 году в Москве. Челищевы - древний дворянский род, происходящий от Оттона IV, курфюрста Люнебургского, короля Германии, императора Римской Империи. Наш предок, Вильгельм Люнебургский прибыл из Германии в Новгород ко двору великого князя Александра Ярославовича (Невского) в 1237 году. Он стал боярином, принял православие под именем Леонтия, получил в кормлении город Торопец. (Европейская аристократия в то время ставила подданство выше национальной и религиозной принадлежности.) Его сын Карл (Андрей Леонтьевич), по прозвищу Челищ, дал начало Челищевым. Он имел пятерых сыновей, участвовавших в Ледовом побоище (двое были убиты). Внук Карла, Андрей Федорович, крестник великого князя Ивана Даниловича Калиты был женат на княжне Марии Углицкой.

Его сын, Михаил Андреевич Челищев (Бренко), ближний боярин и любимец великого князя Дмитрия Иоанновича, был убит в бою на Куликовом поле в 1380 году. Из летописей известно, что он был облачен в доспехи Дмитрия Донского, а князь рубился в одежде простого латника. Позднее среди дворян Челищевых было много заметных и уважаемых людей. Они служили стольниками, воеводами, участвовали в Казанском, Половецком, Азовском, Крымских и Польских походах, в войнах со Швецией и Турцией, в Отечественной войне 1812 года.

Мой дед Алексей Михайлович Челищев был богатым помещиком и хорошим хозяином. Он имел доходные земли в Тульской и Тамбовской губернии. Его отец М. Н. Челищев, тайный советник, гофмейстер, был женат на Екатерине Алексеевне (урожденной Хомяковой), которая надолго пережила своего

мужа, была богата и отличалась многочисленными причудами. Так она однажды подарила сестре моего отца, Катерине кобылу с жеребенком и велела кучеру ввести лошадей по лестнице в залу на втором этаже господского дома. Одновременно младшие сестры Мария и Анна получили в подарок овцу с ягненком и наседку с цыплятами.

Моя бабушка Ольга Алексеевна была младшей дочерью Алексея Степановича Хомякова, славянофила и поэта, и Е. М. Языковой, сестры поэта Н. М. Языкова. Хомяковы были в тесном родстве с Киреевскими. Бабушка рано потеряла родителей. Опекуном младших детей был старший брат Дмитрий Алексеевич Хомяков. Он принимал активное участие в воспитании и устройстве своих многочисленных сестер и брата Николая, который стал впоследствии председателем 3-й Государственной Думы (Столыпинской). Д. А. Хомяков умер в январе 1919 года в Москве. Его старшая сестра Мария Алексеевна, которая жила в Хомяковском доме на Собачьей площадке, умерла в тот же день, узнав о смерти брата.

Детские годы моего отца прошли в поместье Федяшево, под Тулой, купленном для моей бабушки в качестве приданого вдобавок к доходным имениям в Тульской и Симбирской губернии, доставшимся ей по наследству. Федяшево (произносилось - Федешо'во) было куплено у дочери Пушкина Марии Александровны после трагической смерти ее мужа барона Гартунга. Барон застрелился прямо в здании суда, обвиненный в подлоге, к которому он был совершенно непричастен. В доме от старых хозяев осталась библиотека и картины, в том числе и большой портрет Л. Н. Гартунга, написанный так, что барон все время смотрел на зрителя.

После женитьбы мой дед отказался от светского образа жизни, и Челищевы постоянно поселились в Федяшеве. Это была большая дружная семья: два брата и четыре сестры. Дом постоянно посещали родственники, знакомые, соседи.... На фотографиях можно видеть конные прогулки, пикники.... Когда сыновья пошли в Поливановскую гимназию, на зиму стали переезжать в собственный дом в Москве. После скоростной смерти моего деда все заботы о семье и о делах целиком легли на бабушку Ольгу Алексеевну.

Мой отец Федор Алексеевич Челишев прослушал полный курс историко-филологического факультета Московского университета, но отказался от диплома в знак протеста против сурового пресечения студенческих волнений. Он работал в земстве, участвуя в создании сельских школ. Отец много путешествовал по Европе, знал языки, играл на виолончели и рояле, всю жизнь писал стихи "в стол". В 1912 году он уезжал на Балканы добровольцем под марш "Прощание славянки" и был санитаром в сербской армии. В годы первой Мировой войны отец тоже находился на фронте.

После известного ленинского Декрета о Земле поместье Федяшево было разграблено местными крестьянами, как и большинство других дворянских усадеб по всей России. После большевистской экспроприации имения там размещался детский дом, а потом правление совхоза. Двухэтажный кирпичный дом с башней сохранился до сих пор. До сих пор сохранились и контуры парка с липовыми аллеями и прудами.

В советское время мой отец дважды арестовывался. Первый раз - по спискам Всероссийского Церковного Собора. Отец был послан на Собор от мирян Тульской губернии. В то время он был хранителем музея А. С. Хомякова в селе Богучарово. Здесь до сих пор сохранился господский дом, превращенный сейчас в музей, и интересная церковь Сретенья Господня, построенная на средства родителей А. С. в ознаменование победы в войне 1812 года. После ареста отца музей и церковь были закрыты.

Это было время, когда легко расстреливали, но еще надолго не сажали. Сразу после освобождения в 1925 году мой отец был выслан из Москвы и жил в Сергиевом Посаде со своей матерью. Здесь в то время возникло скопление "бывших", и чекисты держали всех более или менее заметных людей под пристальным вниманием. Отсюда мой отец снова был арестован, полгода провел в Бутырской тюрьме, и был осужден по групповому делу митрополита Петра (Полянского) вместе с П. В. Истоминым и П. Б. Мансуровым. Из текста обвинения следует, что группа "...ставила своей задачей сплочение реакционно-монархических элементов вокруг церкви и направление ее, т.е. церкви, против советской власти..." (Статья 58-6,62,68 УК РСФСР).

По решению Особого Совещания при Коллегии ОГПУ отец был сослан на 3 года в Усть-Куломский уезд Коми АО в верховьях Камы, но находился на поселении около 5 лет. Митрополит Петр, местоблюститель патриаршего престола после смерти патриарха Тихона, тоже был отправлен в ссылку, а в 1937 году снова арестован и расстрелян.

Девичья фамилия моей матери Грессер. Братья Грессеры (курляндские дворяне) прибыли в Россию из Германии при Петре I. Все они были военными, участвовали в Бородинском сражении (один из Грессеров командовал артиллерией у Багратиона), в войнах с Турцией. Дед моей матери Петр Аполлонович Грессер был боевым генералом, героем Плевны, а потом занимал важные государственные посты. В бытность П. А. Грессера градоначальником Петербурга, он предотвратил покушение на императора Александра III в марте 1887 года, когда пятеро террористов, в том числе А. И. Ульянов (брат В. И. Ленина) были казнены в Шлиссельбургской крепости. Потом В. Дуров выступал в цирке с особым номером, где он выносил на сцену большой мешок, из которого вытаскивал сначала маленького поросенка и говорил: "Клайн", потом - побольше и говорил: "Гросс" и, наконец, - целую свинью и кричал: "Грессер!".

Отец моей матери Александр Петрович был первым в семье Грессеров мужчиной, отказавшимся от военной карьеры, хотя и был выпущен из Пажеского корпуса гардемаринном лейб-гвардии Конного полка. Но это не помешало ему стать добровольцем в начале Первой Мировой войны.

Моя мать Ольга Александровна Грессер родилась 23 февраля 1897 года в поместье Ольгино, поблизости от Александрова, полученном ее прадедом по материнской линии Павлом Петровичем Чичериным в приданое при женитьбе на Ольге Павловне Голицыной, внучке фельдмаршала Румянцева, побочного сына императора Петра I.

Афанасий Чичери - итальянский архитектор был приглашен в Россию еще при Иване III и участвовал в сооружении многих московских церквей, в том числе и в Кремле. Дед моей матери Сергей Павлович Чичерин закончил службу генерал-майором лейб-гвардии Конного полка. Он был женат на Александре Николаевне Кеммерер, известной петербургской балерине. Их

дочь, моя бабушка Надежда Сергеевна (в замужестве Грессер), умерла при родах моей матери.

В возрасте 7 лет моя мать неожиданно оказалась в Англии, куда ее отправили с гувернанткой-англичанкой, когда ее отец решил повторно жениться. Потом она часто вспоминала, как мерзла зимой в холодном английском доме, где постель на ночь подогревали специальной грелкой, как играла вместе с мальчишками в футбол. У них в классе училась безрукая девочка, которая писала ногой. Мать любила рассказывать о посещении королевских конюшен. В Лондоне ее поразил огромный стеклянный инкубатор, в котором на глазах у всех прохожих вылуплялись цыплята.

В Россию моя мать возвращалась через предвоенную Европу с остановками в Париже и Женеве. Она успела до Революции окончить гимназию и курсы иностранных языков, на основе которых возник позднее небезызвестный Институт им. М. Тореца. Её богатая мачеха Вера Петровна (урожденная Расторгуева, по отчиму - Комисарова) держала открытый дом в Москве на Сивцевом Вражке, где постоянно бывали актеры московских театров. Сводный брат Веры Петровны А. М. Комисаров в советское время стал известным актером Художественного театра, и я не один год пользовался бесплатной контрамаркой для входа во МХАТ. Мать тоже выдержала вступительные экзамены в театральную школу-студию, но побоялась сказать об этом отцу.

По окончании языковых курсов моя мать начала преподавать в гимназии, но после Октябрьского переворота французский язык, как "буржуазный", был исключен из всех программ, и ее уволили. Она тогда участвовала в возвращении из Елабуги в Москву большой группы московских детей, находившихся на отдыхе. В Гражданскую войну моя мать оказалась с Белой армией на Кавказе, окончила курсы медицинских сестер и участвовала в боях, а когда пришли красные, снова работала в госпитале по мобилизации.

В Москву моя мать вернулась в разгар гонений на церковь. Она была арестована при разгроме Засимовой пустыни (под Сергиевым Посадом) и, также как отец, прошла через Бутырскую тюрьму, а потом попала в ссылку. Мать часто повторяла, что если бы не Революция и аресты, я бы не появился на свет. В

дореволюционной России это были разные общественные и культурные круги: московские богатые и родовитые помещики Челищевы и питерские военные сановники Грессеры. Сейчас это уже трудно понять. Действительно, в Энциклопедии Брокгауза и Эфрона статья о Челищевых не на много больше, чем статья о Грессерах.

Мои родители были знакомы еще по Сергиеву Посаду и поженились во Владимире, где они оказались, т.к. имели "минус" после ссылки. Это был ближайший к Москве город, в котором им разрешалось жить. Они оказались под надзором органов, должны были еженедельно лично отмечаться в милиции. Приходилось отбиваться от настойчивых попыток чекистов склонить поднадзорных к доносительству, сопровождавшихся заманиванием и запугиванием. Каждая поездка в Москву или Загорск была связана с риском ареста и нового срока. И с фамилией Грессер было опасно жить в советской России, поэтому моя мать после освобождения из тюрьмы жила и выходила замуж под фамилией: Орлова.

Это были два одиноких, затравленных человека, неожиданно лишившихся места в жизни, оказавшихся во враждебном окружении. У них были отняты все жизненные перспектив. Невзгоды революционных лет и постоянное ожидание новых репрессий окрасили тревогой и болью их чувства. Отец вернулся из ссылки в плохом физическом состоянии и едва не умер. Трудно сейчас понять, что их связывало: значительная разница в возрасте, разное воспитание, разные семейные традиции, разный темперамент. Но было и общее: глубокая религиозность, полное неприятие советского образа жизни. Позже появились друзья - Пазухины. Я их помню по военным годам во Владимире. Об этом советском времени Осип Манделъштам в 33-м году очень точно написал: "Мы живем, под собою не чуя страны...".

Злоключения послереволюционных лет с арестами и ссылкой отодвинули для отца время женитьбы за 50-летний возраст. На долгие советские годы время как бы остановилось, и жизнь превратилась в сплошное ожидание: то ареста, то освобождения из тюрьмы, то возвращения из ссылки...! Мои родители венчались с большими предосторожностями в чудом уцелевшей церкви в

деревне под Владимиром. Никаких свадебных торжеств не было. Мать моего отца не смогла приехать во Владимир и прислала икону с благословением. Отец моей матери после Гражданской войны оказался в Омске. Это было венчанье в пустой церкви вдвоем: без родителей, без родственников, без друзей, без зрителей. Такова была абсурдная реальность тогдашней жизни. Родители сняли маленькую комнату на окраине Владимира и жили в полной нищете. Но они были счастливы.

Не так просто было отказаться от соучастия в хорошо налаженной репрессивной системе, построенной по принципу воровской банды, где каждый должен быть замаран. К этому времени в стране сложилась многоуровневая партийно-советская номенклатура, полностью сосредоточившая в своих руках все рычаги управления жизнью людей. В советское общество из уголовного жаргона перекечевало слово "блат", сохранив, в основном, старый смысл – принадлежность к привилегированной преступной группе, связанной круговой порукой. Иерархическая система всевозможных привилегий при распределении материальных благ поделила страну на "население" и "кадры", и привела к новому имущественному неравенству. Жизнь строилась по В. Маяковскому: "Тот, кто сегодня поет не с нами, - тот против нас!". Единомыслие контролировалось полным однообразием газетных статей и радиопередач, причесанных под партийную гребенку. Постоянно нужно было подтверждать свою лояльность режиму: от чего-то отрекаться, кого-то осуждать, куда-то вступать.

Массовое "стукачество" насаждалось сверху, но и возникало снизу, как возможность свести счеты или выслужиться. Жесткий паспортный режим (с практикой особых милицейских отметок) и прописка поставили всё население страны в полную зависимость от органов. Аресты, ссылки, лагеря вошли в повседневную жизнь многих людей. Принадлежности к эксплуататорским классам или судимости по 58-й статье... было достаточно для лишения гражданских прав (одновременно с отказом в праве голоса имел место и запрет на профессии и на выбор места жительства). Мои родители тоже оказались "лишенцами".

Новая власть беззастенчиво искажала и искореняла память о прошлом. Наспех переписывалась история. Создавался миф об

отсталой, нищей, кандалной царской России, доживший до наших дней. "Мудрая" сталинская национальная политика разделила страну по искусственным национально-административным границам, и в паспортах и анкетах появилась графа: "национальность". Обязательной настольной книгой стал сталинский "Краткий курс истории ВКП (б)", который штудировала вся страна. Специально для обслуживания советского режима были организованы "творческие союзы". Сразу после смерти был торжественно "канонизирован" Ленин. В безудержном восхвалении Сталина самозабвенно состязались поэты, писатели, композиторы, художники, кинематографисты....

Повсеместно закрывались разрушались церкви, а совершение церковных обрядов на дому каралось как уголовное преступление. Существовала широкая система льстивого "подкоммунивания". В угоду советскому режиму была составлена целая коллекция новых советских имен (например: Владлен, Сталина ...и еще более причудливых). Большинство городов, улиц, предприятий, пароходов... было переименовано в честь революционных вождей и событий.

Массовое обнищание населения и скудность жизни на долгие годы вошли в повседневный советский быт. Тут же распространилось и широкое пьянство, державшееся на самогоне, и разговорный мат, полностью неприемлемый для моих родителей. Матом широко пользовалась не только пролетарская часть населения страны, но и советские начальники всех уровней. Да и в "интеллигентских кругах" матерщина воспринималась как милая экстравагантность.

Это была настоящая внутренняя эмиграция (эмигрировать за границу было уже невозможно). За отказ от соучастия в преступлениях режима приходилось платить дорогой ценой нищеты и бесправия. Но на этом продержалась и, в какой-то степени, нравственно сохранилась та часть дворянской интеллигенции, которая осталась в России и пережила годы красного террора. Были, конечно, и те немногие, кто примкнул к большевикам. Родственник моей матери Г. В. Чичерин был первым советским наркомом иностранных дел.

Меня поражает стойкость и оптимизм этих людей, внезапно попавших из Серебряного Века прямо под "Красное Колесо".

Настало время, когда порядочные люди мало говорили и еще меньше писали. Надежды на неизвестных подвижников, которые пишут "в стол", на поверку оказались сильно преувеличенными (возможно, многое не сохранилось). И я счастлив, что стихи моего отца уцелели в его кочевой, бездомной жизни. Эти стихи, не рассчитанные на публикацию, помогают лучше понять наше прошлое, и, может быть, сохранить какие-то нравственные ценности, которым сейчас грозит полное забвение.

Я родился в Муроме, под Владимиром 9 июня 1933 года. Меня крестил друг моего отца, священник, отец Сергей (Сидоров), позднее погибший в лагере. Это было тяжелое время. Мои родители оказались в Муроме без средств к существованию и даже без хлебных карточек. Они жили с временной пропиской под присмотром органов. По современным представлениям это была глубокая нищета и полное бесправие. Жизненные невзгоды стали беспокоить отца после моего появления на свет. Как лишенцу, моему отцу долгое время не удавалось получить работу. Он подрабатывал уроками и черчением. Но этого было недостаточно для существования семьи. Чтобы меня накормить, приходилось сдавать остатки фамильного серебра, сохраненного моей бабушкой, в ТОРГСИН (магазины, занимавшиеся скупкой драгоценных металлов у населения).

Была фотография: в санках, плетеных из ивовых прутьев, сидит серьезный круглолицый младенец - я, а рядом стоит высокая, очень худая женщина с сияющими глазами - моя мать. Через 40 с лишним лет я зимой приехал в Муром за копией свидетельства о рождении и с удивлением увидел на заснеженных улицах города высокие плетеные санки моего раннего детства. Но первые воспоминания остались от времени, когда мы жили в селе Норском на Волге, под Ярославлем. Я до сих пор помню запах просмоленных лодок на берегу. Там в речке Норке когда-то прятал свои разбойничьи челны Степан Разин, а мои родители благополучно пережили пору массовых репрессий 30-х годов. В это горячее время аппаратных чисток у чекистов все реже доходили руки до бывших, им хватало "врагов народа" из всех слоев населения, включая и советские "кадры".

Отец ходил через замерзшую Волгу пешком в Затон, где он работал библиотекарем (летом была лодочная переправа). Мать

работала в медпункте при ткацкой фабрике, и каждое утро затемно катила меня на санках по заснеженной пятикилометровой дороге в ясли. Сохранились в памяти бледные люди в черных ватниках на расчистке зимней дороги - заключенные, и охрана с винтовками в огромных овечьих тулупах. Еще запомнилась панорама грандиозной драки между Норским и Затонем в масленицу на льду Волги. С обеих сторон участвовало несколько сот человек. Дрались стальными прутьями, стреляли из самоделок, убитых сталкивали в прорубь. Это были настоящие боевые действия. Милиция не решалась вмешиваться.

Летние воспоминания более приятные: цветник и кусты сирени перед нашим окном, причастие на дому у старичка-священника, прогулка по лесу на спине у отца, ярмарка с каруселями и качелями по случаю местного престольного праздника Всех Святых, который советские власти терпели под видом "Праздника Урожая". Но был и детский ужас от разговоров об убийце-Кривошеине, который зарубил свою жену и бегал в хмельном угаре по деревне с топором, пока его не подстрелил милиционер, и страшный ночной пожар деревянного дома, где мои родители снимали комнату. Отец вынес меня сонного на руках, но всё наше небогатое имущество сгорело.

Поездку в Москву на разведку я уже хорошо запомнил. Это было раннее лето 1939 года. Мы долго шли через лес к местной железнодорожной станции, чтобы доехать до Ярославля. В помещении вокзала не было свободных мест, и меня отец посадил на наш чемодан. Ярославский поезд приходил в Москву ночью, и я был поражен обилием разноцветных железнодорожных огней на подъездных путях.

В Москве мы остановились у Бобринских, в семье сестры моего отца, тети Маши. Ее муж, двоюродный брат отца, известный зоолог Н. А. Бобринский, бывший граф, бывший офицер, уцелел только потому, что 20-е годы провел в Ташкенте. Ко времени нашего приезда в Москву из всех сестер отца в живых осталась только тетя Маша. Многие другие родственники также не миновали тюрем, лагерей и ссылок. Дядя Миша Челищев, двоюродный брат и крестник моего отца, отсидел в лагере, отжил на поселении и умер в "целинном" Казахстане. Тетя Катя Стахова (Е. Н. Челищева), двоюродная сестра моего отца сама

прошла через джезказганские лагеря, ссылку и так никогда и не выбралась из опостылевшей Караганды. Многие другие родственники оказались в эмиграции.

Проснувшись рано утром в коммунальной квартире на Трубниковском переулке, я вдруг услышал бой часов Спасской башни. Потом я увидел Кремль из чердачного окна семиэтажного дома, куда меня привел двоюродный брат Коля. Тогда день начинался под шум примусов на общей кухне. Мы ходили с Колей за керосином в лавку на Малой Молчановке. Первое мое знакомство с электричеством закончилось перегоранием пробок, когда я додумался вставить кусок изогнутой проволоки в штепсельную розетку.

И все же, это еще была старая Москва моих родителей. Еще существовала знаменитая Собачья площадка с Хомяковским домом, где после большевистской экспроприации и закрытия Музея 40-х годов располагалось Гнесинское музыкальное училище. (Позже по команде безнадежно темного Хрущева этот замечательный уголок старой Москвы был снесен под прокладку Нового Арбата.) Еще сохранились в памяти названия улиц Пречистенки с Остоженкой, где в разные годы жили и учились мои родители. Еще ходил трамвай по Никитской улице, по Охотному ряду и через Красную площадь. Но уже взорвали храм Христа-Спасителя и прорубили Садовое кольцо. Социализм наступал по всему фронту.

Естественно, что в советской Москве не нашлось места для моих родителей. Всё было занято "детьми Арбата". Через год мы переехали в Мытищи под Москвой. Мои родители сняли маленькую комнату в ветхой пригородной даче. Отец получил временную работу в Институте истории, философии и литературы (ИФЛИ) в Москве, а мать работала медсестрой в Мытищах. Меня устроили в детский сад. Не за горами была страшная война. Но кто мог об этом знать?

Новый 1941 год мы встречали в холодной мытищинской комнате вареной картошкой с солеными огурцами и чаем со слипшимися кофейными леденцами. Предвоенное "изобилие", о котором любят вспоминать "старые большевики", было только для них - в закрытых распределителях, количество которых во время войны еще увеличилось. Для нашей семьи впереди были

долгие, голодные и холодные военные годы. Мы с отцом вырыли "щель" в огороде на случай бомбежек, и мать ставила туда молоко. В первый же большой налет я полез в укрытие и разбил банку с молоком.

Перед отъездом во Владимир в эвакуацию мы недолго жили у Бобринских в Трубниковском переулке. Над городом висели заградительные аэростаты. Каждый вечер звучали сигналы воздушной тревоги, бухали зенитки. Мальчишки собирали осколки от зенитных снарядов. Первое время при налетах мы прятались в метро на Смоленской площади, но вскоре стали оставаться дома. Я помню страшный ночной взрыв поблизости. Потом говорили, что бомба угодила в здание театра Вахтангова на Арбате.

Это было время осеннего немецкого наступления. В середине октября Москва опустела. Бежала советская власть всех уровней, бежали жирные снабженцы. Склады и магазины были разграблены. Из распахнутых окон учреждений ветер разносил золу и обрывки документов. На помойках громоздились кучи красных томов сочинений Ленина. Тут же валялись и портреты вождей в тяжелых, позолоченных рамах.

Тогда в ополчение ушли многие тысячи москвичей, в основном - интеллигенция (пожилые профессора вместе с безусыми студентами и школьниками - одна винтовка на троих). Среди них был и сводный брат моей матери, Петя. Почти все они погибли "без пользы, зазря" на подступах к Москве. На стене каждого московского вуза можно видеть мемориальную доску со списком погибших. А сколько без вести пропавших прошло мимо всех списков? При миллионе убитых и еще миллионе пропавших без вести в битве за Москву, Московское ополчение, это - мелкий эпизод. Но, наверное, это - один из самых трагических эпизодов страшной войны.

В осадной Москве 41 года отец по ночам дежурил на крыше дома в Трубниковском переулке. Дежурства были рассчитаны на то, чтобы сбрасывать на землю зажигательные бомбы при немецких налетах, и носили символический характер. Иногда удавалось пробраться на крышу дома и мне. В свете прожекторов и вспышек зенитных орудий с крыши открывалась панорама центра Москвы с потушенными кремлевскими звездами и многочисленными церковными куполами без крестов. Но скоро

ожесточенная война заставит Сталина обратить благосклонное внимание на религию. И начнут понемногу открывать церкви, и начнутся торжественные молебны за победу, такие же регулярные, как салюты за взятие городов.

После авиационных налетов на Москву и осеннего немецкого наступления возникла угроза, что меня могут эвакуировать отдельно от родителей. Поэтому мать со мной, налегке срочно переехала в Доброе Село под Владимиром. Отец с вещами ехал позже. В Петушках его обворовала случайная женщина, которую он попросил покараулить вещи на автобусной остановке. Пока отец ходил за угол в магазин, чтобы отоварить продуктовую карточку, "милая" женщина исчезла вместе с его вещами. Так он и появился перед нами, обескураженный, с кульком "подушечек" в руках.

Была и утешительная новость - отцу, наконец, выдали новый, бессрочный паспорт, где уже не было отметки о судимости. Кто тогда мог подумать, что ему было суждено прожить с вожделенным "чистым" паспортом всего три месяца? Мать продолжала жить со старым паспортом, где стояла отметка о судимости. В начале войны были даны послабления, но она боялась обращаться в милицию для обмена паспорта из-за своей немецкой девичьей фамилии.

В "Добром Селе" славные колхознички очень быстро отобрали у нас то немногое, что еще осталось: медный самовар - за мешочек гороха, перьевые подушки - за свиные почки, обручальное кольцо матери - за мешок картошки. Сельская школа не работала, и я не смог начать учиться. К зиме нам удалось перебраться на окраину Владимира. Это были деревянные бараки на Московском шоссе. Круглые сутки мимо дома шли два встречных потока машин и людей: беженцы - на Восток, новобранцы - на Запад. Стояли суровые Крещенские морозы. Во дворе постоянно останавливались машины, у костров толпились люди. По ночам отсветы пламени костров освещали наш двор.

Дневной свет почти не проникал в нашу маленькую комнату через полностью обмерзшее окно. В комнате была печка, но с дровами было очень трудно. Мать работала тогда две смены в психбольнице, а отец каждое утро отправлялся на поиски топлива. Однажды он вернулся весь покрытый морозным инеем с

большой вязанкой досок, выломанных из старой плотины. Запылал огонь в печке, и в комнате скоро стало тепло. Ночью отец умер от сердечного приступа на 62 году жизни. Был январь 1942-го. Отца похоронили на кладбище под стенами печально известной Владимирской тюрьмы. Десять лет назад здесь кончался город, и именно здесь мои родители, сидя на кладбищенской ограде, решили пожениться. Я долго не мог осознать, что отец умер. Он приходил ко мне во сне, я говорил с ним.

Это была тяжелая, первая военная зима. Морозы не ослабевали. Немцев остановили под Москвой. Из черной бумажной тарелки громкоговорителя целыми днями гремело: "Пусть ярость благородная вскипает как вола. Идет Война Народная, Священная Война...". (Недавно я с удивлением узнал, что и музыка, и слова были позаимствованы из 1914 года.) Шли разговоры о "сибирских" дивизиях и Рокоссовском, о частях НКВД.... На задах нашего двора начиналась товарная железнодорожная станция. Скоро пришел первый эшелон с пленными. Ночью немцы разбежались из промерзших теплушек и стучались под дверями наших барачков, но никто не открыл. Утром я увидел труп замерзшего немецкого солдата в сугробе перед домом.

Главными нашими врагами в ту зиму были голод, холод и вши. Подсолнечный жмых казался много вкусней довоенной халвы. Мы затирали числа на карточках и забирали хлеб на декаду вперед. В конце каждого месяца приходилось жить совсем без хлеба. Я опухал от голода. Мать сдавала кровь и скармливала мне паек, который полагался донорам.

Весной я посадил на могиле отца маленький клен, принесенный из леса. Мои военные годы во Владимире прошли в беспризорной среде обитателей барачков с матом, курением, драками, мелким воровством. Но остались в памяти и походы в лес за черникой, и ночная рыбалка на реке Клязьме, и помидорная грядка под окном. Когда я с женой и дочерью приехал во Владимир много лет спустя, все кладбище заросло кленами. Могилы отца не было....

Мои родители - это печальный пример полной невосребованности репрессированной дворянской интеллигенции в советское время. Этих высоконравственных и образованных людей исключили из жизни. Преподавание в школе было запрещено

для лишенцев. Отец подрабатывал черчением, был библиотекарем и только в 40 - 41 годах несколько месяцев проработал младшим научным сотрудником в ИФЛИ, где он занимался разборкой архива. Мать всю жизнь так и оставалась медсестрой без диплома, с окладом санитарки (белогвардейская справка об окончании курсов медсестер была сожжена при приходе красных). Профессиональное знание иностранных языков пригодились только после войны, когда мать начала давать частные уроки детям ответственных работников. Платой за это были недоеденные продукты из обильных кремлевских пайков.

Дворянская интеллигенция избежала массовой революционной "чумы" начала 20-го столетия, а после Революции не пошла на поклон к большевикам. Октябрьский переворот, безжалостно снесший этот культурный слой, резко отдалил Россию от остальной Европы.

Разночинная и еврейская интеллигенция, в значительной своей части поддержавшая большевиков, своими знаниями и талантами долгие годы обслуживала, укрепляла, прославляла и покрывала советский режим. За это многим "попутчикам" скоро пришлось расплатиться жизнью или свободой. В этом смысле можно сказать, что и О. Мандельштам, один из моих любимых поэтов, заплатил жизнью за свое юношеское увлечение марксизмом и за свой зрелый отказ от прошлого. Диссидентское движение 60-х годов стало результатом запоздалого "прозрения" новой, советской интеллигенции.

Созданный в советское время по партийному и классовому принципу слой "выдвиженцев", образовавший новую техническую и идеологическую интеллигенцию, и красную профессуру, в основном, состоял из интеллигентов в первом поколении, в значительной степени, лишенных культурных и нравственных корней. Из этой среды выдвиженцев формировался директорский корпус предприятий, набиралась научно-партийная номенклатура, осуществлявшая руководство Академией Наук, отраслевой наукой и высшей школой, а также учреждениями информации и культуры.

Долгие годы шла кропотливая партийная селекция руководящих кадров на всех уровнях. Сразу отсекалось все независимое, инициативное, незаурядное, талантливое и просто честное.

Именно в этом я вижу одну из главных причин всеобщей нравственной деградации советского времени.

Значительная часть жизни моего отца прошла до Революции. Имя отца еще попало в родословную рода Челищевых (Родословный сборник Руммеля, том II, стр. 676, 1887 г.). Он был введен во владение значительной частью недвижимости, принадлежавшей семье Челищевых, и включавшей доходные имения и поместье Федяшево.

Мой отец был подлинно русским и православным человеком, он любил Россию. Он ценил русскую историю, русскую культуру, российскую государственность. Особое значение для отца имело православие, и как религия, и как элемент культуры. Но у него никогда не было обостренного чувства национальной принадлежности. Моего отца обычно коробило от "фольклорности" с полупьяной гармошкой и полупохабной частушкой.

Старая Россия не устояла в пору политических и военных потрясений начала двадцатого столетия. Поспешное вступление в войну с Германией было роковой ошибкой. "Абсолютная" монархия была слишком слаба, чтобы успешно вести широкомасштабную, затяжную войну (это показала еще Крымская кампания и война с Японией). Двор не контролировал ресурсы страны, транспорт, прессу, общественное мнение.... Царской семье не удавалось даже надежно защитить себя и своих министров от многочисленных террористов. Достаточно вспомнить кровавый список жертв террора, включавший Александра II, Столыпина и многих других выдающихся людей России.

Октябрьский переворот дотла уничтожил жизненный уклад, в котором вырос и сформировался мой отец. Была бесцеремонно разорвана преемственность времен. Стихотворения, написанные отцом в послереволюционные годы, отражают весь трагизм поколения дворянской интеллигенции, сформировавшегося на идеалах Серебряного Века, и не готового принять ни большевистские лозунги, ни советский образ жизни. Это поколение было либо уничтожено физически, либо вытеснено в эмиграцию, либо репрессировано и обречено на молчание и бездействие советской системой.

Злоключения российской интеллигенции в послереволюционные годы описаны Б. Пастернаком в "Докторе Живаго". Но у

Пастернака был другой, более благополучный жизненный опыт "попутчика". Он не сидел, не бедствовал и быстро нашел свою "экологическую нишу", конформную с советской действительностью, давшую ему возможность печататься и дачу в поселке советских писателей Переделкино. Скандал с Нобелевской премией имел личную подоплеку - зависть всемогущего М. Шолохова и других "классиков", которые натравили на Пастернака Н. Хрущева. (Но это понимали и функционеры из Нобелевского комитета, спешно присудившие очередную премию Шолохову.) Я не случайно вспомнил здесь о Б. Пастернаке. Есть что-то общее в литературной судьбе доктора Живаго и жизни моего отца.

В нашей кочевой, бездомной жизни после отца не осталось никаких памятных вещей, только две тетрадки стихотворений. Эти стихи никогда не публиковались, если не считать двух стихотворений, напечатанных в русскоязычной парижской газете "Русская мысль" в 1989 году. Здесь же была помещена краткая биография Ф. А. Челишева, грешащая рядом неточностей. Сами стихотворения также содержат пропуски и ошибки (вероятно, восстанавливались по памяти). Мне ничего не известно об источнике этой неожиданной публикации.

Исторические эпохи не подчиняются солнечному календарю. Вот и 20-й век для Российской Империи начался с Великой войны 1914 года. Мой отец участвовал в боях как санитар в Западной армии, а при Временном правительстве был мобилизован в артиллерию. От тяжелых военных лет стихов не осталось.

Отец вернулся с фронта уже после Революции и разграбления Федяшева. Из дома было вынесено почти все, кроме книг. Самое горькое чувство осталось от угона верховых лошадей, к которым вся семья была очень привязана. Потом удалось случайно найти и выкупить только одного скакового жеребца по кличке Барс. Когда его нашли у местного крестьянина, он был заезжен и опоен, и радостно заржал, узнав старых хозяев. Его сдали в конюшню конного завода (тогда уже совхоза) в Шульгино. Все остальные верховые лошади так и были загублены в оглоблях. Бабушка была удручена тем, что местные крестьяне, с которыми дружно жили бок обок не один десяток лет, в одночасье превратились в воров и погромщиков.

Приведу смешной случай, рассказанный тетей Машей по этому поводу. Во время разграбления усадьбы один местный крестьянин прибежал последним, и видит, что братья уже нечего. Остались только два высоких венецианских зеркала при парадной лестнице на второй этаж. Стал он их вынимать. Одно сразу разбилось, а второе они с женой унесли в деревню. На другое утро прибегает этот крестьянин и бухается в ноги к моей бабушке: "Барыня Ольга Алексеевна, прости ради Бога! Бес попутал!". Оказалось, что зеркало не поместилось в избу, и мужик поставил его в крытый двор к скотине. Там потолка не было, и зеркало как раз встало под самый конек крыши. Утром корова проснулась, увидела себя в зеркале и боднула рогом. Зеркало разбилось, большой осколок вонзился корове в шею, и ее пришлось зарезать. Этот эпизод символичен: "Бес попутал" не только этого крестьянина, но и всю Россию.

После погрома оставаться в Федяшеве было небезопасно, и бабушку Ольгу Алексеевну перевезли в другое имение - Шульгино. Но здесь тоже было беспокойно. Пришлось еще раз переезжать - в Заглухино (именье сестры моего отца Кати). Вскоре из Заглухина также пришлось поспешно уезжать. А тетя Катя собрала подростков-гимназистов, сама взяла в руки двустволку и прогнала погромщиков. В тот же день ее арестовали чекисты из Тулы. В тюрьме она подверглась страшным издевательствам и сошла с ума.

В это беспокойное время удалось взять под охрану как музей поместье А. С. Хомякова в Богучарове, и отец стал хранителем этого музея. Шли годы репрессий красного террора. Привычный жизненный уклад был полностью разрушен: отбирались помещичьи усадьбы, закрывались церкви, ссылались священники.... Отец участвовал в работе Всероссийского Церковного Собора, где было восстановлено Патриаршество (упраздненное Петром I) и избран Патриарх Тихон, категорически отказавшийся сотрудничать с большевиками и осудивший изъятие обрядных церковных ценностей.

При конфискации ценностей из церкви в Богучарове крестьяне пытались оказать сопротивление, исполняя запрет Патриарха. Отец предложил внести фамильное серебро вместо церковной утвари, но это не помогло. Чекисты увезли в Тулу и столовое

серебро, и церковные ценности. Вскоре отец был арестован, а музей и церковь - закрыты.

Истоки веры в Бога отец прямо находил в опыте счастливого раннего детства. В свои детские и юношеские годы он был постоянно окружен глубоко верующими людьми. Весь жизненный уклад того времени естественно включал и домашнюю молитву, и стояние на церковной службе. У меня у самого сохранились радостные детские воспоминания от многократного посещения церкви и причастия.

Для моего отца Церковь - не пышная бутафория и не орудие манипулирования верующими, а место, где человек общается с Богом. И никакой священник, присланный с Лубянки, не властен, вмешаться в это прямое общение. Вера в Бога была естественной и искренней, без показного благочестия, без оглядки и без скепсиса. В моих ранних детских воспоминаниях сохранилась праздничная, радостная атмосфера Рождества, которую умели создать мои родители наперекор нашей голодной и холодной повседневной жизни.

Репрессивному режиму и его безропотным пособникам церковь мешала. Она ставила нравственные преграды. Массовое духовное самоуничтожение советского общества сопровождалось закрытием, разграблением и разрушением церквей. В эти тяжелые годы отец находил опору в вере. Еще жила надежда, что не все потеряно, что жизнь еще вернется в старое, дореволюционное русло. Я думаю, что такая надежда еще теплилась у многих людей в то смутное время; и не только у тех, кто остался в России, но и у тех, кто ждал в эмиграции и надеялся на возвращение. Многие русские эмигранты перебрались из Парижа в Прагу, или в Белград, поближе к России. Теперь-то мы знаем, что этим наивным надеждам не суждено было сбыться.

В 20-е годы в Сергиевом Посаде (Загорске) оказались разгромленные московские аристократические семьи (Голицыны, Истомины, Комаровские, Самарины, Трубецкие, Шаховские, Шереметевы...). Отсюда многие были арестованы. Челищевы также оказались в Сергиевом Посаде после закрытия музея в Богучарове и первого ареста отца.

Мой отец был "взят" из Сергиева Посада зимой 1925 года по большому "церковному" делу, возбужденному Лубянкой после

гибели Патриарха Тихона, которого отец знал лично. Многолюдные похороны Патриарха встревожили большевиков. Гонения на православную церковь возобновились с новой силой. Тюремные камеры стали наполняться священниками, верующими и даже церковными нищими.

В это же время при разгроме Засимовой пустыни (под Сергиевым Посадом) была арестована и моя мать. Она потом вспоминала, как ей не давали спать в камере по ночам (яркий свет, охранник у глазка) и как допрашивали под горячими лучами лампы, направленной в глаза. Следователю нужны были имена, которых мать не знала.

Сразу после войны (в 1945 - 46 годах) я жил у тети Маши в Трубниковском переулке и имел прозвище "Коля Верхний" по тому случаю, что спал на плательном шкафу. Здесь же тогда жили братья Трубецкие, вернувшиеся с войны с орденами и ранениями (Андрей, Володя, потерявший ногу на фронте, и Сережа). Их родители и старшие дети (брат и две сестры-красавицы) тоже были арестованы в Сергиевом Посаде. Младших детей разобрали родственники. Через 30 лет из лагерей вернулся один изможденный и совершенно больной Гриша. Ему во время ареста было всего 14. А в 1949 году арестовали Андрея, который освобожден только после смерти Сталина.

В 20-е годы из Бутырской тюрьмы для политического заключенного было три пути: под расстрел, на Соловки или в ссылку. На свободу пути уже не было. Но и огромные, на всю жизнь, "срока" еще не вошли в повседневную практику органов (проще было расстрелять). Еще не хватало концлагерей, и еще не успели додуматься до сооружения руками заключенных Беломоро-Балтийского канала и других "Великих Строек". Поэтому еще не брали по разнарядке сверху, как рабочую силу, и не было еще экономического резона в больших сроках.

Отцу досталась ссылка в Зырянский край. Я думаю, что это спасло ему жизнь. На Соловках погибли многие представители дворянской интеллигенции. Я почти ничего не знаю об этом периоде жизни моего отца. Сохранилось только несколько стихотворений от этого времени с подписью "Мыс" - название села в верховьях Камы.

После ссылки отец уже не смог вернуться в Сергиев Посад. Здесь умерла его мать, которую он очень любил. Отец по телеграмме сестры Кати приехал из Владимира, чтобы попрощаться с матерью, но опоздал.

Бабушка Ольга Алексеевна прожила долгую и нелегкую жизнь. Она пережила мужа, четверых детей, многих родных и близких людей. На ее глазах перестала существовать старая Россия, с которой была связана вся ее жизнь. Бабушка умерла в наемной комнате, в одиночестве и нищете. До последнего дня она сохранила глубокую веру в Бога и надежду на счастливое будущее своих оставшихся детей и внуков.

Отец через всю свою многотрудную жизнь пронес счастливые воспоминания о прошлой, дореволюционной жизни. Это был узкий круг многократно породненных дворянских фамилий (Челищевы, Хомяковы, Языковы, Киреевские, Бобринские, Граббе, Глебовы, Львовы...), проникнутый взаимным вниманием, уважением и любовью. Духовная близость этих людей сохранилась на долгие годы уже после Революции.

Исчезнувшие с горизонта близкие люди продолжали жить в памяти и в разговорах о прошлом. Постоянно в душе теплилась надежда на извещение, на возвращение, на встречу. Но только после смерти Сталина появились какие-то известия о родственниках и знакомых, оказавшихся в лагерях, ссылке или в иммиграции. (Мой отец - ровесник Сталина, но прожил на 11 лет меньше "Вождя и Учителя".)

В предреволюционные годы обитаемые дворянские поместья уже не были доходными имениями. Они, скорей, представляли собой культурные островки на огромных просторах крестьянской России. Но именно здесь появлялись новые сельскохозяйственные орудия, новые культуры, породистые животные. Здесь звучала музыка, иностранная речь, на полках лежали книги. И вместе с тем, дворянские дети не росли белоручками. Они, как правило, знали сельское хозяйство, были приучены к уходу за лошадьми, собаками, любили и знали певчих птиц. В военные годы, когда мой отец находился на фронте, его сестры успешно справлялись с поставками зерна для армии от доходных имений.

Тетя Маша рассказывала такой случай: едут они с сестрой Анночкой через деревню и видят - стоит у телеги крестьянка и

плачет. Оказалось, что у нее распряглась лошадь. Анночка говорит: "Что же ты реवेशь, дура...! Запрягай! ", а крестьянка отвечает: "Не умею..., я ж - баба". Анночка быстро запрягла лошадь, и они со смехом поехали дальше.

Отношения с окрестными крестьянами были вполне добрососедскими. Дружба с прислугой, жившей в федяшевском доме, сохранилась на всю жизнь. На фотографиях тогдашних крестьян видишь хорошо одетых людей с чувством собственного достоинства на лицах, мало похожих на обтрепанных, спившихся, безликих колхозников. Именно крепкое, работающее, самодостаточное крестьянство было уничтожено в результате раскулачивания и коллективизации.

Когда тетя Маша привезла меня в Федяшево (уже после войны), в деревне её еще помнили и встречали возгласами: "Молодая барыня приехала! ". Дом занимало правление совхоза. На месте цветника прямо перед фасадом, выходящим в парк, стоял уродливый блок котельной с высокой железной трубой. Мы погуляли по парку. Я искупался в пруду. Тетя Маша грустно молчала, потом начала читать стихи отца и заплакала.... Больше я никогда не видел ее плачущей.

Мои родители, выросшие в атмосфере материальной и душевной комфортности, мужественно переносили бесконечные лишения и моральные травмы советской жизни. И все мое раннее детство прошло без электричества. Поэтому долгие зимние вечера сохранились в памяти пятном света от керосиновой лампы или коптилки на столе и таинственным полумраком вокруг. Не редко топящаяся печка была единственным источником освещения. В такие вечера отец с помощью рук ловко показывал тени разных животных на стене.

Жизнь была пропитана постоянным страхом. Всё темное, изуверское, что подспудно гнездилось в людях, было востребовано большевиками и использовано для совершения небывалых жестокостей, с помощью которых в каждом укоренялся парализующий страх. Инстинкт самосохранения заставлял забыть о прошлом, примириться с настоящим и смотреть через розовые советские очки в будущее.

"Советский простой человек" безропотно принимал издевательские большевистские правила игры: "строил" - Социализм,

"поклонялся" - Ленину, "обожал" - Сталина, "вступал" - в Партию, "выбирал" - из одного кандидата, "одобрял" - собственное истребление, "подписывался" - на займы.... Всё это происходило под наркозом льстивых песен Дунаевского на слова Лебедева-Кумача и "лакировочных" фильмов Александрова. (Были и многие другие заказные "документы эпохи", до сих пор поддерживающие коммунистический миф.) Нам долгие годы вдалбливали, что свобода, это - "осознанная необходимость", а слово "воля" вообще потеряло первоначальный смысл.

Для отца (вслед за А. С. Хомяковым) Воля - не разбойничья вольница, но нечто большее, чем казенная, декларативная свобода, это - право выбора и в большом, и в малом. Жить вольно значило для него - жить по совести, делать то, что ты считаешь нужным (посещать церковь, например, носить нательный крест, вешать иконы...) и не делать того, что тебе претит (не посещать собрания, например, не "стучать", не вступать...). Отвечая на обязательный вопрос всех анкет о социальном происхождении, он всегда писал: "из дворян", а не прятался за спасительным: "из служащих". В крутые 20-е и 30-е годы даже эти маленькие проявления собственной воли требовали личного мужества. Теперь то я уже хорошо понимаю, что именно подлинной воли особенно не хватало в советское время, с его каждодневными запретами и притеснениями по мелочам.

Большевистские методы были перенесены и на взаимоотношения человека с природой. Раскулачивание и Коллективизация высвободили огромные людские ресурсы. В годы Индустриализации миллионы людей были брошены на освоение северных и восточных районов страны. Безжалостно сводились леса, загрязнялись реки, истреблялась дичь, спаивалось коренное население. Дети раскулаченных крестьян по комсомольским путевкам ехали на стройки Урала, в Кузбасса, на Дальнего Восток.... Вместе с новыми предприятиями возникали и новые лагеря. Колымское золото, Норильский никель, Джезказганская медь, Кольские апатиты... стоят на костях заключенных.

А вся страна жила "полной жизнью", спасая "челюскинцев", встречая "попанинцев". А "юные мичуринцы" закладывали сады с гибридными яблонями "бельфлер-китайка". На Всесоюзной Сельскохозяйственной выставке, застроенной павильонами всех

союзных республик, выступают многочисленные участники в нарядных национальных костюмах. Беломорканал уже закончен рабским трудом "каналоармейцев", и воспет М. Горьким и многими известными советскими писателями помельче, а вся страна курит "беломор".

Это было время рекордов. В. Чкалов перелетел через Северный Полюс в Америку. В небе ставили новые рекорды стратостаты. Шло освоение Арктики, прокладывался регулярный Северный Морской Путь. Советские альпинисты (под руководством самого Крыленко) штурмовали непокоренные горные вершины, и на картах появился пик Ленина и пик Сталина (самый высокий на Памире).

Безжалостная репрессивная машина набирала обороты. Всюду проступали черты лагерного быта: заключенные под охраной на различных видах работ, бесконечные заборы из колючей проволоки вокруг "новостроек" (при каждом крупном предприятии обязательно был лагерь), эшелоны теплушек с надстроенными будками для охраны и пулеметов.... Я до сих пор не могу забыть жадные глаза эсков за решетками маленьких вагонных окон. Уже в послевоенные годы меня самого тетя Маша часто просила отправлять посылки с передачами для родственников и знакомых, находящихся в заключении или в ссылке.

Силами заключенных велся практически весь лесоповал. Я видел в Карелии непроходимые на многие десятилетия лесосеки лагерных времен, заваленные сухими стволами деревьев (срезали всё, а вывозились только сортовые хлысты). Не обошлось без участия эсков и городское строительство (дома сталинской постройки в центре всех областных городов, высотные здания в Москве). Московский университет (по первоначальному проекту гостиницу) строили одновременно и военные строители, и эски. В студенческие годы в 1955 году я оказался в Южной Якутии при разгораживании некоторых лагерей. Но и позже, начав работать, я сам видел сохранившиеся большие лагеря на Кольском Полуострове, на Северном Урале, в Казахстане....

Когда называют цифры жертв репрессий, забывают о родственниках, друзьях, сослуживцах, соседях..., которых каждый арест коснулся непосредственно. Этот водоворот захватил значительную часть населения. По огромно стране шли эшелоны с

заклоченными. В тюрьмы и пересыльные пункты несли передачи. На почте стояли длинные очереди для сдачи посылок с лагерными адресами (П.Я. №...), шли письма (часто безответные). Лагерные песни стали студенческими, стали народными...

Среди моих одноклассников по Хотьковской средней школе (не доезжая Загорска) был Лева Казанский, отец которого погиб в лагере, и Сева Волков, у которого в то время и отец, и мать были в заключении, а сам он жил со своим дедом В. С. Мамонтовым при Абрамцевском музее. У на учили сестры Кавер, поволжские "немочки", приехавшие с родителями из Казахстана. (Наверняка, были и другие подобные случаи, но о них старались не говорить.)

Всего этого нельзя было не видеть. Поэтому мне смешно слышать от новоявленных "диссидентов" из номенклатуры и красной профессуры, что они до 20-го Съезда ничего не знали и ни о чем не догадывались. Просто у советского человека выработалось поразительное свойство не видеть, не слушать и не чувствовать, то, что видеть, слышать и чувствовать было неприятно или, тем более, опасно.

Несмотря на все тюрьмы, преследования и беды, пережитые в послереволюционные годы, мой отец не ожесточился и не брался судить сам. Он уповал только на Божий суд, на покаяние. Современному человеку ближе и понятней чисто земное наказание и покаяние не перед Богом, а перед людьми. Но, может быть, это указывает только на то, что мы намного дальше от Бога, чем наши родители?

Однако ни покаяние, ни наказание не состоялось и уже никогда не состоится. Осталось уповать только на Божий суд. Почему так случилось, что гитлеровский фашизм прошел через покаяние, признание вины (и нравственное и через суд), а советский коммунизм - нет? Конечно, физический и моральный урон, нанесенный человечеству коммунизмом, наверное не меньше, чем урон, нанесенный фашизмом. Но, может быть, главная причина как раз в этом? Слишком много преступлений и слишком много соучастников (в Советском Союзе, Восточной Европе, Китае, Вьетнаме, Корее, Камбодже, на Ближнем Востоке, в Африке и Южной Америке). Другая причина та, что фашизм проиграл войну (судили победители), а коммунизм выиграл - и не

только у Германии, но и у западной антигитлеровской коалиции, захватив не только Восточную Европу, но и умы "розовой" западной интеллигенции.

Не будь нобелевской, многотиражной монографии Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ", уже давно бы говорили, что не то что каяться, а даже и оправдываться не в чем. Желающих каяться действительно не нашлось, но готовые оправдываться находились и находятся сейчас. Однако оправдания и "воспоминания" обычно сводятся к настойчивым попыткам скрыть правду или замаскировать ложь.

Примером такой успешной полуправды-полулжи может служить популярный перестроечный роман Рыбакова "Дети Арбата". Автор не скрывает своих симпатий к частично репрессированной в 37 году советской элите, заселившей к тому времени тихие арбатские переулки. До сих пор эти люди, многие из которых вернулись уже по амнистии 40 года, только себя и считают "безвинно" пострадавшими. Ликвидация "эксплуататорских классов", "белогвардейцев", "кулаков" существовало только, как "революционная необходимость".

И Рыбаков стыдливо умалчивает о том, скольких "недорезанных буржуев" понадобилось предварительно выселить, посадить или расстрелять, чтобы освободить жилплощадь для этих новых "детей Арбата". С Арбата были выселены и посажены (вместе с другими "недорезанными буржуями") и мои родители. У них было отнято жилье вместе со всем имуществом, доставшимся новым хозяевам.

Моим родителям так никогда и не удалось вернуться. А я стал москвичом только, когда Хрущев расширил границы Москвы, и Кунцево попало в черту города. Но жизнь продолжалась и в глубоком захолустье, где были обречены прозябать мои родители. Людей с заметными дворянскими фамилиями можно было встретить в самых глухих уголках страны, на самых незавидных должностях. Для одних это была ссылка или поселение, для других - просто тихое место вдали от большого города и "Большого дома"! (в каждом областном центре - своя "Лубянка").

Вместе с верой в Бога искоренялись и культурные и нравственные устои жизни, связанные с посещением церкви. Однако я думаю, что массовому отходу советских людей от веры в Бога

способствовала не антирелигиозная пропаганда, а обычный страх. Членам партии, комсомольцам, пионерам, советским служащим, военным... было запрещено посещать церковь. Вместо библии на столе должен был лежать сталинский "Краткий курс истории ВКП(б)". Но и для других категорий граждан посещение церкви могло быть опасным. Я уж не говорю о крещении или венчании. У моих родителей были неприятности, когда они брали дочь нашей квартирной хозяйки в церковь.

На долю моих родителей в избытке пришлось войны, революции репрессии и потери. Были разрушены семьи, разлучены близкие люди. На их плечи легла горечь утрат, тяжесть неизвестности. Это поколение приняло на себя и окопы первой Мировой войны, и кровь Гражданской, и исступление Красного террора, и "деловитость" сталинской лагерной системы. Для моего отца зимние невзгоды новой войны были уже выше человеческих сил. Он умер во Владимире в морозном январе 1942 года, надорвавшись при разборке старой плотины на дрова.

Могила отца во Владимире была снесена, когда место понадобилось для другого захоронения, и только позже условно восстановлена. Моей тете Маше удалось перенести прах бабушки Ольги Алексеевны при ликвидации Дорогомиловского кладбища. Это было сразу после войны. Я помню пустырь в Вострикове, отведенный под новое кладбище. Сейчас могила бабушки Ольги Алексеевны, тети Маши, дяди Коли (Бобринского) и трех их детей оказалась в березовой роще. На Новодевичьем кладбище сохранилась скромная могила А. С. Хомякова. Но многие мои ближайшие родственники были лишены даже и могилы. И это очень символично. Эти глубоко верующие, независимые и незаурядные люди казались для большевиков опасными и оказались отвергнутыми безбожной советской властью.

Отец пронес искреннее религиозное чувство через всю свою многотрудную жизнь. Его, как глубоко верующего человека, не беспокоил неразрешимый для атеистов вопрос: "Зачем жить?". Для отца жизнь, это - Дар Божий, которым человек не в праве распоряжаться по собственному усмотрению, и все, что с ним происходит, делается по Воле Божьей.

В вере отец искал ответ и на мучительный вопрос: "Как жить?". Вера в Бога помогала ему нравственно противостоять

советской атеистической системе и сохранять веру в людей. Вера в Бога занимала большое место в духовной жизни моего отца. Он был знаком по Сергиеву Посаду со священником Павлом Флоренским. Однако отец не испытал религиозных сомнений и не пытался связать Веру с философией.

Последнее стихотворение отца, написанное страшной, военной зимой 1942 года во Владимире, обращено к Богу и звучит как молитва:

От земной коварности
Освети страданием,
Сердце благодарностью,
Совесьть покаянием!

И в земли лишениях,
И в небес решениях,
В дивных утешениях
Сам нам воссияй!

Это - пример подлинной глубины религиозного чувства, способность к которой мне уже не доступна.

Июнь 1989 г.

УШЕДШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ.

*Жизнь прожили люди те
В чистоте и в доброте.*

Беспамятство к многомиллионным жертвам советских репрессий и снисходительность к палачам не может не вызывать беспокойства. Вероятно, дело в том, что понятия "палача" и "жертвы" были причудливо переплетены в советское время. Сегодняшние палачи и соучастники завтра сами становились жертвами. И в этом есть определенная историческая справедливость всех революций.

Ближайшие соратники Ленина, запустившие вместе с ним жернова красного террора, перемоловшие миллионы людей, все

были расстреляны как враги народа. Большевистские комиссары с дореволюционным партийным стажем, поддерживавшие революционный порядок на местах с помощью мандата и маузера, закончили жизнь в лагерях и ссылках. (Тяжеловато им пришлось после царских ссылок с библиотеками да роялями, да удавшимися побегами в Швейцарию.) Троцкий был одним из главных организаторов массовых репрессий, а Сталин отдал приказ убить Троцкого и массово расстреливал троцкистов. Крестьяне, громившие дворянские усадьбы и захватывавшие помещичьи земли, сами были обобраны продотрядами, и согнаны с земли при Раскулачивании и Коллективизации. "Работников литературы и искусства", обслуживавших советский режим, тоже периодически сажали, обрекая на страх ареста и услужливое усердие оставшихся на свободе.

В борьбе за власть Сталин быстро истребил "ленинскую гвардию", но люди, которых он набирал, были еще страшней. Руководство самих органов, армии и индустрии, а также партийные и советские кадры всех уровней многократно обновлялись путем ликвидации прошлых начальников. Каждый одновременно и сажал или сдавал, и сам ждал ареста. Эта "ротация" отнюдь не ограничивалась 37 годом. Дети раскулаченных крестьян, успевшие своевременно обзавестись партбилетами, нередко пробивались на освободившиеся вакансии и оказались в коммунистической элите. Только "бывших" грабили, брали в заложники, убивали и сажали с первых дней Октябрьского переворота и до последнего вздоха "Вождя и Учителя".

Большевистские лозунги основывались на разжигании алчности и ненависти к имущим сословиям. Помещики в этих лозунгах всегда стояли на первом месте, хотя в предреволюционные годы помещичьи земли составляли лишь незначительную часть всех пахотных земель страны. Это была коварная приманка, на которую Ленин ловко поймал крестьянскую Россию. За каждым Ленинским Декретом стоял обман: Декрет о Мире обернулся Гражданской войной и кровавым подавлением крестьянских восстаний, Декрет о Земле - продразверсткой и небывалым голодом, Декрет об отделении церкви от государства - изъятием церковных ценностей и закрытием церквей....

Ленин был родоначальником большевистской номенклатуры (этого советского "дворянства") с ее привилегиями (ордерами, пайками, дачами, телефонным правом...). Однако он питал острую личную неприязнь ко всему потомственному дворянству и, особенно, к царской семье. Эту неприязнь Сталин воспринял вместе с другими "заветами Ильича". Не случайно чуткие к вкусам "Великого Кормчего" Ильф и Петров в своем бестселлере "Двенадцать стульев" выставили в злобно неприглядной форме Кису Воробьянинова, постоянно напоминая об его дворянском происхождении. Не забыли авторы и о духовенстве. Это - уже не просто литературные персонажи, а явные образы классового врага (пусть даже и пародийные).

Сейчас историки и политики никогда не вспоминают о сословном геноциде в послереволюционной России. Значительная часть российского дворянства была уничтожена или вытеснена за рубеж уже в годы Красного террора и Гражданской войны.

Но главной жертвой большевистского сословного геноцида стало казачество и крестьянство. В годы раскулачивания и коллективизации были согнаны с земли и репрессированы более десяти миллионов крестьянских семей. Под большевистским лозунгом: "Грабь награбленное!" проводилась и кампания по массовому разграблению имущества дворянских поместий, городских усадеб и экспроприации помещичьих земель. Многие владельцы поместий были убиты. Позднее дворянское происхождение было достаточным поводом для репрессий и поражения в гражданских правах.

Одновременно разворовывались и произведения искусства. Что-то попало в музеи (фамильные портреты и картины из Хомяковского дома на Собачьей площадке, написанные Александром Ивановым, Крамским и другими известными художниками, до сих пор пылятся где-то в запасниках Третьяковки). Но именно в это время зарубежные музеи и частные коллекции пополнились русскими картинами, иконами и ювелирными изделиями, украденными при разорении дворянских усадеб.

Драгоценности и произведения искусства, доставшиеся большевикам при захвате власти и награбленные позже у церквей и частных лиц, тоже были частично разворованы. Не одно десятилетие лучшие экземпляры из музеев и хранилищ скрытно

вывозились за рубеж для пополнения валютного запаса страны и в качестве "подарков".

И уж совсем невосполнимы многочисленные человеческие потери. Потомственное дворянство составляло цвет дореволюционной России. Вся российская история является подтверждением этого. Первая Мировая война, Революция, Гражданская война дали многочисленные образцы подлинного мужества и верности долгу. Об этом много написано. Приведу лишь некоторые известные мне частные факты.

Мой отец и две его сестры в первые дни ушли на войну добровольцами (тетя Анна получила Георгиевскую медаль за мужество). Мой дед А. П. Грессер в самом начале войны на свои деньги организовал автомобильный санитарный отряд и работал на фронте вплоть до тяжелого ранения в 1916 году.

Три брата Бобринские, двоюродные братья моего отца, дети богатейших людей России того времени (смотри у Ленина: "...клика Пуришкевичей - Бобринских..."), также в начале войны ушли на фронт добровольцами. Два брата были убиты, а дядя Коля, воевавший в Дикой Дивизии, был ранен в живот навылет и чудом остался жив (он отличался большой храбростью и был награжден Георгиевским оружием). В это время Ленин и его соратники злорадствовали из тихой Швейцарии по поводу военных неудач нашей армии.

Двоюродный брат моего отца Павел Михайлович Граббе в первые дни Первой мировой войны добровольцем вернулся в армию, командовал казачьим полком, а после отречения Николая II отказался присягнуть Временному Правительству. В эмиграции он жил в своем поместье в Галиции, где был арестован в 1939 году сотрудниками НКВД, как русский эмигрант и граф, и погиб в Пермских лагерях.

М. С. Лопухин был расстрелян после неудавшейся попытки освобождения Николая II и царской семьи. Говорят, что сам Дзержинский предложил сохранить ему жизнь в обмен на обещание прекратить контрреволюционную деятельность, но Лопухин отказался.

Белое движение тоже было в значительной степени дворянским. И многие из наших родственников погибли в Гражданской войне или вместе с другими белыми офицерами прошли

тернистый путь на Дон, на Кавказ, в Крым, и дальше в Константинополь и пожизненную эмиграцию. Тем, кто уходил на Север, через Архангельск или на Восток, через Китай пришлось еще трудней. Оставшихся белогвардейцев еще долгие годы вылавливали и истребляли органы ВЧК - ОГПУ (только в Крыму в 1921 году были обманом арестованы и расстреляны многие тысячи белых офицеров).

Но и в эмиграции Лубянка не забывала "бывших". Многие заметные люди были убиты или похищены. А скольких еще запугивали, запутывали, склоняя к сотрудничеству? После Второй мировой войны из Западной Европы их на выбор сдавали Сталину западные союзники. А в Восточную Европу вместе с воинами-освободителями прибыли и сотрудники НКВД, которые многим русским припомнили и Гражданскую войну, и работу в эмигрантских организациях и газетах. Так эмигранты невольно вернулись на родину - прямо за лагерную колючую проволоку. Мало кто из них дожил до смерти Сталина. Не очень повезло и тем, кто, поддавшись примитивной пропаганде или сентиментальным фантазиям, решил вернуться сам. Многих из них тоже, на всякий случай, сначала пропустили через лагерь или ссылки.

Нередко приходится слышать о чванливости и обособленности старой русской эмиграции, которая держится особняком. Но мне понятна неприязнь этой вынужденной русской эмиграции к эмигрантам "новой волны" (с партбилетами в кармане, с военными присягами, с подписками о неразглашении, с лубяночными шпионскими кличками, с "грязными" деньгами или с титулованными советскими отцами, начиная со Сталина и Хрущева), которые цинично сбежали от ими самими содеянного.

Дворянство всегда являлось носителем идеи наднациональной российской государственности, и многие века воевало и умирало за расширение и укрепление единого государства. В царской России национальность не фиксировалась в официальных документах - только вероисповедание. При этом существовала широкая культурно-религиозная автономия для национальных меньшинств. Национальная аристократия и интеллигенция была интегрирована в российское общество и поддерживала устойчивость многонациональной Российской Империи.

Предреволюционная царская Россия была монолитным многонациональным государством без серьезных этнических и религиозных противоречий и конфликтов. Это большевики бездумно раздробили единую территориально-административную структуру Российской Империи на национальные и национально-автономные республики, области и округа. Искусственные национально-административные границы разных уровней поделили людей, веками живших бок о бок на общей территории, на "коренное" и "некоренное" население и заложили основу для национально-номенклатурных амбиций и межнациональных конфликтов, а в итоге раздела единой страны.

Дворянство в России никогда не было изолированным сословием и постоянно пополнялось незаурядными людьми любого происхождения (отцу Ленина, к стати), было пожаловано дворянство за успехи в организации образования в Поволжье). В предреволюционной Российской Империи не существовало особых дворянских привилегий, и значительная часть помещичьих земель уже была потеряна. Сами дворяне, судя по моим родителям, родственникам и знакомым, не придавали особого значения происхождению и, уж во всяком случае, никогда им не кичились. Но в раннее советское время, когда было безопасно и выгодно отречься и от дворянства, и от православия, они, в большинстве своем, этого не сделали.

Дворянская интеллигенция, сформировавшаяся в дореволюционной России, сохранила необычайную нравственную устойчивость, высокие требования к себе и полная снисходительность к другим. К ним не пристала советская грязь. Высоконравственных, верующих людей не удалось запугать и оболванить большевистской пропагандой. Многократно ограбленные и оговоренные, прошедшие через тюрьмы, лагеря и ссылки, они сохранили и Честь и Веру.

Здесь не "оберегали" детей от прошлого, чтобы легче жилось в советском настоящем. Сестра моего отца М. А. Бобринская (тетя Маша) говорила мне, двенадцатилетнему мальчику: "Коля, всегда помни, что ты - сын своего отца. Пусть кругом лгут, крадут, доносят.... Но я никогда этого не сделаю, и ты никогда этого не сделаешь, потому что мы - Челищевы". Да, я - Челищев, но уже откликнулся и на Че'лищева. Казалось бы, что ударение -

мелочь. Но коммунистам это было важно. Исказив фамилию, вступив в партию, ты сразу отказывался от родителей, от прошлого и становился "своим". Не случайно дети раскулаченных крестьян косяком пошли в комсомол и в партию. Такой ценой они покупали место под "сталинским солнцем".

На свадьбе все той же моей тети Маши в 1919 году мальчиком с туплей был Сережа Миха'лков, сосед по имению. Потом из этого мальчика вырос известный советский литературный деятель Сергей Михалко'в, соавтор (вместе с Шариданом) текста сталинского Гимна Советского Союза и автор последующих редакций (в первом варианте фигурирует и Ленин, и Сталин, во втором - только Ленин, а в последнем, российском - вместо вождей появляется Бог).

С. В. Михалков изменил ударение в фамилии, придумал себе пролетарскую родословную шахтера и перестал поддерживать отношения с дворянскими родственниками и знакомыми. Конечно, на Лубянке прекрасно знали о его дворянском происхождении. Но важен был сам факт отказа от фамилии, от родителей - многократно повторенный в разных вариантах "подвиг" Павлика Морозова.

Поколение моих родителей однозначно отвергало подобное "подкоммунивание". В московской среде бывших такие случаи живо обсуждались. Любили рассказывать, например, как однажды С. В. Михалков приехал в Мураново и стал знакомиться с сотрудниками музея. Он каждому протягивал руку и говорил: "Михалко'в", "Михалко'в"... Когда дело дошло до старичка Лермонтова, недавно вернувшегося из эмиграции, тот демонстративно убрал руку за спину и сказал: "Я знал вашего отца, Миха'лкова. Нам государь-император в один и тот же день вручал камергерский ключ, а Михалко'ых не знаю... ". Конечно, сейчас это кажется наивным. Но, может быть, именно этой "наивности" нам и не хватает?

Но мой отец не захотел примкнуть к сильным, но неправым. У него никогда не было желания куда-то вступать, за кого-то прятаться. Отец всегда стремился оставаться самим собой, дорожил личной свободой и свободой совести. В наиболее мрачные советские времена он смог сохранить внутреннюю свободу, не изменить себе, своим родителям, своему прошлому. Может

быть, именно эта память об отце не позволила и мне переступить некоторые нравственные барьеры, почти уже невидимые в послевоенные годы.

К нашему советскому прошлому можно упрощенно подходить с двух противоположных позиций: с позиции тех, кто сидел (не обязательно за решеткой), или с позиции тех, кто охранял (не обязательно с винтовкой). Горбачевская "перестройка" и "гласность" позволила, в какой-то степени, реализовать декларируемые свободы, и люди перестали чувствовать себя "заключенными" в собственной стране. Однако "охранниками" себя продолжает ощущать значительная часть населения страны. Именно они препятствуют захоронению останков Ленина и ратует за возвращение памятника "Железному Феликсу" на пьедестал Лубянской площади.

Конечно, не всегда легко понять с какой позиции (сознательно или интуитивно) тот или иной человек оценивает наше советское, ленинское и сталинское прошлое. Самый простой тест - отношение к А. И. Солженицыну. Он стал символом бескомпромиссной борьбы и с "ленинизмом", и со "сталинизмом" Тут все высказываются четко: "за" или "против". А уж для тех, кто, так или иначе, был связан с Лубянкой, Солженицын оказался совсем не приемлем.

Но, к сожалению, все мы, советские люди, не взирая на выбранную профессию, позицию, происхождение, национальность, партийность..., принадлежим к поколению, сформированному коммунистической системой. И ни крушение коммунизма, ни раздел Советского Союза, ни возврат к рыночной экономике, ни заимствование имперской символики... не ликвидируют исторический разлом, отделяющий нас от дореволюционного прошлого России. Ушедшее поколение моего отца - тонкий мостик через этот разлом.

Эти необыкновенные люди ушли навсегда, почти не оставив следа. И только сейчас начинаешь понимать, что слишком мало слушал и слишком мало спрашивал, и потеря эта невосполнима.

Январь 1991 г.

УМНЫЙ В ГОРЫ НЕ ПОЙДЕТ?

Я "заразился" альпинизмом почти случайно. И без того в моей студенческой жизни хватало разных событий. Уже на первом курсе в зимние каникулы была экскурсия на Кольский полуостров (Апатиты, Мончегорск) с заездом в Ленинград. Заснеженные, зимние Хибины, сугробы выше человеческого роста, полярное сияние вместо солнца, большой концлагерь прямо у ворот в Расвумчерский туннель, куда мы проходим вместе с зеками... - это были сильные впечатления. На следующий год, тоже зимой, я побывал на Урале - снова сугробы, снова подземные выработки, снова лагерь. Весной и осенью каждое воскресенье бывали подмосковные геологические экскурсии (Подольск, Пахра, Мячково, Ратовка...). После первого курса я все лето проработал коллектором на расчистке копей в Ильменского минералогического заповедника на Южном Урале. А после второго курса - незабываемая Крымская практика ("На годы долгие запомним Крым. Для нас он домом стал вторым!"), но я снова поехал и Ильменский заповедник.

Мое увлечение альпинизмом началось с горных лыж. Мы катались на Ленинских горах, закарпатской Говерле, в Бакуриани..., в Хибинах мы из Кировска с лыжами на рейсовом автобусе заезжали вверх, на плато Расвумчер, чтобы потом спуститься вниз по грандиозным заснеженным склонам. Только уже много позже появился Чегет. Покорение Эвереста после многочисленных безуспешных и трагических попыток привлекло к альпинизму всеобщее внимание.

Зимой на третьем курсе я оказался в альплагере "Алибек" (Домбайский район Западного Кавказа). Первоначальный план был, покататься на горных лыжах. Но инструктор Пал Палыч Захаров заставил нас пройти перевал, ночевать в снежной пещере, а потом совершить восхождение на пологую "единичку". Так я получил значок "Альпинист СССР". А потом пошло, поехало..., Кавказ, Тянь-Шань, Памир, развалины Царицына. Рефлекторные движения сматывания веревки и завязывания узлов сохранились на всю жизнь. И горные лыжи временно отошли на задний план. Но я успел получить целый набор незабываемых

ощущений, катаясь в Закарпатье, в Домбае, в Закопане, в Бакуриани, в Герсколе.

Альпинизм - это особый вид спорта, основанный на взаимодействии, взаимовыручке, дружбе... и тяжелой работе. Наши альпинистские песни были связаны с недавней войной на Кавказе. Тогда "Баксанская" была гимном альпинизма ("Где снега тропинки заметают, где лавины горные шумят, эту песнь сложил и распевает альпинистов боевой отряд...")! Организация работы альплагерей тоже напоминала военные сборы. Я начинал с Кавказа, но когда оказался на Тянь-Шане и Памире по-настоящему понял что такое горы. Поднявшись на любую вершину, видишь целую горную страну, уставленную до горизонта снежными вершинами. А из долины эти горные массивы воспринимаются как подвешенные в небе заснеженные горные цепи.

Последний мой альпинистский сезон, выкроенный от преддипломной практики на урановом руднике в Узбекистане, прошел в лагере "Ала-Арча" (Киргизский хребет). Там начальником был мой знакомый еще по охоте с Е. П. Спангенбергом, Сан Саныч Кузнецов. Я прожил в лагере две смены и "сделал" пятитысячник 4-й категории трудности, пик Семенова-Тяньшаньского, и несколько "троек". В группу восхождения на пятерку (траверс Короны) меня не взяли. Так я и остался второразрядником....

Какая сила тянет человека с наезженных дорог и натоптанных троп на труднопроходимые маршруты к вершинам? Ишачка на подходах, мороз и ветер, и тяжелая работа на восхождении..., и все эти невзгоды ради короткого мига на вершине, когда едва хватает сил на фотографию. И нет публики, и нет аплодисментов. Но в каких сказочных местах расположены альплагеря Али-Бек, Цей, Варзоб, Ала-Арча...!

Известен афоризм: "С горами нельзя говорить на "ты"! Действительно, несчастные случаи неизбежно сопровождают альпинизм. В каждом альпинистском лагере существует спасотряд, и каждая группа, отправляясь на восхождение, оставляет контрольный срок, но иногда спасателям остается только эвакуировать трупы. На эту тему было не принято распространяться в советской печати.

В альплагере "Ала-Арча" я как-то участвовал в траверсе пика Грязнова (3 категория) вместе с группой студентов ФИЗТЕХа,

приехавших в лагерь после Московского фестиваля молодежи и студентов. Погода испортилась и траверс затянулся. Нас поджимал контрольный срок. Я был в связке с физтеховцем Сахаровым, который предложил попробовать спуститься по северной стене, чтобы сократить обратный путь в лагерь. Он отстегнулся от основной веревки и начал спускаться по крутому кулуару, который явно открывался в пустоту. Только общий мат заставил его вернуться. Вскоре мы нашли старый крюк с репшнуром, от которого начинался правильный маршрут спуска по южной стене. В лагере выяснилось, что северная стена вообще не проходима, ни снизу, ни сверху. Потом я узнал, что Сахаров погиб где-то на Кавказе. Он сорвался и сдернул инструктора, с которым был в связке. Везде бывают такие опасные люди!

И это не единичный пример. За 5 лет, что я серьезно занимался альпинизмом, погибло несколько знакомых мне людей, и любителей, и инструкторов. У меня самого было несколько случаев, вспоминая которые до сих пор замираешь. Все, кто связан с альпинизмом, имеют свою печальную статистику, но это мало кого останавливает.

Есть в горах особая притягательная сила, которой трудно противостоять. Для жителя равнины трехмерное пространство гор имеет особую прелесть. А крутизна! Когда размыта грань между склоном и стеной. Несколько лишних шагов, и уже не можешь удержаться без ледоруба или веревки. Ну и, конечно, в человеке существует особая тяга к преодолению экстремальных трудностей!

Апрель 1992 г.

ОХОТА!

Почему возникает любовь к оружию, желание стрелять, готовность убивать на охоте? Что это - атавизм из первобытного прошлого? Вопрос не простой. Большинство моих недавних предков были и военные, и охотники. Для военных охота - что-то вроде начальной подготовки. Когда научился убивать зверя,

уже легче убить человека. В этом смысле **охота почти также аморальна, как и война.**

У меня ружье оказалось в руках в 12 лет. При первом же выстреле я почувствовал радостное возбуждение. Это было в Крюкове, под Москвой. Мой дядя, Н. А. Бобринский, профессор МГУ руководил студенческой практикой Биологического факультета, и хотел составить коллекцию птиц для демонстрации студентам. Я получил ружье (дамскую двустволку 32 калибра), наделал недозаряженных патронов с мелкой дробью и пропадал целыми днями в лесу, отстреливая различных птиц. Тогда же я научился делать чучела.

Была ли жалость? Сейчас уже не помню, но, наверное, как правило, нет! Мелкие птахи умирали легко, от одной дробинки. Запомнилась трудность с отстрелом красногрудого дятла. Он ловко прятался за сухим стволом и продолжал стучать своим крепким носом, и мне никак не удавалось поймать его на мушку. Когда мне наконец повезло его подстрелить, я не испытал радости, была только пустота.

В 16 лет у меня уже было свое ружье (курковая двустволка Тульского завода). Меня брал на охоту широко известный по книге "Записки натуралиста" зоолог Е. П. Спангенберг. Именно он показал мне прелесть охоты с собакой, и по зайцу, и по перу. Евгений Павлович научил меня смотреть на охоту, как на честное состязание, исключаящее отстрел прикормленной дичи в охотхозяйствах и заказниках.

Потом во все свои многочисленны путешествия, связанные с профессией геолога, я обязательно брал ружье (казенный репарационный "Зауер"). Позже у меня появился прикладистый и изящный, трофейный "Меркель" с золоченой мушкой и отделкой из кости, который раскладывался легко и беззвучно. Со временем в купил собственный ГАЗ-69. На нем мы ездили и на охоту, и на натаску собак.

Мне довелось стрелять уток на Волге, на Онежском озере, на озерах Карелии и Кольского полуострова, на Амударье.... На озере Севан, когда я подкрадывался по берегу к стае уток, меня в запястье укусила гюрза. Хорошо, что в отряде военных строителей оказался доктор, а у него необходимая сыворотка. На реке Тимптон, прорезающей Становой хребет, непуганые стаи гусей

одна за другой по вечерам шумно садились на гладкую воду плесов, но со мной тогда не было ружья. В мелколесье Кахетии мы с полковником Д. И. Сетраковым однажды настреляли из-под собак полный холодильник вальдшнепов....

Охота мало похожа на стендовую стрельбу. Элемент внезапности растягивается на часы. И шанс часто бывает только один. Прозевал - значит, опоздал, и идешь обратно пустой, и слышишь недовольное сопение собаки. Охота с собакой - это особое удовольствие. Мой кокер Шурик возбуждается от каждого выстрела и готов до изнеможения искать, плыть, подавать дичь в любых зарослях. Для него охота - смысл жизни, а обладатель ружья - любимый друг!

И, все-таки, с возрастом начинаешь задумываться над жертвами охоты, братьями нашими меньшими. И появляется что-то вроде угрызений совести. Мне приходилось участвовать в охоте на зверя (кабана, лося...), но у меня так никогда и не хватило духа спустить курок (благо, одна лицензия на несколько человек). Уж слишком охота по крупному зверю похожа на убийство человека, которое может быть оправдано только борьбой за существование, как у наших далеких предков. Про современное, массовое убийство домашних животных в коммерческих целях я лучше умолчу!

Ноябрь 1992 г.

ПРОВОЗВЕСТНИК РУССКОЙ ИДЕИ.

А. С. Хомяков родился 1(14) мая 1804 года в Москве. Хомяковы - дворянский род, известный с начала XVI века. Предки Алексея Степановича не раз достигали высших дворянских чинов. При Алексее Михайловиче (Тишайшем) один из Хомяковых ведал всей царской охотой. Демид Алексеевич Хомяков, стольник и тульский воевода, поставил заслон против татарских набегов и способствовал развитию хлебопашества на Тульских черноземах. Бездетный потомок Демида Алексеевича, Кирилл Иванович Хомяков, живший в имении Богучарово, в старости предложил своим крепостным крестьянам самим выбрать себе

помещика из рода Хомяковых. Крестьяне выбрали небогатого племянника своего престарелого барина - Федора Степановича Хомякова, прадеда Алексея Степановича. Может быть, именно поэтому А. С. Хомяков всегда высоко ценил власть, установленную путем всенародного избрания.

Родители А. С. Хомякова обладали крупным состоянием. Отец поэта Степан Александрович Хомяков был человеком мягким, увлекающимся. Втянувшись в картежную игру, он едва не разорил семью, проиграв в Английском клубе в Москве целое состояние в миллион рублей. Мать поэта Мария Алексеевна, урожденная Киреевская, была весьма религиозна и отличалась твердым характером. Она отстранила мужа от финансовых дел, взяла в свои руки управление доходными имениями и выплатила этот немислимо огромный для того времени долг.

А. С. Хомяков сформировался как личность под влиянием матери. Он был младшим сыном в семье (старшие: брат Федор и сестра Анна ушли из жизни молодыми). Мать привила детям на всю жизнь чрезвычайно строгие, почти аскетические нравственные правила и глубокую религиозность. Дети получили прекрасное домашнее образование. Алексей Степанович знал основные европейские языки, владел латынью, старославянским, а позже выучил и греческий язык.

При нашествии Наполеона московский дом Хомяковых на Петровке сгорел, и семья жила некоторое время в тульском поместье, а потом переехала в Петербург. Преподавателем русской словесности у юного Алексея Хомякова и его брата Федора в это время был известный писатель А. А. Жандр, друг Грибоедова и Катенина. Первые стихотворения Хомякова увидели свет в альманахах Рылеева и Бестужева "Полярная звезда".

В 1817 году вся семья возвратилась в Москву в заново отстроенный многоэтажный дом на Петровке (сразу за Большим театром). Братья Хомяковы брали частные уроки университетских профессоров. Позднее Алексей Степанович успешно окончил математическое отделение Московского университета со степенью кандидата. В Москве у Хомякова сложилась долготлетняя дружба с братьями Веневитиновыми и другими будущими славянофилами.

В 1821 году вспыхнуло Греческое восстание. 17-летний Хомяков бежал из дома и с поддельным паспортом пытался пробраться в Грецию, чтобы сражаться против турков. Попытка не удалась. Но после этого Хомяков был определен отцом на военную службу. Он поступил в армейский кирасирский полк, а через полгода перевелся в конную гвардию в Петербург. Хомяков был невысок ростом, но вынослив, силен и очень смел. Веселый, остроумный, прекрасный собеседник, он был любим в полку. Недоумение его друзей, гвардейских офицеров, вызывал только его целомудренный образ жизни и неукоснительное соблюдение постов.

Во время службы в Петербурге Хомяков был близко знаком с гвардейской молодежью, из которой вышли почти все декабристы; и, вероятно, он попал бы под следствие, если бы находился в России. Хомяков узнал о восстании на Сенатской площади, будучи в Париже, и отнесся к этому событию с осуждением и сожалением. В своих дискуссиях с будущими декабристами на собраниях у Рылеева он горячо осуждал всякую революцию, и особенно - совершаемую военными. Но Хомяков был потрясен казнью декабристов, как и вся страна, в которой после Пугачева никого не казнили.

А. С. Хомяков много путешествовал по Европе. Он побывал в Англии, Франции, Германии, Швейцарии, Италии и на Балканах (в Сербии, Болгарии). Он неодобрительно относился к революционности Франции, отдавая явное предпочтение консервативной Англии с ее устойчивыми социальными и нравственными традициями. Особое впечатление на Хомякова произвело посещение Белграда и Праги.

В 1828 - 1829 годах Хомяков участвовал в войне с Турцией, был при взятии Варны и безуспешной осаде Шумлы. Он принимал участие в боях, был ранен, но сам никого не убивал, чему потом был очень рад. За храбрость Хомяков был награжден Владимирским крестом и двумя орденами Святой Анны. Он находился в Адрианополе при подписании мирного договора с Турцией, обеспечившего независимость Греции и автономию Молдавии, Валахии и Сербии. Именно в это время у Хомякова сформировался пристальный интерес к дальнейшей судьбе западных славян. Болезненно отреагировал Алексей Степанович и

на усмирение польского восстание 1831 года, нарушавшее его представления о славянском братстве. Все эти события нашли отражение в стихах.

После окончательного выхода в отставку А. С. Хомяков лето проводил в Тульском имении Богучарово или Смоленском - Липицы. Здесь были написаны многие стихи, а также публицистические, исторические и богословские труды. Хомяков обладал разносторонними способностями: поэт, драматург, публицист, историк, богослов, философ, художник, изобретатель..., и даже врач-гомеопат. Он увлеченно занимался хозяйством, строительством, любил псовую и ружейную охоту.

Доходные имения были разбросаны по Тульской, Рязанской и Смоленской губерниям, и Хомяков проводил много времени в разъездах. Для своих крестьян он заменил барщину оброком, а рабочим дал вольную и платил жалование. Церковь Сретения Господня в Богучарове была построена на средства родителей Алексея Степановича в ознаменование победы в Отечественной войне 1812 года. Позже по проекту Дмитрия Алексеевича Хомякова (сына А. С.) при церкви была построена отдельно стоящая колокольня. Церковь и господский дом сохранились до наших дней. После смерти Хомякова в Богучарове хранился его архив. Сразу после Революции здесь короткое время просуществовал музей А. С. Хомякова, хранителем которого был внук Хомякова, Федор Алексеевич Челищев (мой отец).

Зиму А. С. Хомяков обычно проводил в Москве, в собственном доме на Собачьей площадке. В этом доме встречались друзья-славянофилы. Дискуссии часто продолжались за полночь. Здесь бывал Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой. Хомяков высоко ценил художника А. Иванова, и в доме висело несколько полотен его работы.

Несколько лет А. С. Хомяков занимал пост председателя Общества любителей русской словесности при Московском университете. Общество издавало печатные труды и вело активную работу по популяризации русской литературы и собиранию устных произведений народного творчества. По инициативе Хомякова действительным членом Общества был принят Л. Н. Толстой. Хомяков был заядлым полемистом, и, вообще, он легче говорил, чем писал. Многие свои представления и идеи Алексей

Степанович высказывал на заседаниях Общества. Некоторые из его выступлений были опубликованы.

А. С. Хомяков был женат на Екатерине Михайловне Языковой, младшей сестре поэта Н. М. Языкова. (Языковы - старинный дворянский род, поднимавшийся до боярского звания.) Она не была красива, но пользовалась уважением и любовью окружающих ее людей, в том числе Пушкина и, особенно, Гоголя. В семье англофилов Языковых Екатерину Михайловну звали Kitty, также звал ее и Алексей Степанович. Семейная жизнь была омрачена смертью двух первых детей. Но потом появились новые дети (два сына и пять дочерей). Смерть Екатерины Михайловны была неожиданна и произошла на четвертом месяце очередной беременности. Эта неожиданная смерть повергла Алексея Степановича в полное уныние. Он так никогда и не оправился полностью от этого удара судьбы.

В конце жизни А. С. Хомяков еще раз посетил Балканские страны и встречался со сторонниками возрождения государственности южных и западных славян.

Хомяков скоропостижно умер от холеры 23 сентября (5 октября) 1860 год в возрасте 57 лет, заразившись при оказании медицинской помощи больным крестьянам. Он лишь одного года не дожил до отмены крепостного права. После смерти Хомякова о нем с глубоким уважением отзывались такие разные люди как Герцен и Толстой, а позднее - Бердяев и Флоренский.

После смерти Алексея Степановича в доме на Собачьей площадке жила его старшая дочь Мария Алексеевна, ставшая после Революции хранительницей организованного здесь Музея 40-х годов, куда попал архив А. С. Хомякова, вывезенный из Богучарова. Она умерла в один день со своим братом Дмитрием Алексеевичем Хомяковым (автором книг "Православие", "Самодержавие" и "Народность") в самом начале 1919 года. Музей вскоре был закрыт.

Архив А. С. Хомякова оказался в Историческом музее, а фамильные портреты и картины до сих пор пылятся в запасниках Третьяковской галереи. После закрытия музея здесь долгие годы размещалось Гнесинское музыкальное училище. Собачья площадка вместе с Хомяковским домом была снесена по команде Хрущева при прокладке Нового Арбата.

Прямое потомство А. С. Хомякова по мужской линии оборвалось со смертью его внука (сына Н. А. Хомякова) в 1914 году. Однако по женской линии многочисленные потомки А. С. Хомякова имеются как в России, так и за рубежом. Сейчас автор этих строк остался последним правнуком Алексея Степановича.

Во времена Хомякова стихи еще существенно отличались по выбору слов от прозаических произведений и, особенно, от разговорной речи. Русская поэзия начала XIX века формировалась под влиянием торжественного, громогласного Державина.

Пушкину, зоркому наблюдателю, летописцу первому удалось преодолеть это влияние, и вместе с бытовой тематикой ввести в поэтический словарь большое число слов из устной речи, которые ранее казались неуместными для поэзии. Хомяков, скорей проповедник, чем летописец, сохранил "высокий стиль" в большинстве своих стихотворений. В его стихах нет житейской суеты, нет быта.

Это совершенно особая, по преимуществу духовная поэзия, интимный дневник, сконцентрировавший самые сокровенные мысли поэта о смысле жизни, о прошлом и будущем России. Впрочем, отдельные четверостишья и целые стихотворения звучат вполне современно:

СТЕПИ

Ах! Я хотел бы быть в степях
Один с ружьем неотразимым,
С гнедым конем неутомимым
И с серым псом при стремянах.

Куда не взглянешь, нет селенья,
Молчат безбрежные поля,
И так, как в первый день творенья,
Цветет свободная земля.

Там не просек ее межами
Людей бессмысленный закон;
Людей безумными трудами
Там божий мир не искажен;

Там смертных ждет святая доля:
Труды, здоровье, покой,
Беспечный мир, восторг живой,
Степей кочующая воля.

Ах! Для чего ж я не в степях
Один с ружьем неотразимым,
С гнедым конем неутомимым
И с серым псом при стремях?

Это - песня о Воле, не скованной "бессмысленным законом", - о природе, не искаженной "людей безумными трудами". Стихотворение хорошо отражает самую глубину вольнолюбивой сущности А. С. Хомякова, которая приводила к внутренним противоречиям с идеей общинности.

Стремление к личной свободе, к праву выбора, к инакомыслию..., объединенное в понятие "**Воля**", столь близкое Хомякову, приходило в явное противоречие с самодержавием, с приоритетом общинного над личным. Эта противоречивость отразилась и в поэзии Хомякова и, особенно, в его публицистике.

В стихах-воззваниях Алексея Степановича Хомякова нашли отражение и самые главные черты учения славянофилов. Он в чем-то искренне заблуждался, чем-то чрезмерно увлекался, но его чистота и честность делают эти заблуждения и увлечения достойными уважения.

Любовь к родине проявлялась у Хомякова в конкретной, земной форме. Алексей Степанович видел задачи царской власти не только в охране внешних границ и законности внутри страны, но и **в сохранении русской национально-религиозной и культурно-бытовой основы государства**, заложенной еще при доимперской истории России.

Он дорожил единством России и употреблял слово "федерализм" всегда только в отрицательном смысле, как шаг назад к раздробленности и междоусобице: "Всякая федерация заключает в себе безмолвный протест против одного общего начала". Однако Алексей Степанович постоянно ратовал за сохранение культурно-религиозной самобытности всех народностей Российской империи.

А. С. Хомяков и другие славянофилы, в отличие от всех "революционных демократов", **отвергали революцию как средство преобразования России**. Гарантию силы и правоты государства славянофилы видели в согласии власти и общества. Относясь критически к крепостному праву, цензуре, произволу чиновничества..., Хомяков оставался убежденным сторонником монархии и надеялся на богобоязненного, совестливого, просвещенного и твердого царя.

И сегодня многие мысли А. С. Хомякова звучат вполне современно. Хомяков был провозвестником "русской идеи", в основе которой лежит **единство народа и власти**, скрепленное православием. Современная Россия устала и от революций, и от насилия, и от противостояния между властью и обществом. Стране нужен гражданский мир, последовательными сторонниками которого выступали славянофилы.

Идея славянского братства звучит сегодня особенно актуально. Действительно, после номенклатурного раздела Советского Союза и Украина, и Белоруссия превратились в "западных славян".

Май 1995 г.

НАРКОТИКИ - ЭТО СМЕРТЬ!

Безоглядная либерализация жизни в новой Российской Федерации прямо способствовала пышному расцвету наркомании. В парке у нашего дома под стенами Кунцевской кремлевской больницы школьники нюхают клей, а почти у каждой лавочки валяются шприцы, и бродят какие-то полуневменяемые люди с остановившимся, затуманенным взглядом.... Что происходит?

Я по этому поводу вспомнил свое детство. Это было во Владимире в военные годы. Мне было лет около десяти (отца уже не было в живых). Голод и холод преследовал нас с матерью по пятам. Мать навещала свою больную подругу и брала меня с собой. Это была очень худая, некогда красивая женщина лет сорока пяти. Она работала вместе с матерью медсестрой во Владимирской психбольнице, и ее только что уволили, заподозрив в

краже морфина. Она действительно была морфинисткой и страшно страдала без очередной дозы. Кончилась эта история очень печально: она не выдержала "ломки" и вскрыла себе вены.

Мать мне тогда сказала: **"Наркотик - это смерть!"**. Я хорошо запомнил эти слова на всю жизнь, и никогда не поддался искушению покурить, понюхать, пожевать, уколоться...! А искушения были: и в Москве (в студенческом общежитии), и в Средней Азии, и на Кавказе....

Не оправдавшиеся надежды "потерянного поколения" в постсоветской России породили разочарование в жизни, желание ни о чем не думать, отключиться. В таком состоянии легко найти обманчивое и кратковременное успокоение в наркотиках. Сегодняшним подросткам очень трудно устоять от соблазна. В ночных клубах, залах игровых автоматов, школьных туалетах... их подстерегают "щедрые" распространители наркотиков, готовые дать **первую дозу бесплатно**. Крупные картели наркомафии и целые государства превратили производство и сбыт наркотиков в сверхприбыльный бизнес.

Наркоманы-знаменитости лоббируют легализацию "легких" наркотиков. Биографии поп-звезд пестрят упоминаниями о наркотическом "кайфе", явившемся источником вдохновения и успеха. Но очень приглушенно говорят о том, сколько молодых и талантливых людей погибло от наркомании, от передозировки, от сопутствующего СПИДа. Умалчивают и о неизбежном творческом бесплодии наркоманов. Далекое не у каждого найдется столько денег и столько сил, как у знаменитых Битлз, удержавшихся на краю наркотической пропасти. У Владимира Высоцкого - не нашлось!

Это глобальная проблема - защитить новое поколение детей от наркотиков. Соблазняясь впервые попробовать наркотик из любопытства, молодой человек обычно смотрит на этот опасный шаг, как на невинное приключение, как на острое ощущение, как на лихость. Поначалу привлекает сочетание наркотиков с компанией, танцами, алкоголем, секс под кайфом..., но очень скоро наркоман оказывается в полном одиночестве, один на один с всепоглощающей потребностью в наркотике.

Начинать борьбу за спасение жизни наркоманов нужно с героизации и деромантизации наркотиков. Сделать это должны

сами наркоманы. Они должны честно и громко сказать, что наркотик - это смертельная ловушка, что это **не просто бегство** от себя, от собственных мыслей, **но и рабство**, и полное одиночество, и потеря доверия, уважения, любви других людей....

Это ложная и очень опасная мысль: "В жизни нужно попробовать все!" Разве нужно пробовать взяться за провод высокого напряжения, сунуть руку в кипяток или выпит кислоту...? Для некоторых людей и для определенных наркотиков достаточно **один раз** "попробовать" из любопытства, чтобы попасть в наркотическую зависимость **навсегда**. Нет безобидных наркотиков! Любой наркотик быстро завладевает жертвой и вытесняет все другие желания и чувства. Чтобы получить вчерашний эффект, сегодня уже приходится увеличивать дозу (и так, каждый день, в конце концов, до смертельной передозировки).

Даже от обычного курения трудно отказаться, а настоящий **наркотик поработает человека целиком и навсегда**. Совсем не "райское блаженство" тянет наркомана к следующей, к нарастающей дозе, а чисто физиологический эффект привыкания к химическому препарату (это могут быть и пары ацетона, и другие химические препараты, необратимо изменяющие сознание). **Наркотическая зависимость лишает человека права выбора**. Происходят **необратимые** изменения в организме, и мозг уже не может забыть о наркотике. Все остальное вытесняется из жизни. Ради новой дозы человек готов на любые преступления. Отравленный мозг наркомана отказывается понимать, что из смертельного тупика есть только один путь - назад, в нормальную жизнь. Но вернуться из наркотического небытия удастся немногим, а полностью реабилитироваться – никому. Смерть от передозировки зачастую является не результатом ошибки, а результатом безысходности – скрытым самоубийством.

Наркоманов не бывает бывших. Легенды о возможности "завязать" или "вылечиться" оплачивает наркомафия. Разговоры о "безобидности" легких наркотиков и об "излечимости" наркомании только усугубляют проблему. Раздуваемые наркоманскими разговорами, не вполне правдивые разговоры маститых поп-звезд о своем наркотическом прошлом и об отказе от наркотиков в зрелом возрасте, создают у молодежи опасную иллюзию, что наркомания всего лишь легко преодолеваемый мелкий эпизод в жизни

их кумиров. ("Раз они смогли отказаться от наркотиков, значит, и мы сможем..., и значит, можно попробовать!") Да, устойчивость к наркотикам различна у разных людей. Для одних - школьные или студенческие шалости с марихуаной благополучно забываются в зрелом возрасте, а другие, которых большинство, - навсегда попадают в цепкие когти наркомании, и гибнут молодыми. Однако страшный риск существует для каждого "любопытного". И для большинства наркоманов "травка" - это первый шаг к героину.

Потребность в наркотиках изначально, генетически не заложена в человеке. Наркомания - это и не жажда, и не голод. **Чтобы стать наркоманом, нужно обязательно принять первую дозу.** И только здесь можно поставить заслон наркомании, исключив возможность первой встречи с любым наркотиком. Человек, употребляющий наркотик, - это бесчувственный робот, запрограммированный на прием очередной дозы. Поэтому наркоманию невозможно излечить, ее можно только искоренить! Но защититься от наркотиков оказалась непосильной задачей для "Свободного Мира".

В России борьба с наркобизнесом затруднена еще и прозрачностью границ центрально-азиатскими государствами, и связями наркодельцов с бизнесом и правоохранительными органами. А тем временем разнообразные природные и синтетические наркотики непреодолимо поработают все новых и новых людей, в первую очередь, детей и молодежь. Любой взрослый человек, как правило, понимает эту смертельную опасность первого шага, и должен удерживать детей.

Наркобизнес агрессивно продвигает свой "товар" и стремится постоянно расширять и омолаживать рынок сбыта. **В этом бизнесе не спрос определяет предложение, а предложение активно формирует постоянно возрастающий спрос.** На скрытую рекламу различных наркотиков, ловко проводимую под прикрытием борьбы с наркоманией, тратятся большие деньги. Под видом антинаркотической пропаганды подогревается любопытство "новичков" и распространяется информация о том, от каких наркотиков, какие "глюки".

Огромная армия наркокурьеров в значительной степени формируется из самих наркоманов. Многими наркоманами движет

злорадное желание приохотить к наркотикам "свежих" людей (членов семьи, друзей, однокашников, случайных знакомых...).

Но если наркотики - это смерть, то и наказания за производство и распространение наркотиков должны быть адекватно суровыми. Совершить наркотическое насилие над человеком ("посадить на иглу") - это страшней чем сексуальное насилие, это - все равно, что совершить убийство, а может быть даже и хуже.

Но как родителям оградить подрастающее поколение, полное любопытства, доверчивости, незащитности..., от наркотической угрозы? Только словами. Другого пути я не знаю. Но сказаны эти слова должны быть во время, пока еще существует способность услышать, пока силен родительский авторитет, и не выработался подростковый иммунитет к взрослым "страшилкам". Слова эти очень простые, но их необходимо говорить: **"Наркотик, как раскаленное железо. К нему нельзя прикасаться!"**.

Апрель 1998 г.

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ.

Живопись сыграла некоторую роль, также как и театр, в формировании моей личности на определенном этапе жизни. Меня привлекала и старая реалистическая живопись, и импрессионисты..., но дальше: Дали, Пикассо, Малевич... с трудом воспринимались мной как искусство, как мастерство! Может быть потому, что среди моих друзей были художник Сергей Тутунов, писавший мой портрет, и Вася Шереметьев, помогавший мне отрабатывать часы на стройке дома, где он в перерывах увлеченно писал протрет крановщика из нашего самостроя. Оба эти художника выше всего ставили мастерство!

Я снова обратился к теме живописи, когда узнал, что **четвертая**, авторская копия "Черного Квадрата" Малевича снята с частного аукциона в Москве и уже куплена за немалые деньги в один миллион долларов, с тем, чтобы остаться в России, как "национальная культурная ценность". Отношение к Казимиру Малевичу всегда было особым в связи с "революционностью"

его живописи и идей. Кто из олигархов стоит за сегодняшней "покупкой года" мне не известно.

Конечно, в свое время это был эпатаж со стороны Малевича, большого мастера и цвета, и формы - выставить черный квадрат как картину. Точно также нелепо было претендовать на "авторство" любой известной геометрической фигуры (треугольника, прямоугольника, круга, эллипса...).

Для здравомыслящего человека совершенно ясно, что квадрат останется квадратом, а черная краска - черной краской независимо от того, кто начертил эту простейшую геометрическую фигуру и кто закрасил ее в стандартный черный цвет - Малевич или любой неискушенный ребенок. Кстати, сам Казимир Малевич притрагивался к своей знаменитой "картине" только для подписи. Закрашивала квадрат черной краской ученица Малевича, Анна Лефортская.

Для большинства обычных людей черный цвет, а значит и "Черный Квадрат" Малевича - это символ смерти. Действительно, "Черный Квадрат" прекрасно подходит для символа большевизма или фашизма. Но если, действительно, черный квадрат был нарисован как некий политический символ вроде креста, шестиконечной звезды или свастики, то, тем более, безразлично и не оправдано авторство.

Я думаю, для Малевича дело было не в символе, а в вызове, в демонстрации презрения к "публике" и "критике". Но, когда пришло надуманное признание художественной значимости "картины", появились и четыре бесстыдных авторские "копии", за одну из которых кто-то сейчас и заплатил миллион шальных, ельцинских долларов.

Раздутый "знатоками" еще в середине прошлого столетия ажиотаж вокруг "Черного Квадрата" Малевича, это, пожалуй, новая настоящая победа системы оболванивания людей (после Пикассо и Дали), которую теперь называют "раскручиванием". Если долго вглядываться в пустоту, когда тебе сказали, что там что-то есть, обязательно что-нибудь увидишь! И все же, **здоров и свободно мыслящего человека никто не убедит, что "Черный Квадрат" Малевича это произведение искусства.** Талант художника состоит в создании новых **неповторимых шедевров,**

чего никак не скажешь о единичных, простейших геометрических фигурах.

Вслед за Малевичем другие "мастера" успешно выставляют синий, красный, коричневый... квадраты, треугольники, круги и просто чистый холст с авторской подписью, или даже разбитый унитаз и другие "инсталляции" и "ассамбляжи". Эти "произведения искусства" превратились в "голубые фишки", за которые берут большие деньги. Цены на многочисленные "черные квадраты" формируют "специалисты" многочисленных галерей и музеев современного искусства, и таких аукционных домов как "Кристи`с", "Сотби`с"....

Конечно, эта система подсовывания публике мнимых или преувеличенных шедевров относится не только к живописи. Затасканная поговорка: "Жизнь прожить - не поле перейти", произнесенная обывателем, воспринимается как очевидная пошлость. Но те же самые слова, оказавшиеся в стихотворении Пастернака и произнесенные В. Высоцким со сцены Театра на Таганке, преподносятся нам как особое откровение шекспировской глубины....

И в культуре, и в науке существуют, и всегда существовали, люди замеченные (как теперь говорят: раскрученные) и не замеченные, замолчанные или забытые. При этом неизвестными не редко остаются более значительные личности. Каждому знакомо имя Эйнштейна, но только специалисты знают, что в основе специальной теории относительности лежат преобразования Лоренца и принцип относительности Пуанкаре, и неэвклидова геометрия Минковского....

"Постмодернизм" прикрывает отсутствие профессионализма. Сейчас творческая часть любого "медийного" проекта" отступает на задний план. Для преуспевающего издателя, продюсера, антрепренера... важна "гламурная" обложка, упаковка, световое и звуковое оформление..., которые первыми бросаются в глаза, и шумная реклама, а что там внутри, уже менее важно. В искусстве всегда был нужен талант и мастерство, но теперь можно обойтись и без того, и без другого. Достаточно всего лишь наглости и бесстыдства, например, для "перформанса" с голой натурой! Разные серые посредственности раскручиваются теперь до уровня мировых "звезд".

Отсюда, вместо художественного мастерства - "инсталляция", вместо живого голоса - "фанера", вместо спортивного состязания - "допинг"....

На сегодняшний рекламный небосвод агрессивный шоу-бизнес непрерывно запускает самые разные "черные квадраты". Они нужны, чтобы оболванивать и обирать сбитых с толку обывателей.

Апрель 2002 г.

PS

В условиях экономического кризиса и избытка денежной массы все эти "черные квадраты" превратились в "голубые фишки", инструменты вкладывания капитала. Аукционный дом "Кристис", бьет один рекорд за другим по выручке за произведения искусств сомнительной художественной ценности. Один миллион долларов, заплаченный 10 лет назад олигархом Потаниным за "Черный Квадрат" Малевича, кажется сегодня мелочевкой по сравнению десятками и даже сотнями миллионов, которые отваливает сейчас олигарх Абрамович за шизофренические полотна представителя "фигуративной" живописи Френсиса Бекона!

Ноябрь 2013 г.

НА СВОЕ СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕ.

Приходится признать, что жизнь заканчивается. Оглядываясь назад, не чувствуешь удовлетворения. Было много ошибок, недуманных поступков, не преодоленных трудностей, незаконченных дел...! Но было, конечно, и много удач, успехов, радостных минут...!

Детство - это уже реальная жизнь! Родители - "лишенцы", кочевавшие по российскому захолустью, и голодные и холодные, военные годы. Жизнь без отца. Частое отсутствие матери, добывавшей "хлеб насущный". И все-таки от детства осталось особое чувство открытия Мира. В детстве мне много читали

("Камо гредеше?" Сенкевича, "Ундину" Жуковского...), водили в церковь, приглашали домой священника для причастия. В детстве над моей кроватью висела картонная иконка Святого Серафима, кормящего медведя, потом появилась настоящая иконка Николай Угодник. Однако после смерти отца в военном Владимире большая часть времени проходила в школе и на улице.

Когда мы с матерью после возвращения из эвакуации оказались в Подмоскowie, значительную часть времени я проводил в Москве у тети Маши Бобринской (сестры отца). Я любил слушать, как Коля Бобринский (мой двоюродный брат) читает на память стихи разных поэтов от Державина до Мандельштама. При помощи Веры Петровны Комисаровой (мачехи моей матери) у меня несколько лет был постоянный пропуск во МХАТ. Но и опера мне нравилась. Я ходил и в Большой театр, и в Филлиал, отстаивая ночные очереди за билетами. С возрастом интерес к театру пропал. Из прочитанных мной в детстве книг стоит отметить "Два капитана" Каверина и северные рассказы Джека Лондона, вызвавшие интерес к Северу. Потом, уже студентом я пытался завербоваться в первую антарктическую экспедицию. В "Севморпути" мы встречались с самим Сомовым, но требования к участникам экспедиции были очень высоки, и нас не взяли.

У Бобринских в Трубниковском переулке постоянно жил кто-нибудь из неустроенных "бывших" (Трубецкие, Комаровские, Фудели...). Здесь толпились гости, шли не слишком лояльные разговоры на политические темы, передавались неофициальные новости. Здесь существовала особая атмосфера доверия и доброжелательности. Конечно, и в этом кругу имелись свои семейные "скелеты в шкафу" вроде "Дульцинеи" Николая Алексеевича Бобринского, о которой тетя Маша долгое время не знала, или не хотела знать.

Когда я появился на свет, моему отцу было уже 54 года. Поэтому я оказался, как бы, между двух поколений. Во всей этой компании родственников и друзей я обычно оказывался самым молодым ("Коля маленький"). Коля Бобринский был старше меня на 6 лет, а Коля Толстой - на 3, среди братьев Трубецких только Готя был моим ровесником. Еще старше были братья Глебовы и Игорь Челищев, сын дяди Георгия, двоюродного брата и крестника моего отца. От этого времени мне досталась

дружба с Сашей Воскресенским, Сергеем Тутуновым, Васей Шереметьевым..., которые все были значительно старше меня. Были и ровесники (Голицыны, Веселовские, Давыдовы, Мэйны, Перцевы, Чистяковы...), целое подростковое "дворянское собрание". Молодежь часто собиралась у Веселовских в Новоигрееве, где можно было, и поесть, и послушать, и поговорить, и потанцевать. Как бы, параллельно существовала повседневная студенческая жизнь. К сожалению, в дальнейшем я, как-то, выпал из этого круга "бывших". Но, то время оказало на меня несомненное благотворное влияние.

Мне часто повторяли: "Всегда помни, что ты сын своего отца, что ты Челищев, что ты должен быть требователен к себе, и снисходителен к другим...", ну и по мелочам тоже: "Не чавкай, не говори с полным ртом, не ставь локти на стол, всегда подавай пальто, уступай место и дорогу...". Конечно, я - Челищев! Однако по типу лица и по особенностям характера, наверное, я большей степени все-таки Грессер.

Казалось бы, жизнь меняет человека, но в главном я мало менялся с возрастом и сохранил некоторые основные установки, полученные в детстве. Конечно, это и Десять Заповедей! Но существовали и некоторые интуитивные стереотипы поведения неизвестно, откуда взявшиеся. У меня постоянно присутствует инстинктивное желание уступить (дорогу, место, вещь...). Мне трудно врать. Я стараюсь всегда говорить правду. Я никому не завидую и не подражаю, может быть, потому, что ощущаю непонятное внутреннее превосходство. Мне не важно, что обо мне говорят и думают другие. В отношениях с людьми я всегда соблюдаю дистанцию. Может быть, поэтому у меня никогда не было серьезных врагов и особо близких друзей. Я никогда не враждую. Если человек мне неприятен, я стараюсь, не имеет с ним дело. Я не люблю расспрашивать, не прислушиваюсь к доносам и наговорам, и сам всегда говорю об отсутствующих только то, что могу сказать человеку в глаза.

Я стараюсь сам не опаздывать, и не люблю, когда опаздывают другие. Я не люблю откладывать дела "на потом". Я привык всегда действовать по плану, соблюдать режим дня. Праздное времяпрепровождение для меня не отдых, а досадная потеря времени. Развлечением может быть только конкретное занятие.

Поэтому я не люблю фуршетов, тусовок..., где невозможно, ни серьезно поговорит, ни узнать что-то новое, ни подумать....

Однажды попробовав "затянуться" в своем военном детстве, я потом никогда не курил. Помня слова матери, я с детства знаю, что нельзя прикасаться к наркотикам, и никогда не имел желания "попробовать". Я избегаю потери контроля над собой от алкогольного опьянения, от головокружения на аттракционах, я никогда не кричу в ссорах. В обычных условиях я никогда не ем и не пью на улице, в метро, в кино. Меня раздражают люди, которые не могут обойтись без еды и питья лишней час....

В силу таких особенностей характера у меня почти не было серьезных трудностей в отношениях с людьми, хотя обычно не было и особой близости, и теплоты. Я старался никогда не участвовать в выяснении отношений, склоках, скандалах, тяжбах. Хотя, приходилось сталкиваться и завистью, и предательство....

Через всю жизнь прошла дружба с домашними животными. Во Владимире дворовый пес с утра ждал меня у дверей барака и провожал до школы. Потом, в Тарасовке был рыжий, пушистый кот Гришка, взятый котенком у таких же рыжих Червонских. Он ходил за мной с поднятым хвостом, как собака. Позже, по требованию дочери, появились любвеобильные спаниели, с которыми я и гулял, и спал, и охотился, и выставлялся. В Англии тоже не обошлось без собак. Здесь я понял особую прелесть мелких собак, общаясь с двумя йоркширскими терьерами.

Я окончил среднюю школу с серебряной медалью и имел возможность выбора будущей специальности. В сочинении была одна ошибка - "женьщина". Для меня, несмотря на литературные традиции семьи, получение гуманитарного образования в советском вузе был неприемлемо. Просто не приходило в голову, что можно профессионально заниматься историей, философией, литературой и другими строго идеологизированными дисциплинами в советских условиях. Мои сверстники, дети бывших, и я вместе с другими, стали геологами, химиками, нефтяниками, лесниками....

После окончания школы с медалью я по собственной инициативе выбирал между Московским геологоразведочным институтом и Геологическим факультетом МГУ, который как раз перебирался на Ленинские горы. В 1952 году я без экзаменов

поступил на геофизический факультет МГРИ, и стал постоянно жить у тети Маши, в Трубниковском переулке.

Попытка прописаться в Москве окончилась неудачно. Я пришел в военкомат со справкой о приеме в институт, чтобы встать на учет, необходимый для прописки. Но меня сразу попытались затолкнуть на учебу в спецшколу МВД. Я оказался за столом наедине с бланком заявления и ручкой. Это было, как удар молнии! Улучив момент, когда дежурный офицер отвлекся на нового посетителя, я выскользнул на улицу и вздохнул с облегчением. Реальная угроза вдруг оказаться "чекистом" была высока. Так я и оставался прописанным в Хотькове у матери еще лет десять.

Всех "медалистов", поступивших во МГРИ, отправили на лето в подшефный совхоз "Зарайский". Работа в совхозе стала прологом к моей студенческой жизни. Это была дружная и веселая компания. Юра Терешкович, тоже геофизик, привез с собой в совхоз радиолу и трофейный альбом пластинок Петра Лещенко. Эти песни до сих пор звучат в моей памяти. Только потом, много позже появились магнитофонные записи Рубашкина, Окуджавы, Галича, Высоцкого....

На нашем курсе геофизического факультета МГРИ поступления 1952 года отношение к учебе было серьезным. Никаких прогулов, списываний, шпаргалок! Программа обучения была интенсивной: 6 - 8 часов занятий в институте, включая субботу, и еще чертежи, проекты, курсовые работы, военная подготовка..., а потом зачеты, экзамены.

Мои студенческие годы прошли в самом центре Москвы, на Моховой. Я обычно ходил пешком на лекции, и только в спортзал на волейбольную секцию ездил на метро. Потом я защищался и преподавал в МГУ, но студенческий мирок на Моховой остался незабываемым этапом моей жизни. Это небольшое здание, когда-то построенное специально для геологического факультета МГУ, сейчас превращено в музей. Все, кто здесь учился, помнят мраморный список погибших в Московском ополчении, уличный барометр, на котором стрелка всегда указывала "переменно", двухстороннюю лестницу с балконом в вестибюле....

Из окон институтской библиотеки - вид на Манежную площадь и Кремль. Через окна мы наблюдали за движением лафета с телом Сталина при похоронах. А из боковых окон открывался вид на двор американского посольства (теперь Интурист). Там постоянно сотрудники посольства перебрасывали бейсбольный мяч. Рядом библиотека Общества испытателей природы и библиотека Ленина. Рядом Большой театр, Малый театр и МХАТ. Рядом Пушкинский музей и Манеж. Рядом ЦУМ и ГУМ. Рядом кафе "Националь" и "Коктейль Холл"....

В общем дворе с нашим институтом находился и 1-й Мед, и Филфак МГУ. Совместные вечера! Теснее смычка - горняк-медицка! Мой однокашник и приятель, Толя Ефимов уже на третьем курсе оказался женат на студентке Филфака. В Клубе МГУ читали свои стихи Ахмадулина, Вознесенский, Евтушенко, который на трибуне очень напоминал Гитлера, так же таращил глаза и жестикулировал, только не хватало усиков под носом. Там же шли спектакли самодеятельного студенческого театра МГУ. На пьесу Э. Радзинского "104 страницы про любовь" с Ией Савиной в главной роли ходила вся Москва. В этом спектакле была занята и студентка с моего курса Лена Михайлов.

Студентам-геологам полагалась специальная форма, включавшая темно-синий костюм с пагонами и медными пуговицами, шинель и фуражку. Но можно было придти на лекции в спортивном костюме и лыжных ботинках. В моей группе выплачивали 390 рублей стипендии с доплатой за отсутствие троек, на старших курсах еще больше (повышенная - 700 руб.). Эти деньги я приносил тете Маше, а она давала мне на карманные расходы 5 рублей в день. Проезд на троллейбусе от Скарятинского переуллка до Манежа стоил 30 копеек. В студенческой столовой самое дорогое блюдо (бифштекс с жареной картошкой и яйцом) стоил рубль, остальные блюда - уже копейки. На столах свободно стоял хлеб и квашеная капуста. Сейчас много говорят о дефиците и, даже, голоде в пятидесятые годы, но я прекрасно помню витрины гастронома на Смоленской с окороками, колбасами, сырами, черной и красной икрой, банками крабов....

В мои студенческие годы пели некоторые малоизвестные песни военных лет, лагерную лирику, начиная с "Колымы", специальные геологические куплеты на известные мелодии. Особое

место занимала у нас "крымская" тематика. Для всех, кто получил советское геологическое образование, Крым - это вторая родина, где все студенты-геологи МГРИ, МГУ, Нефтяного института... после второго курса проходили базовую геологическую практику, приближенную к полевым условиям. Именно в студенческих песнях рождалось это упоительное чувство дружбы, общности, причастности к единому коллективу.

Я два года проучился на геофизическом факультете, а потом по собственному желанию оказался в переходной спецгруппе со сроком обучения 6 с половиной лет. Тогда все силы были брошены на создание атомной бомбы, и нужны были месторождения урана. В конце моей учебы от небольшого старого МГРИ, помещавшегося на Моховой в доме 12, корпус Ж, мало что осталось. Институт занял корпуса бывшего химфака МГУ. Значительную часть профессоров квартирами переманили на Ленинские Горы. Хрущевские реформы высшей школы коснулись и нашего института. Появилась большая группа великовозрастных студентов из расформированного Института восточных языков. Они внесли совсем другую, богемную струю в спартанскую атмосферу старого МГРИ. Поменялось и руководство, в которое пришли новые люди из переведенного в Красноярск Института цветных металлов и золота.

После 1-го и 2-го курса я летом ездил в Ильменский заповедник на Южном Урале. Студенты бесплатно работали на расчистке копей, но за это собирали образцы минералов для музея МГРИ. Я даже нашел на 20-ой копи образцы гидротермального повеллита (молибденовый минерал, обычно из коры выветривания), сделал доклад на минералогическом кружке, а потом подготовил статью, которую Н. И. Хитаров взял в журнал "Геохимия" (в краткие сообщения). Я тогда еще также вел геологический кружок в Доме пионеров на Петровке. Из этого кружка во МГРИ поступил такие заметные в будущем люди, как Юра Диков, Шурик Портнов....

Студенческие годы прошли легко и незаметно, с летними практиками и сменами в альплагере, с горными лыжами зимой, с танцевальными вечерами, с веселыми попойками. В общежитии на Студенческой улице процветала игра в преферанс. Я, правда, больше смотрел, и бегал в гастроном за пивом, батонами

и колбасой. Когда в нашей группе появились болгарские студенты, походы в ресторан "София" на площади Маяковского заменили нам кафе "Националь" и пивбары на улице Горького. В "Софии" мы обмывали и победу нашего однокашника, Игоря Немцова на чемпионате Москвы по боксу, используя выигранный им серебряный столовый сервиз для еды.

Дипломную практику я проходил на урановом месторождении в Средней Азии. При руднике был "соцгород" - отдельные квартиры для шахтеров, короткая очередь на автомобили, "московское" снабжение. Диагноза "лучевая болезнь" тогда не было, больных списывали по "силикозу". Мой начальник, Володя Рехарский, ученый секретарь ИГЕМ, оставался на поверхности, а я занимался отбором образцов под землей один, с погоризонтным планом и радиометром.

В старых горных выработках местами радиоактивность была довольно высока за счет радона. Пальцы рук краснели от урановой смолки. Работы под землей продолжались чуть больше месяца, но я успел схватить приличную дозу. Потом мой проект "Разведка уранового месторождения Развилка на глубину", хранившийся в Спецчасти, долго оставался образцом для нескольких поколений дипломников.

К счастью, я быстро понял, что делаю глупость, и в дальнейшем старался не иметь прямых контактов с открытой радиоактивностью. Однако в 1959 году (через 2 года после взрыва на предприятии Челчбинск-40) я вместе с К. А. Власовым, директором ИМГРЭ оказался на Южном Урале в Кыштымской зоне радиоактивного загрязнения на месторождении Баёвка. Выселенные деревни, поля, заросшие бурьяном высотой в человеческий рост, белые грибы на замшелых тропинках между домами поселка ГРП, кишашее рыбой озеро..., и сливающийся в общий свист звук радиометра. Много позже, после аварии на Чернобыльской АС мне пришлось совершить поездки и в саму "Промзону", и в мертвый город Припять....

После защиты диплома я уехал в Бакуриани кататься на горных лыжах. При получении документов и знака об окончании МГРИ, мне не выдали экзаменационного листа с оценками. Оказалось, что в деканате не удосужились просмотреть мою зачетку, дававшую право на красный диплом, за который я сражался

все 6 лет. Но тогда это меня уже не волновало. Потом замдекана Конский (брат артиста) всегда смущенно отводил глаза при встрече со мной.

По распределению я попал во вновь созданные Институт минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов АН СССР (ИМГРЭ), располагавшийся в самом центре Москвы на улице Куйбышева. Проблема редких элементов тогда только зарождалась, и Советский Союз достиг в этом направлении выдающихся достижений. Были открыты крупные месторождения, и началась их эксплуатация, создан стратегический запас редких металлов. Однако в результате горбачевской "перестройки" и ельцинской "демократизации" все эти работы были свернуты, а стратегический резерв продан за бесценок в США, вместе с запасами обогащенного урана. Сейчас Китай, регулярно посылавший своих студентов учиться в Советский Союз, стал главным производителем редких металлов, необходимых для развития микроэлектроники.

Я прошел путь от старшего лаборанта до заведующего отделом и всегда работал самостоятельно. Это были и полевые работы в разных уголках страны, и экспериментальные лабораторные работы, и опытно-промышленные укрупненные испытания. Под моим начальством бывало более сотни сотрудников. Отношения с подчиненными были ровными и дружескими. У меня не приживались только люди, которым постоянно приходится повторять дважды. С начальством тоже не было проблем. Я всегда соблюдал субординацию, но никогда не заискивал. Мне доставляло удовольствие делиться своими знаниями со студентами, работать с аспирантами, преподавать студентам. Последние несколько лет я имел полставки профессора в МГУ, где читал собственный курс "Технологическая минералогия". В общем, была возможность реализоваться и в науке, и в преподавании!

Еще в студенческие годы, после производственной практики в Южной Якутии, я примкнул к группе "метасоматиков", сформировавшейся вокруг известного академика Д. С. Коржинского. В дальнейшем эта команда всегда принимала меня как своего, и постоянно поддерживала, особенно А. А. Маракушев (потом он сам стал академиком). Моим руководителем по кандидатской диссертации на тему "Пегматиты основных пород" был тогда

директор ИМГРЭ, член-корреспондент АН СССР К. А. Власов, брат Председателя Верховного Совет РСФСР. Не удивительно, что под наш новый институт выделили здание на улице Куйбашева рядом с Торговой Палатой и ЦК КПСС.

Я продолжал ходить пешком из Трубниковского переулкa по Арбату на работу к 9 часам утра, иногда по дороге выпивая чашку кофе со слоеным пирожком в кафе ПРАГА. Несколько раз мне случилось идти вдоль Александровского сада вслед за М. Суловым, рядом с которым шагал коренастый охранник с портфелем, а вдоль тротуара ехал ЗИЛ. Кончилось тем, что у меня однажды проверили документы.

Хрущевская "оттепель" тогда существенно оживила нашу жизнь. Появились новые интересы, желание развлекаться, одеваться. Пели меньше, но слушали записи Окуджавы, Галича..., позже с магнитофонов запел В. Высоцкий. Американская выставка в Сокольниках, Чешский пивной бар в парке Горького, записи Элвиса Пресли... оказались намного действенней советской пропаганды. В это время многие "взялись за перо". И я не избежал этого поветрия - пробовал писать и стихи, и прозу, но быстро остыл. Как и большинство "шестидесятников", я пережил увлечение Хемингуэем. Из русской классики мне ближе Толстой, чем Достоевский. Чехов мне был интересен, но в чем-то и неприятен. В детских воспоминаниях остался Жуковский. Лермонтов кажется мне ближе Пушкина. Был интерес и к поэзии "Серебряного века" и к советским поэтам. Многие стихотворения Блок я помнил наизусть. Мне Цветаева ближе, чем Ахматова, Мандельштам - чем Пастернак. Мне нравились стихи Мартынова и Слуцкого. В прозе "Доктор Живаго" мне ближе, чем "Мастер и Маргарита". А. И. Солженицын остается для меня образцом и человеческого, и писательского мужества.

После женитьбы я, как молодой специалист, получил однокомнатную квартиру в академическом "самострое" на Можайском шоссе в подмосковном Кунцево. С квартирой мне помог Александр Борисович Македонский, главный архитектор Ленинского района Москвы, где находился Президиум Академии Наук. Он когда-то сидел в лагере вместе с О. В. Волковым, отцом моего школьного товарища по Хотькову, Севы Волкова. Отрабатывать часы на стройке мне помогал Вася Шереметьев,

который в перерывах писал маслом портрет крановщика. В Кунцеве родилась моя дочь, которую назвали Ольгой, в честь бабушки. Это имя огорчило мою мать, т.к. она считала его несчастливым для нашего рода.

К. А. Власов умер в 1964 году от инфаркта. Для нашего института это было бедствие. Часть сотрудников переселили в бывшую школу на Садовническую набережную у обводного канала, а главное здание отошло к ЦК КПСС. Но технический корпус, где у меня была лаборатория, продержался еще несколько лет.

Позже для ИМГРЭ построили многоэтажное новое здание в Кунцеве на улице Вересаева. И мы поменяли квартиру на улице Чайковского, дом 18, квартира 202 (прямо напротив американского посольства) на Крылатское, рядом с Загородной кремлевской больницей.

С новым директором, уральцем Л. Н. Овчинниковым, тоже членом-корреспондентом АН СССР, у меня сразу сложились доверительные отношения. Я заинтересовался ионным обменом и защитил на эту тему докторскую диссертацию. Меня опять поддержали "матасоматики" и сам академик Д. С. Коржинский, который увидела в ионном обмене механизм своего "вполнеподвижного" поведения компонентов в открытых системах.

Потом я выпустил книгу "Ионообменные свойства минералов", за которую получил премию им. Ферсмана АН СССР. Здесь впервые были приведены результаты изучения ионообменных свойств клиноптилолита из грузинского месторождения Дзегви, положившие начало широкому изучению свойств и областей применения цеолитов из туфогенно-осадочных месторождений СССР. Эта книга потом стала настольной для многих моих аспирантов.

Позже я продолжал заниматься изучением природных сорбентов (цеолитов, океанических железомарганцевых конкреций...). Я побывал на месторождениях природных цеолитов Грузии, Армении, Закарпатье, Сибири, Болгарии, Кубы, США. За работы по природным цеолитам мне, в числе дружной команды единомышленников, досталась Государственная премия СССР (бывшая Сталинская). Дальнейшие работы были связаны

с технологией переработки минерального сырья и защитой окружающей среды, в том числе и от радионуклидов....

Максимум в моей научной карьере пришелся на 1984 год, когда в Москве (в Хаммеровском центре) состоялся 27-й Международный геологический конгресс (девиз: "Mente et Malleo" - умом и молотком). Молодому, по тогдашним меркам, профессору... был "всего" 50, и я тогда оказался в центре внимания на заседаниях, где шли доклады по океаническим конкрециям и цеолитам. Были и позже многие знаковые события (выход из печати ряда книг, доклады на конференциях по природным цеолитам в Болгарии, Венгрии, Голландии и США...), но это уже было движение не вверх, а по горизонтали.

Многие годы я отбивался от заманивания в партию, особенно настойчивого перед защитой кандидатской и докторской диссертаций. В Высшей Аттестационной Комиссии тоже бывали грязные дела, например, по лишению докторских степеней и профессорских званий евреев, подавших заявления на выезд в Израиль, но я никогда за них не брался. Позже были меркантильные, карьерные резоны для вступления в партию, связанные с перспективой занятия административных должностей и выборами в Академию Наук.

Был момент, когда Л. Н. Овчинников предложил мне стать заместителем директора. Оставалось только вступить в партию, но я не был готов к такому шагу и отказался. Саша Кременецкий, занявший тогда мое место, стал много позже директором ИМГРЭ. А я так и оставался на должности заведующего лабораторией, дважды безуспешно баллотировался в Академию и встретил перестройку беспартийным.

Мне трудно дается общение с людьми, к которым у меня нет интереса. Долгие годы я поддерживал отношения с некоторыми школьными и студенческими друзьями. Кроме учебы и работы была еще особая среда, связанная с жизнью у тети Маши в Трубниковском переулке. Сейчас я понимаю, что это было "другое измерение" со своими ценностями, со своими интересами, со своей атмосферой. Потом появилась пестрая компания, сложившаяся при молодежном, вечернем времяпрепровождении. У меня почти не было случайных связей с женщинами. Обычно бывали более или менее длительные увлечения. Но женщины не

занимали большого места в моей повседневной жизни, и женился я не "по большой любви", а "как порядочный человек".

Многое было связано с альпинизмом и горными лыжами. Альпинизм - это не только восхождения, но и особая среда друзей-единомышленников. Вместе со студенческой жизнью альпинизм быстро закончился, а гонные лыжи остались. Я провел незабываемое время на заснеженных склонах, катаясь на горных лыжах. В Бакуриани и Закопане с Мишей Гохбергом мы не только катались на лыжах, но и прекрасно проводили свободное время. Одно время мы с ним снимали комнату на Ленинских горах, где держали лыжи. Катались обычно по вечерам, но это была и "хата", куда при случае приводили девиц. Потом возникли длительные знакомства, связанные с охотой и собаками...

В моих друзьях, в Союзе и за границей, оставались коллеги по работе. Тут и "старшие товарищи" (А. С. Марфунин, Е. И. Семенов, Н. А. Солодов, американец, профессор Мамптон...), и, конечно, однолетки (Эрик Сендеров, Игорь Белицкий, Тимур Батиошвили, болгары Георгий Киров и Граде Градев ...). С аспирантами (Боря и Таня Беренштейн, Виталий Крюков, Валера Володин, Наташа Грибанова, Гоша Новиков..., кубинец Рейас, немец Фогт...) были дружеские отношения. В общении со студентами тоже всегда была непринужденная обстановка, и мы запросто беседовали на разные темы после лекций.

В советское время я исколесил территорию СССР от Карпат до Камчатки, от Туркмении до Кольского полуострова. Но и загранкомандировок хватало (Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Голландия, Китай, Куба, Монголия, Румыния, США, Финляндия, Чехословакия). Мне посчастливилось бывать в таких труднодоступных, удивительных местах, и в своей стране, и за рубежом, о существовании которых большинство людей даже и не подозревает. Если попробовать описать все это, наверняка, получится тошнотворная литературщина.

Подводя итоги, формально можно сказать, что жизнь удалась. На каждом этапе появлялись какие-то промежуточные цели и устремления. В школе - медаль, в институте - красный диплом. Потом - кандидатская, докторская, профессорство, выборы в Академию. И дальше - премии (академическая, государственная...). А в Англии - гранд от фонда Макартуров, издание

стихов отца.... Но все время присутствовало ощущение, что делаешь что-то не то, и не так. Моя дочь в Англии вышла замуж, появилась внучка. И я остался в Лондоне, когда здесь уже не было серьезных дел, т.к. в новой России я оказался никому не нужен в еще большей степени.

Перед каждым рано или поздно возникает неизбежный вопрос: "Был ли смысл и, вообще, есть ли смысл в человеческой жизни? ". Конечно, существует смысл для меня лично! Ведь жизнь прекрасна, со всеми ее радостями и горестями, надеждами и разочарованиями, встречами и расставаниями, общением и потерями. Но есть ли какой-то более глубокий, общий смысл человеческого существования? Религия готова ответить на этот вопрос. Но готов ли современный человек удовлетвориться этим утешительным ответом?

Смерть - неизбежный элемент жизни! Обидно только, что вместе с человеком уходят его воспоминания о людях, о местах, о событиях..., теряются чувства, знания, навыки, умение, опыт....

Июнь 2003 г.

О ХОМЯКОВЕ-СЛАВЯНОФИЛЕ.

Славянофилы принадлежали к узкому кругу дворянской интеллигенции, связанному не только сословной, но и родственной близостью. По матери А. С. Хомяков находился в родстве с Киреевскими. Д. В. Валуев и В. А. Панов были родственниками Языковых. Аксаковы и Самарины имели родственные связи и с Хомяковыми, и с Языковыми....

Весь этот круг родственников-друзей был проникнут взаимным уважением, вниманием и любовью. Однако все славянофилы были очень независимыми и разными людьми. Поэтому я ограничусь здесь, в основном, мыслями об А. С. Хомякове, отличавшемся огромной нравственной самостоятельностью и готовностью отстаивать свои убеждения против подавляющего большинства. Сам термин "славянофил" (не вполне удачный из-за своей узости) был прямо связан с увлечением А. С. Хомякова идеей освобождения западных и южных славян от турецкого и

"тевтонского" гнета. С этой идеей он вернулся с Турецкой войны. Алексей Степанович большое значение придавал славянскому братству, основанному не только на этническом родстве, но и на православии, кириллице....

А. С. Хомяков видел историческую миссию России в освобождении западных славян из-под гнета Оттоманской империи и Австро-Венгрии, и в создании независимой Сербии, независимой Болгарии, независимой Чехии и Словакии. Это была организационная идея, которая находила благодарный отклик у славянских деятелей на Балканах. Войны с Турцией и само вступление России в Первую мировую войну в значительной степени мотивировались, как раз, идеями славянской солидарности.

Действительно, Россия сыграла большую роль в становлении славянской государственности в Западной Европе. И в этом надежды Хомякова оправдались. Сербия получила автономию в рамках Оттоманской империи после победы России в войне с Турцией 1828 - 29 гг. Хомяков сам участвовал в этой войне. Государственная независимость Сербии и Болгарии была восстановлена в результате освободительной войны против Турции в 1877 - 78 гг. Мой прадед П. А. Грессер был боевым генералом, героем Плевны. Мой отец, Ф. А. Челищев участвовал в Балканской войне 1912 года санитаром в Сербской армии. Но чехи и словаки обрели независимость только после распада Австро-Венгрии в результате Первой мировой войны.

Славянофилы знали и любили Западную Европу и никогда не проявляли к ней враждебности. Да, Хомяков не одобрял кровавой революционности, буржуазного стяжательства, эгоцентризма..., но он честно говорил и о многочисленных "грехах" России. Западники, вслед за Чаадаевым, предлагали отказаться от национальных традиций ("квасного патриотизма") и прямо переносить европейский (конечно, прежде всего французский) опыт на Россию. Они отводили важное место революционной борьбе с самодержавием.

Славянофилы видели для России свой, особый путь развития, основанный на многовековых традициях общинного, православного образа жизни. Революционному переустройству общества и буржуазной жажде личной наживы они всегда надеялись

противопоставить традиции общинной жизни и народной нравственности, сложившиеся на Руси.

А. С. Хомяков по-своему видел историю России. Он не принимал концепцию западноевропейской исторической школы, нарочито принижающей роль славянских народов в прошлом Европы. Отсюда и его критическое отношение к официальной древней истории России, основанной на заказных трудах немецких авторов, которые не знали ни церковно-славянского, ни русского языка. Славянофилы скептически отнеслись "Истории государства Российского" Карамзина, и полностью отвергли "Норманнскую теорию".

А. С. Хомяков и другие славянофилы большое внимание уделяли сельской общине, видя в ней противовес буржуазному раздроблению общества. Особое их внимание привлекала Северная Россия, где никогда не было крепостного права, и где сельская община сохранилась как повсеместная форма крестьянского владения землей. Основываясь на многовековом обычае общинного крестьянского землепользования, славянофилы отрицательно относились к любой частной собственности на землю.

А. С. Хомяков указывал, что сельская община, сельская сходка, где вопросы решались по совести при личном присутствии и без всяких посредников, глубоко проникли в русскую жизнь, и не только деревенскую. Он заранее предвидел, что всякое ограничение местного самоуправления будет приводить к размножению чиновничества ("крапивного семени" по народной поговорке, приводимой Хомяковым). Эта проблема особенно актуальна сегодня. Отсутствие выборных низовых органов местного самоуправления ставит население новой Российской Федерации в полную зависимость от губернаторской и муниципальной бюрократии.

Повседневный труд А. С. Хомяков считал одной из главных человеческих добродетелей, и осуждал пролетарское "люмпенство", нежелание честно трудиться и требование дележа. Хомяков противопоставлял пролетарскому "люмпенству" коллективную ответственность сельской общины, где каждая крестьянская семья кормилась от своей земельной доли, но не могла "пропить" эту землю.

Однако А. С. Хомяков упустил из вида некоторые отрицательные стороны сельской общины. Это и круговую поруку при выплате податей, и назначение сельской сходкой на исполнение повинностей, включая военную, и другие стороны общинного быта, подрывающие личную инициативу и ответственность. Может быть, именно многовековая общинная традиция сформировала такие, считающиеся чисто русскими, черты характера, как русское "авось", тяга к уравниловке, обычно заниженные личные амбиции.

Действительно, общинная жизнь: вече, совестный суд, сельская сходка, общинное владение землей, артельный труд пронизывают всю историю России. Община - это уклад жизни, формирующий смирение, самоотверженность, правдоискательство, коллективную безответственность. Можно всем миром построить новую избу погорельцу, но можно и, с молчаливого одобрения односельчан, подпустить "красного петуха" ненавистному помещику, также как сейчас - ненавистному "москвичу".

По мнению А. С. Хомякова отказ от совестного суда приводит к сутяжничеству, когда дорога' не правда, а формальное исполнение часто "бессмысленного" закона. Он подчеркивал, что и крепостное право было введено "законно". Хомяков выступал за единогласие при вынесении судебных решений, а не подсчет голосов, которым нельзя выявить правды, и за третейский суд, когда нет единогласного решения. (Сегодняшняя массовость обращения в суды во всех развитых странах, огромная роль алчной адвокатуры, многочисленные случаи оправдания явных преступников или осуждения невинных людей подтверждают справедливость опасений Хомякова.)

Общинные традиции на бытовом уровне укрепились в советское время и коллективизацией в деревне, и коммунальным общежитием в городе, и уравнилельно низкой оплатой труда, и отсутствием права выбора. Именно о бытовой общинности с ностальгической грустью вспоминают бывшие рабочие, бывшие колхозники, бывшая трудовая интеллигенция и даже бывшие иностранные студенты всего бывшего Советского Союза.

Для Хомякова и вся Церковь была общиной религиозных единомышленников, существующей как единое целое во времени, уходящем к первоисточкам Веры. В религии А. С. Хомякова

интересовали практические проблемы христианской этики, направленные на создание гармоничного общества, гармоничной личности. Ортодоксальные богословы упрекали его в смешении общественного и церковного.

Славянофильство сформировалось в противовес не только русофобской "чаадаевщине", но и "казенному патриотизму". Известная полемика между славянофилами и западниками развертывалась, в основном, вокруг значения европейского опыта для России. И западники, вслед за Чаадаевым, не находили в прошлом России ничего достойного сохранения и развития. Говоря о реформах русские либералы-западники думали только о копировании европейского опыта, о революции, о свержении самодержавия.

Славянофилы видели будущее России в преемственности народных традиций, в православии, в доимперском историческом опыте, в отказе от насилия в пользу гражданского мира. Тем ни менее многие публицистические и богословские труды А. С. Хомякова впервые публиковались за рубежом и были изданы в России уже после его смерти. Может быть, не случайно царские цензоры притесняли и запрещали славянофилов даже в большей степени, чем западников?

Послепетровское развитие России постоянно сопровождалось низкопоклонством перед Западом, и западники оказались более приемлемы для династии Романовых, чем славянофилы. Но славянофилов и западников объединяло неприятие крепостного права, сословности, цензуры. Они вместе внесли весомый вклад в отмену крепостной зависимости крестьян и подготовили особенную эпоху русской поэзии и культуры, которую называют "Серебряным Веком".

Хомяков и другие славянофилы в отличие от всех "революционных демократов" отвергали революцию как средство преобразования России. Гарантию стабильности государства они видели в согласии власти и общества. Относясь критически к крепостному праву, цензуре, произволу чиновничества..., Алексей Степанович Хомяков оставался убежденным сторонником монархии и надеялся на богобоязненного, совестливого, просвещенного и твердого царя.

Таким царем для России стал император Александр II, который осуществил многие чаяния славянофилов. Он освободил помещичьих крестьян из крепостной зависимости, наделив их землей. По судебной реформе Россия получила новый суд: "гласный, скорый, правый, милостивый и равный для всех". Были отменены телесные наказания и клеймение преступников. Всеобщая воинская повинность была распространена на все сословия. Была создана система выборного городского и местного самоуправления. Новая победоносная война с Турцией окончательно освободила западных славян от турецкого ига...!

Однако "Царь Освободитель", Александр II был быстро убит террористом из народовольцев. Может быть, именно с этого абсолютно бессмысленного царевубийства начиналась эра насилия и террора, определившая всю кровавую и безумную последующую историю России.

А. С. Хомяков не успел оформить свои мысли в виде законченной мировоззренческой системы взглядов. Многие его публицистические труды не лишены противоречий. И, на мой взгляд, его поэтическое творчество позволяет сегодня лучше понять умонастроение славянофилов и почувствовать дух того особого, удивительного времени, когда одновременно вместе сошлись Пушкин и Лермонтов, Грибоедов и Гоголь, Хомяков и Чаадаев, Языков и Тютчев, Толстой и Достоевский..., А. Иванов и М. Глинка....

В советское время А. С. Хомякова и других славянофилов долгие десятилетия обругивали или замалчивали. Да и сейчас А. С. Хомякову и другим славянофилам уделяется мало внимания. Действительно, взгляды славянофилов во многом были противоположны взглядам и либералов-западников, и марксистов. Для славянофилов главное - **связь с прошлым, вера в Бога, гражданский мир, свободное крестьянство**, а для марксистов - **отказ от прошлого, атеизм, революция, пролетариат**.

Казалось бы, для России выбор ясен. Но история распорядилась по-своему. Патриархальной, православной, крестьянской России суждено было пережить "пролетарскую" революцию, кровавую гражданскую войну, сословный геноцид, раскулачивание, коллективизацию..., и потом еще потратить почти столетие на насильственный эксперимент по построению сначала

"коммунизма", а потом и "демократии", бесславно завершившихся разделом и разграблением страны (дважды за одно 20-е столетие)! И российское "западничество" сохранило низкопоклонство, и носит такой же антироссийский, антинародный, деструктивный характер, как это было в времена Чаадаева.

Май 2004 г.

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ?

Для меня во взрослой жизни, как и для всего моего поколения, главным была учеба, работа, карьера. Я никогда не забывал, что происхожу из "бывших", и был готов к трудностям и проблемам, которые были и с анкетами, и с пропиской, и с произношением нашей фамилии. Меня все упорно пытались называть Че`лицевым, а не Чели`цевым.

Долгие годы существовали ограничения при получении любого образования для детей "лишенцев", "белогвардейцев" "кулаков", бывших владельцев частной собственности.... Только Сталинская конституция 1936 года формально амнистировала и уравнивала в правах "лишенцев" с остальным населением страны. Однако после войны уже многое зависело от личных амбиций.

При поступлении во МГРИ в 1952 году пришлось заполнять многостраничную анкету. На вопрос о социальном происхождении родителей я, естественно, писал: "из служащих", на вопрос о частной собственности: "не владели", о судимости: "не привлекались"...! Скрывал, как и многие другие, и, в моем случае, без последствий! А вот с графой о девичьей фамилии матери возникла проблема. Я хотел написать: Грессер, но оказалось, что мать в 1932 году выходила замуж за моего отца под чужой фамилией: Орлова. Так я и написал в анкете, но подробностей не знаю. Наверное, было опасно носить фамилию градоначальника Петербурга, причастного к казни брата Ленина. Может быть, по этой причине погиб и мой дед А. П. Грессер!

Я оказался нацеленным на научную карьеру. Когда мы все учились на геофизическом факультете МГРИ, не было ни прогулов, ни шпаргалок..., все сражались за "красный диплом".

Со студенческой скамьи советские люди делали биографию, шли на общественную работу, ехали на Север, на Восток. Работа поглощала большую часть времени и душевных сил. Конечно, была и увлеченность, и радость познания и созидания.

Тогда, как и сейчас для молодежи из бедных семей, главным казалось продвижение по карьерной лестнице (должность, звание...). Существовала постоянная конкуренция, борьба за "место под солнцем". Об этом очень точно сказал один советский поэт (Кажется, Леонид Мартынов):

"Мелкие пожизненные хлопоты

По добыче славы и денегат

К жизненному опыту

Не принадлежат! "

Действительно, когда оглядываешься назад в конце жизни, все эти "главное" достижения (степени, звания, премии, специальные статьи и книги на твое имя в каталогах библиотек...) совсем не кажутся такими важными. Конечно, они тешат тщеславие и пригодятся для профессионалов, но они не греют душу.

Случались и неожиданные мелочи, о которых потом невольно вспоминаешь. Возвращаясь из США через Сан-Франциско летом 1993 года, я неожиданно выяснил, что мой билет аннулирован, и я смогу вылететь в Москву только через неделю. Казалось бы, какая удача - прожить неделю в Сан-Франциско за счет Аэрофлота! Но..., я почему-то поспешил поменяться билетами, и через час уже был в воздухе, а другой участник нашей группы на неделю поселился в отеле на Маркет Стрит.

Был и другой забавный случай. Мы летели с Л. Н. Овчинниковым (директором ИМГРЭ) из Иркутска в Усть-Илимск на пассажирском АН-2. Нам потом предстояло машинами переправляться через Бирюсу накануне ледохода, и ехать дальше высоко в горы на новое месторождение. Неожиданно на борту самолета погасло освещение, и два молодых пилота стали с фонариком в руках судорожно листать толстую инструкцию в поисках неисправности. Среди нескольких пассажиров возникла легкая паника. Самолет затемно садился на грунтовый аэродром Усть-Илимска без бортовых огней, под надзором пожарного расчета. Я думаю, не было реальной опасности, но опереточная ситуация запомнилась.

Автомобили - это тоже мелочи жизни. В Москве я сначала купил Запорожец, потом ВАЗ-01 и ВАЗ-11. Был еще и ГАЗ-69, и ИЖ-Комби. В Лондоне я начал с Астры. Эту машину у меня угнали. Как сказали в полиции, из-за дизельного двигателя, на которые большой спрос в Африке. Правда, страховка оказалась даже выше рыночной цены. Потом у меня был ФОРД-Эскорт, Вектра, и снова Астра, новой модели. Некоторое время я использовал СЕАТ, пока моя машина была на ремонте по страховке. При получении британских водительских прав тоже были трудности. Здесь не принято использовать накат, все время нужно ехать в натяг, заранее включать нужную скорость при повороте.... Зато не приходится иметь дела с дорожной полицией. За 20 лет мой автомобиль остановили только один раз, вечером в центре Лондона, за не включенные подфарники, и это была обычная полиция.

Такие "мелочи жизни" как жилище оставляют след на всю жизнь. Село Норское на Волге под Ярославлем я помню смутно. Но запах просмоленных лодок на берегу я ощущаю до сих пор. От жизни в Мытищах тоже мало что запомнилось. Разве что, вырытая нами щель в огороде для укрытия от бомбежек, куда мать ставила молоко. В первый крупный налет я полез в укрытие и разбил банку с молоком. Эвакуация (Доброе село, Владимир) - это была уже осязаемая реальность. Потом была психбольница по реабилитации фронтовиков на базе санатория им. Калинина (на Клязьме ниже Болшева), где работала моя мать. Это была уже насыщенная детская жизнь. Абрамцево, Гравидан, Хотьковская средняя школа стали значительным этапом к вступлению во взрослую жизнь. Студенческие годы, учеба во МГРИ, жизнь в Трубниковском переулке (дом 26, квартира 18 - теперь этот флигель снесен) прошли увлекательно, легко и быстро.

Первая моя собственная однокомнатная квартира была в академическом самострое для не имевших московской прописки. (Можайское шоссе, первый подъезд, пятый этаж, адрес не помню). Здесь в 1962 году родилась моя дочь. Потом были две квартиры в Останкине на Ботанической улице рядом с "шарашкой", описанной Солженицыным в "Круге первом". Позже был переезд на улицу Чайковского (Новинский бульвар), дом 18, квартира 202 на Садовом кольце напротив американского посольства.

Здесь мы прожили 10 лет. Дочь ходила в английскую школу на Большой Молчановке (за кинотеатром "Октябрь"). Переезд в Крылатское на улицу Тимошенко дом 36, квартира 117 (под забором Кремлевской больницы) был связан с постройкой нового здания для ИМГРЭ в Кунцеве, на улице Вересаева д. 15.

Но, как это ни парадоксально, самый длительный период моей жизни на одном месте и, может быть, самый благополучный, пришелся у меня на Восточный Лондон. С Марта 1994 года я живу в двухэтажном доме с садом (и снова дом 18!), из которого семья моей дочери переехала в большой дом в Билерики (рядом с Базилдоном). За это время 12 больших деревьев на моем участке подросли раза в полтора, не говоря уж о зарослях плюща.

С теплой грустью вспоминаешь такие "мелочи жизни", как общение с родителями, с другими близкими людьми, с женщинами. А женитьба, рождение ребенка, семейные воспоминания! Только сейчас начинаешь понимать, сколько всего упустил, как много не спросил, как мало рассказал...!

Декабрь 2007 г.

ДВА ПАТРИАРХА?

Високосный 2008 год скосил сразу и писателя Александра Исаевича Солженицына, и Патриарха Алексия II (Алексея Михайловича Ридигера). Один из них едва ни дожил до 90, другой - до 80. Два эти человека стали, наверное, самыми выдающимися персонажами грандиозной исторической драмы разрушения Советского Союза и робкого прорастания "из под глыб" новой России. Для меня, они оба Патриархи, в широком смысле этого слова. Этим очень разных людей объединяет преданность России и православной вере.

Жизнь Солженицына - подвиг. Он устоял под лагерным прессом, поборол рак, написал то, о чем другие трусливо молчали. Ему удалось решительно обыграть Ю. Андропова, опубликовав "Архипелаг ГУЛАГ" во Франции. Это был захватывающий триллер. В вынужденную ссылку Солженицын отправился с поднятой головой и жаждой работать. В Америке он не льстил

американцам, а вернувшись в новую Российскую Федерацию, разглядел все уродства ельцинской "демократии" и не постеснялся называть вещи своими именами... и писал, писал!

Конечно, и раньше было "Солнца мертвых" Шмелева, "Колымские рассказы" Шаламова, "Один день Ивана Денисовича" самого Солженицына и другие правдивые книги о "советской действительности". Но монография "Архипелаг ГУЛАГ" - это, прежде всего, разоблачительный документ всей советской эпохи, созданный неравнодушным и зорким участником событий. Я помню, как художник Сергей Тутунов доставал для меня из тайника на даче в Коневом бору экземпляр книги "Архипелага" первого издания "ИМКА-Пресс". Конечно, я, как и все, многое видел сам, о многом слышал от других и о чем-то догадывался. Но правдивость, смелость и бескомпромиссность оценок Солженицына произвели на меня огромное впечатление. Естественно, не всё я мог принять из резких, а иногда и не вполне справедливых, и противоречивых суждений автора о русской интеллигенции, о российском дворянстве... и по другим вопросам. Однако в главном, в полном неприятии большевизма и сталинизма я оказался полностью на стороне Солженицына уже с самого раннего периода его травли и обругивания.

В постсоветской, ельцинской Российской Федерации, целиком поглощенной судорожным насаждением сверху капитализма, в самом уродливом, грабительском, криминальном его варианте, Солженицын опять оказался не востребован. Но "Архипелаг ГУЛАГ" стал постоянной гарантией полного и бесповоротного развенчания коммунистической мифологии. И пусть не состоялось Покаяние, и не видно признаков Раскаяния, но скрыть и забыть преступления советской власти уже никому и никогда не удастся.

При этом А. И. Солженицын не отказался от России в угоду Западу, как это сделал А. Д. Сахаров, а встал на защиту обездоленного, бедного большинства русского народа. И он один однозначно осудил антинародную направленность, беспринципность и бессовестность новой российской "демократизации", назвав ее "социальным дарвинизмом". Многого стоит и его отказ принять орден из рук президента Ельцина. Рассмотрение катастрофических событий российской Революции в "Красном

Колесе" важен и сегодня, и будет востребован в будущем, как суровое предостережение.

Отношение А. И. Солженицына к Церкви, к Богу отличалось крестьянской простотой и убежденностью. Для него Вера не убежище, а опора в борьбе за Правду. Все, что он написал, освещено чувством исполнения Долга, когда литературный труд становится **миссией**. Это проявилось и в его отношении к людям, к семье, детям, внукам, составившим дружную православную общину. Однако здесь все вращалось вокруг самого Солженицына, все было подчинено главному делу его жизни. Личность такого масштаба требовала жертв и не могла не подавлять окружающих. Но Солженицыну везло на верных друзей и преданных женщин.

Жизнь Патриарха Алексия - служение. Он прошел обязательный путь от низового церковнослужителя до патриарха. Его патриаршество пришлось на время ликвидации СССР и становления новой России. По существу, происходило второе крещение Руси после 70 лет советского государственного атеизма. У нового Патриарха появились огромные возможности и огромные проблемы, связанные с необходимостью поднимать из руин и церковные постройки, и саму духовную жизнь Церкви.

Он проявил большие организационные способности и душевные силы, позволившие объединить интересы Церкви и интересы Власти, и на этой основе расширить и углубить церковную жизнь России. Однако Патриарх однозначно выразил свое отношение к постсоветской "демократии", к фигуре Ельцина, отказавшись участвовать в общественной процедуре погребения первого президента РФ.

В нашей многонациональной и многоконфессиональной стране Патриарх Алексей всегда искал любую возможность примирения и взаимодействия, и между священнослужителями, и между верующими разных конфессий. В условиях ельцинской "демократизации" и дезинтеграции страны он смог отстоять единство Русской Православной Церкви, ему удалось противостоять многочисленным шарлатанским и изуверским культам, порожденным всеобщей либеральной вседозволенностью.

Православие начинает постепенно отвоевывать молодое поколение у идеологии обогащения любой ценой, у вакханалии

ночных клубов, наркомании, проституции, алкоголизма, разнужданности....

Важным достижением Алексия II стало восстановление взаимодействия с Русской зарубежной Церковью. Заметно возрос авторитет и влияние Московской патриархии в церковных делах многомиллионной русской эмиграции. Русские церковные приходы за границей объединяют эмиграцию, и помогает бороться с ассимиляцией, и потерей русского языка и русской культуры. При этом Русская Православная Церковь активно участвует в межхристианских церковных связях, но настороженно относится к традиционной католической экспансии.

Патриарх - публичное лицо, а писатель - отшельник. Поэтому официальный авторитет и известность Патриарха Алексия II намного превосходит востребованность и популярность писателя А. И. Солженицына.

Но Патриарх совершил неизбежное, и пользовался постоянной поддержкой властей и верующих. Может быть, кто-то другой проделал бы этот путь менее успешно, но возрастание роли православия в новой России было предопределено. А то, что сделал Солженицын, никто другой сделать за него не мог. Он один нравственно сокрушил, казавшееся всем несокрушимым, и до последнего дня раздражал многих настойчивой борьбой с ложью и замалчиванием правды.

Декабрь 2008 г.

КОМПЬЮТЕР В МОЕЙ ЖИЗНИ.

Почему именно компьютер? Почему не автомобиль, почему не телевизор, почему не мобильный телефон...? Персональный компьютер - это такой универсальный инструмент, который становится, как бы, дополнительной частью человеческого интеллекта. В моей повседневной и профессиональной жизни компьютер сыграл и продолжает играть важную роль. Еще в начале 90-х я получил престижный грат от Фонда Макартуров, вероятно, именно потому, что подготовил все конкурсные материалы с помощью компьютера. Позже, при издании стихов моего отца

Ф. А. Челищева я сам создал на компьютере оригинал-макет для печати книги, который осталось только отправить в типографию. Это было уже в Лондоне. И я сэкономил на этом много времени и денег.

События в полупроводниковой индустрии развивались стремительно. В 1956 году Уильям Шокли получил Нобелевскую премию по физике за открытие транзисторного эффекта. Однако Шокли не удалось довести полупроводниковые изделия до практического применения, и он несколько лет оставался профессором Стэнфордского университета. Бывший сотрудник Шокли, Роберт Нойс в 1959 году создал полупроводниковую интегральную схему на основе кремния. Отсюда и название "Силиконовая долина". Первым потребителем интегральных схем стали военное и космическое ведомства США. В 1968 году Роберт Нойс и Гордон Мур создали компанию Intel (интегрированная электроника). Первый микропроцессор Intel появился в 1971 году. В 1969 году Джерри Сандерс организовал компанию AMD (расширенные микро устройства). Жесткая конкуренция между Intel и AMD на рынке микропроцессоров продолжается до сих пор. Быстро растет тактовая частота и быстродействие, внутренняя память, число ядер... микропроцессоров, размерный фактор технологии опустился от 0.01-мм до 32-нм и приближается к критическому размеру....

Создание персонального компьютера развивалось, как захватывающий триллер. Еще в самом начале 70-х годов в нашем институте компьютер занимал большой зал, и десятки сотрудников "набивали" дырки на картонных карточках для ввода информации. В это время в Беркли "недоучки" Стив Джобс и Стив Возняк создавали первые самодельные персональные компьютеры. Но их предложение было тогда отвергнуто компанией HP. Настоящим подарком для Джобса стало получение от недалеких топ-менеджеров компании Хегох оригинальных разработок сотрудников фирмы, названных "графическим интерфейсом", где впервые появились "окна" и "мышь" Дугласа Энгельбарта". Это был настоящий "клондайк", послуживший основой для создания серийных персональных компьютеров Apple-Macintosh.

Одновременно в Гарвардском университете такие же "недоучки" Билл Гейтс и Пол Аллен работали над компьютерными

языками программирования "фортран" и "бейсик". Им повезло купить у разработчика, одиночки из Сиэтла операционную систему DOS (дискровая операционная система), идеология которой в компьютерах сохраняется до сих пор. Билл Гейтс предложил операционную систему DOS большой компьютерной фирме IBM, конкурирующей тогда с Apple. По удачно заключенному контракту крошечная начинающая фирма Microsoft получила эксклюзивное право устанавливать "свою" операционную систему DOS на всех PC фирмы IBM. Потом для системы DOS была создана оболочка Windows, в которой был использован такой же "графический интерфейс" от Xerox и "мышь", как и у Apple-Macintosh, к очевидному неудовольствию Стива Джобса.

Но в программном обеспечении операционных систем Джобсу не удалось составить реальную конкуренцию Биллу Гейтсу. Полное преобладание PC над Mac (10:1) обеспечивается преимуществами операционной системы, разнообразием и доступностью программ для Windows, полной унифицированностью компонентов и сравнительной дешевизной. PC дает свободу выбора вплоть до домашней сборки самим пользователем, а обладатели Mac попадают в полную зависимость от производителя, и за каждый чих придется платить. Иметь компьютер Mac для индивидуального пользователя - это больше, чем снобизм, это полная зависимость!

Три версии Windows устанавливались из DOS, а начиная с 1995 года появилась гибридная с DOS новая операционная система MS Windows 95, а позже 98, Me. Однако уже в 1993 году была разработана новая операционная система - Windows NT (новая технология), ориентированная на корпоративные компьютерные сети, и версия Windows 2000, основанная на NT, быстро завоевала деловой рынок. Дальнейшим развитием NT стала операционная система Windows XP (от eXperience), ориентированная одновременно и на бизнес, и на массового пользователя. Новым версиям Windows (Vista - 2008 г. и 7 - 2010 г.) пока не удается полностью вытеснить XP. Операционные системы Windows, вместе с MS Office, сделали Билла Гейтса богатейшим человеком Мира.

Я прошел на практике всю историю персонального компьютера от ранних версий DOS до WINDOWS 7. Меня интересовал

не только "софт", но и "железо". Настольный компьютер легко отремонтировать и модернизировать в соответствии с задачами самого пользователя, а лэптоп можно только выбросить и купить новый. Я своими руками собирал "машины", начиная с процессора Intel 286... до Pentium D и многоядерных процессоров. У меня накопилась целая историческая коллекция разных процессоров, включая такие монстры, как Pentium Pro....

Компьютер не слишком повлиял на круг моих интересов, но чрезвычайно упростил доступ к необходимой информации и облегчил любые виды работы с текстом. Персональный компьютер заменил мне сначала пишущую машинку и архив, потом корректора, потом редактора, потом издателя, потом переводчика, потом почту, потом библиотеку. Теперь прибавились еще и торговый лоток, телефон, видеоплеер, телевизор, спутниковый приемник..., и еще дальше, форумы для дискуссии, место встреч и разговоров с удаленными людьми, общедоступный дневник, визитная карточка, публикация в сети, собственный вебсайт...! Интернет создает доступ к уникальным рукописям и книгам, произведениям искусства...! На экране дисплея можно увидеть спутниковое изображение почти любой точки Земли...!

Еще в конце столетия я разместил на собственном сайте книгу стихов отца "Голос из прошлого". Потом возник сайт "Самиздат" при электронной библиотеке Машкова, и я стал регулярно помещать туда свои новые эссе и двестишья, открытые для свободного чтения и копирования. С тех пор число посетителей моей страницы в Самиздате далеко перевалило за 50000. Очевидно, что Интернет стал мощным инструментом самовыражения, где в открытом доступе выложены не только личные блоги, фотографии, видеоклипы, но и авторские рукописи, авторская музыка, и живопись....

Компьютер позволяет рядовому человеку использовать знания и опыт самых высоких профессионалов. Он открывает широкий доступ к самой разнообразной информации, ускоряет математические расчеты, облегчает проектирование, издательскую и рекламную деятельность, позволяет "оцифровывать" текст, изображение, звук, облегчает дистанционное общение между людьми. Опубликовав что-то на бумаге, потом остается только

сообщать об опечатках и сожалеть о шероховатостях, а материал, размещенный в Интернете, можно постоянно править.

Компьютер дает возможность моделировать сложные процессы по ограниченному числу параметров, в том числе и ядерные испытания, и технологические процессы. Компьютерное проектирование и дизайн позволяют значительно сократить сроки выхода на промышленное строительство или производство. В медицинской диагностике компьютер существенно повышает достоверность и сокращает время на обработку результатов исследований, а также облегчает хирургические операции. Компьютерная анимация совершила переворот в рисованной и игровой кинематографии....

К стационарному компьютеру можно подключать несколько мониторов, принтеров... и другие различные приборы и датчики. Большинство сложных технологических процессов управляется с участием компьютеров. С помощью системы компьютеров можно формировать локальные сети, существующие независимо от Всемирной Паутины. Это особенно важно для защиты от взлома кибернетических систем управления и жизнеобеспечения, производственных, энергетических и военных объектов....

Конечно, пользователь находится под постоянным давлением корпораций, рынка и рекламы. Производители "софта" создают все более громоздкие и медленные программы и игры, а производители "железа" - все более мощные машины.

Покупателя постоянно провоцируют приобретать все наиболее "крутые" и дорогостоящие компьютеры, обычно, значительно превосходящие реальные потребности пользователя. Нарушение преемственности в новых версиях устройств и программ создает для пользователя дополнительные трудности и расходы. При переходе на новую операционную систему, приходится одновременно обновлять значительную часть "железа" и "софта". Установив на своем компьютере, например Windows 7, пользователь вынужден выбросить принтер, сканер, тюнер, видеокамеру..., и заменить значительную часть программ!

Сейчас приходится слышать, что дни классического РС сочтены. Коммерческое стремление наделить мобильный телефон функциями компьютера, подключенного к Интернету, кажутся мне лишненными здравого смысла и перспективы. Большинство

таких функций заняты, но часто и бесполезны в повседневной жизни. Низкая скорость, неустойчивость связи и высокая стоимость доступа не позволяют мобильной связи реально конкурировать с проводным и, особенно, кабельным выходом в Интернет. Все равно, мобильный телефон, в основном, останется средством голосовой связи и СМС сообщений, а остальные функции будут мало использоваться и останутся крупным, бесполезным ценовым довеском. Multi-touch дисплей совершенно не пригоден для повседневной работы с документами на компьютере. Перелистывание страниц пальцами в электронных книгах, планшета и смартфонах выглядит эффектно, но гораздо удобней читать и работать с текстом в обычном текстовом редакторе, движением страниц с помощью мыши сверху - вниз или снизу - вверх.

Безостановочное появление на рынке электронных новинок требует от пользователя больших денег, и траты времени для освоения и использования все новых и новых изделий и программ. Уже ушли в прошлое "Palm" и "Tablet PC", и многочисленные игровые "консоли", а давление рекламы на покупателя все нарастает. Вчера был iPod, SmartPhon, IPhon 3G, сегодня – уже 4G, iPad, что завтра? Если использовать все многочисленные функции новых "комбайнов", то уже **не останется времени ни на что другое в жизни!**

Но сегодня реклама всесильна! Теперь не спрос определяет предложение, а агрессивная и дорогостоящая реклама формирует нужный производителю спрос на все новые "гаджеты" и все новый "контент"! Когда Стива Джобса спросили, учитывает ли он мнение пользователя, он ответил, что выбирать - не право пользователя, пользователь должен только постоянно платить! Покупатели продукции Apple становятся заложниками этой закрытой "масонской ложи", лишаящей пользователя права осознанного выбора. В изделиях Apple расходы на рекламу и торговые наценки составляют основную часть их розничной цены. Получается, что покупатели сами оплачивают беспрецедентные маркетинговые и рекламные расходы, в конечном счете, целиком определившие их выбор, при покупке айфонов и айпедов!

Я, вообще, не люблю многофункциональных комбайнов и миниатюрных изделий. Для меня незаменим классический РС,

где существуют самостоятельный системный блок, монитор и клавиатура, которые легко могут быть модернизированы или заменены самим пользователем. Возможен ремонт и обновление путем замены "запчастей", как в автомобиле! Но, как раз, долговечность стационарных компьютеров и не нравится бизнесу, заинтересованному в непрерывной замене, а не длительном использовании изделий. Срок службы настольного компьютера измеряется многими годами, а карманные новинки каждый год приходится выбрасывать и покупать новые по ценам, превышающим стоимость стационарного компьютера. Объем расширенной памяти, скорость обработки данных и видовое разрешение стационарного компьютера никогда не будут достигнуты для миниатюрных изделий.

Основные цели и возможности использования персонального компьютера не могут быть достигнуты при работе урывками, на мелком тач-скрине, мелкой клавиатуре, при низкой скорости и малой памяти многочисленных видов мобильных телефонов и "планшетов", требующих, к тому же, постоянного напряжения для глаз. Коммуникатор или слепая электронная книга никогда не заменят компьютеризированного рабочего места, где можно использовать разные масштабы, дополнительные экраны....

Проблемы с зарядкой батареей также постоянно отравляют жизнь пользователей мобильных "гаджетов". Даже и лэптоп малопригоден для длительной, творческой работы на компьютере, для качественного прослушивания музыки и просмотра фильмов. Кроме того миниатюризация и блоковая сборка лишают пользователя возможности модернизации и ремонта изделий. Миниатюрные изделия в большей степени дорогостоящая игрушка, чем инструмент для делового использования. Страдает и эргономика!

Новое поколение пользователей смартфонов и планшетов обеспечило себе не только проблемы со зрением и постоянное облучение электромагнитными волнами, но и оторванность от компьютерной деятельности, и зависимость от производителей гаджетов, и интернет-провайдеров.

Когда еще 10 лет назад приобрели массовое распространение мобильные телефоны, были проведены широкие медицинские исследования, показавшие реальную опасность беспроводной

связи для здоровья людей. С тех пор количество пользователей мобильными коммуникаторами возросло на порядки, а вместе с ним и микроволновая нагрузка на жизненное пространство людей. Однако астрономические доходы IT-компаний отодвинули проблему здоровья пользователей настолько далеко, что о ней, просто, никто больше не вспоминает.

Мобильный интернет многократно увеличил трафик и доходы провайдеров. Но, на мой взгляд, разговоры о безответственности и безнаказанности Интернета сильно преувеличены. По сравнению с безответственностью и безнаказанностью мировой финансовой системы и ТНК Интернет не дорос пока до детского сада и, даже, до яслей. Конечно, Интернет облегчает доступ к порнографии, наркотикам, другому криминалу, но "свинья всегда найдет грязь" и без Интернета! Основной опасностью Интернета становятся претензии навязчивых провайдеров, производителей программ и рекламных бандитов на время и деньги пользователей. Такие агрессивные компании как AOL или Google, а вслед за ними и масса других..., постоянно насилуют беспомощных пользователей, норовя влезть в каждый компьютер под прикрытием других программ.

У меня в командной строке Интернета всегда стоит Blank, но и это довольно часто помогает защититься от назойливых производителей бесполезных и даже вредных программ, который вместо помощи только мешает!

Интернет стал мощным инструментом распространения агрессивной рекламы. Личная информация пользователей позволяет заменять маркетинговые кампании постоянным контролем за интересами и потребностями каждого участника социальных сетей. Пользователи Интернета не должны забывать, что огромные доходы провайдеров от размещения рекламы оплачивают потребители товаров и услуг, большинство из которых, вообще, не выходит в Сеть.

Задача каждого ответственного человека противостоять избыточной рекламе. Я никогда не открываю рекламу из любопытства, на что и рассчитывает рекламодатель, а только - по необходимости! Однако многочисленные навязчивые рекламные программы и "помощники" лезут в любую щель и постоянно мешают спокойно работать.

Кроме того, кажется нелепым тратить свое время и свои деньги на распространение чужой, банальной информации в социальных сетях. Огромная часть трафика в Интернете приходится на многократное копирование одной и той же информации. "Поисковики" подсовывают пользователям одну и ту же информацию в упаковке разных сайтов, с разными названиями и адресами. Когда существует одинаковая и платная, и свободная информация по одному и тому же вопросу, бесплатная информация, как правило, оказывается на самом дальнем, труднодоступном месте!

Низкий интеллектуальный уровень общения в Интернете формирует соответствующую молодежную аудиторию. Мне не приятен примитивно-хамоватый жаргон при общении в социальных сетях и на форумах. Сам факт контакта создает особую атмосферу причастности и заинтересованности.

Свободное общение в социальных сетях - это иллюзия. Если кто-то одинок в жизни, то останется одиноким в Интернете. Присутствие в Интернете владельцев любых устройств от смартфона до стационарного компьютера ставят их под постоянный внешний контроль. Не только личные данные, но и все контакты, и местонахождение пользователей контролирует провайдер, а значит и спецслужбы. Возможны только тусовки по предварительной договоренности с друзьями, что ничем не лучше обычной электронной почты и намного хуже, чем Скайп! Чтобы на вас обратили внимание в любой социальной сети, нужно проявлять непрерывную, лучше всего скандальную активность или нанимать компанию, которая займется вашей раскруткой. А иначе придется обивать пороги у раскрученных блогеров, поднимая их рейтинг и цены за рекламу. Кроме того, широкий круг виртуального общения требует больших затрат личного времени и душевных сил, которые придется отрывать от обязательных дел и живого общения с людьми.

Однако Интернет создает и огромные дополнительные возможности и для получения, и для распространения информации. Любому творческому человеку Интернет открывает потенциальную аудиторию читателей, слушателей, зрителей, собеседников..., совершенно немыслимую еще 20 лет назад. Интернет разрушает барьеры избыточных авторских прав, установленные

компаниями-держателями или родственниками, в большинстве случаев, помимо воли самих авторов, тем более, покойных. И попытки уголовного преследования рядовых участников обмена файлами через Интернет обречены на провал, т.к. расходы из государственного кармана на карательные меры могут оказаться сопоставимыми с потерями от нарушения самих авторских прав. **Наивно думать, что скаченный бесплатно материал, будет также востребован за деньги!**

Компьютер - бескомпромиссный и беспристрастный эксперт, воспитатель и учитель, который не прощает никаких ошибок и небрежностей. Обучение "Online" расширяет возможности и повышает качество "народного образования". **Человек за компьютером в любом, самом захолустном уголке Мира перестает быть "провинциалом"**. Уже сейчас для очень многих людей жизнь без компьютера становится дискомфортной и даже невозможной. Говорят, что такая зависимость может стать опасной в будущем. Действительно, нельзя забывать, что **компьютер - это не среда обитания, а инструмент**, существенно расширяющий возможности каждого человека.

Персональный компьютер - это очередной, неизбежный и важный шаг вперед в развитии нашей Цивилизации.

Июнь 2010 г.

ВНУТРЕННЯЯ ЭМИГРАЦИЯ.

*"Возьмемся за руки, друзья,
Чтоб не пропасть поодиночке!"*

История русской послереволюционной эмиграции привлекает постоянное внимание телевидения. Большая заслуга в этом принадлежит Н. С. Михалкову. Он с телевизионного экрана проникновенно говорит о сохранении верности России и православию в среде русской "белой" эмиграции. В беседах с потомками старинных дворянских родов звучит восхищение моральной стойкостью этих людей, которые, несомненно, заслуживают и уважения, и памяти. Если сравнивать эти судьбы с участью

офицерства, духовенства, дворянства, купечества, казачества... в большевистской России, то все невзгоды и унижения послереволюционной русской эмиграции кажутся рождественской сказкой со счастливым концом.

Сословный геноцид в годы красного террора, гражданской войны и сталинских репрессий коснулся миллионов семей, в том числе и дворянских. Трудно было устоять под давлением всеобъемлющей репрессивной системы, построенной по принципу преступной группировки, где каждый должен быть "в теме". Правила этой большевистской "игры" четко сформулировал поэт В. Маяковский: "Тот, кто сегодня поет не с нами, - тот против нас! ". Для идеологического обслуживания советского режима были специально сформированы "творческие союзы". Сразу после смерти был "канонизирован" Ленин. В безудержном восхвалении Сталина самозабвенно состязались поэты, писатели, композиторы, художники, кинематографисты. Полное единомыслие жестко контролировалось единообразием газетных статей и радиопередач, доносивших до "народных масс" основные положения "генеральной линии партии". Против такого пропагандистского напора трудно было устоять! Требовалось публично подтверждать постоянную лояльность режиму: от чего-то отрекаться, кого-то осуждать, куда-то вступать....

Аресты, ссылки, лагеря, постоянный страх от ожидания репрессий... вошли в повседневную жизнь людей. Принадлежности к эксплуататорским классам, судимости по 58-й статье... было достаточно для лишения гражданских прав (одновременно с лишением права голоса имел место и запрет на профессии, на выбор места жительства, на образование детям...). И мои родители, прошедшие через Бутырскую тюрьму и ссылку, тоже оказались "лишенцами". За отказ от соучастия в преступлениях советского режима приходилось переносить нищету и несправие. Но та часть дворянской интеллигенции, которая осталась в России, и пережила годы красного террора и сталинских репрессий, сумела сохранить верность себе и память о прошлом. Исчезнувшие с горизонта в революционной неразберихе близкие люди продолжали жить в памяти и в разговорах о прошлом. "Бывших" и в советские годы объединяло чувство локтя, готовность помочь: взять в семью детей арестованных, принять на ночлег

скрывавшихся, посылать передачи сидевшим. А при аппаратных чистках 37-38-го годов от партийных "врагов народа" и "попутчиков" отказывались и отрекались, и родные, и близкие, и друзья, и сослуживцы!

Дворянская интеллигенция, сформировавшаяся в дореволюционной России, сохранила свою нравственную устойчивость, высокие требования к себе и снисходительность к другим, что проявилось и в эмиграции, и внутри страны. Мне кажется, причина здесь не столько в происхождении, сколько в **преемственности поколений** (формировании моральных ценностей, уважения к прошлому, авторитета старших..., религиозном воспитании, классическом образовании...). Этим людей так и не удалось запугать и оболванить большевистской пропагандой и репрессиями. Многократно ограбленные и оболганные, прошедшие через тюрьмы, лагеря и ссылки, они сохранили и честь, и веру, и любовь к России. Это была настоящая **внутренняя эмиграция**, основанная на **неучастии** (не стучать, не вступать, не одобрять, не подписывать...!).

К сожалению, это поколение моих родителей, попавшее из "Серебряного Века" прямо под "Красное Колесо", ушло навсегда, почти не оставив следа!

Мой отец, Ф. А. Челищев во всех анкетах на вопрос о социальном происхождении вставлял: "из дворян", хотя можно было прикрыться спасительным "из служащих". (Новое поколение всегда так и делало!) Отец участвовал в работе Всероссийского Поместного Собора Русской Православной Церкви от мирян Тульской губернии, за что и был первый раз арестован.

В 1925 году он был снова арестован в Сергиевом Посаде и осужден по групповому делу митрополита Петра (Полянского) вместе с П. В. Истоминым и П. Б. Мансуровым, а потом был отправлен в ссылку. В ссылке оказались и другие "подельники". Митрополит Петр (Полянский), местоблюститель патриаршего престола после смерти патриарха Тихона был снова арестован и расстрелян в 1937 году.

Отец всю жизнь писал стихи "в стол", без малейшей надежды их напечатать. Мне удалось опубликовать эти стихи только в 2000-м году. И также "в стол" писал свои стихи и прозу друг моего отца С. Н. Толстой ("Галки, галки, как при Годунове...").

Сестра моего отца М. А. Бобринская оставила очень интересные воспоминания. Ее муж, профессор-зоолог, Н. А. Бобринский, автор известной научно-популярной книги "Животный мир и природа СССР", был уволен из МГУ за отказ осудить коллег по биофаку, объявленных "вейсманистами-морганистами", и позже преподавал в Педагогическом институте. Будущим диссидентам до смерти Сталина даже и не приходило в голову, что можно не одобрять, не осуждать или не вступать!

Сразу после войны я подолгу жил у Бобринских в Трубниковском переулке. Там же на 40 метрах тогда жили еще братья Трубецкие, вернувшиеся с войны с орденами и ранениями (Андрей, Володя, потерявший ногу на фронте, и Сережа, появлялись здесь и младший брат Гоша, и сестра Ирина). Их родители и старшие дети (брат и две сестры-красавицы) были арестованы в Сергиевом Посаде в одно время с моим отцом. Младших детей разобрали знакомые. Через 30 лет из заключения вернулся один изможденный и совершенно больной Гриша. Ему во время ареста было всего 14. А в 1949 году арестовали Андрея Трубецкого, который освободился только после смерти Сталина. Потом, после освобождения из лагеря тут же в Трибниковском некоторое время жила Тоня Комаровская.

Когда тяжело умирала от рака тетя Женя Глебова (бывшая соседка Челищевых по тульскому имению), родственники и знакомые собирали деньги на сиделку. И мне несколько раз пришлось пережить унижительные эпизоды, когда после звонка тети Маши, я приходил за деньгами к С. В. Михалкову (племяннику тети Жени) в угловой дом на улице Воровского. С. Михалков сторонился своих дворянских родственников, и при каждом моем появлении не стеснялся показать, как ему неприятна назойливость моей тетки....

Тогда в мои домашние обязанности входила еще отправка посылок с продуктами и вещами родственникам и знакомым, находившимся в лагерях. Не только приемщица на почте, но и вся очередь, прочитав лагерный адрес П.Я. №..., смотрели на меня, кто-то с сочувствием, кто-то с неприязнью. Среди адресатов был дядя Миша Челищев, двоюродный брат и крестник моего отца, который так и отсидел, и отжил на поселении, и умер в "целинном" Казахстане. И тетя Катя Стахова (Е. Н. Челищева),

двоюродная сестра отца, тоже прошла через джезказганские лагеря, ссылку, и так никогда и не выбралась из опустылевшей Караганды. Позже я отправлял в Джезказган посылки для Андрея Трубецкого....

Знакомая мне с детства арбатская интеллигенция из "бывших", выселенная и уплотненная при освобождении квартир для "детей Арбата", смогла нравственно сохраниться вопреки всем притеснениям и унижениям, которым она подвергалась и в 20-е, и в 30-е, и в 40-е годы. Конечно, это была малая толика, от рассеянной по всей стране в лагерях, поселениях и дальнем захолустье, старой русской интеллигенции. Эти люди оказались постоянными прихожанами церкви Ильи Обыденного, вблизи от станции метро Дворец Советов. И во все времена церковных гонений и притеснений, и в редкие благополучные годы здесь каждый день можно было встретить людей с заметными дворянскими фамилиями (Голицыных, Трубецких, Шереметьевых...), людей творческих (художников, музыкантов, ученых...) и других "бывших", для которых этот приход стал духовным центром притяжения. Здесь люди встречались, и не обязательно здоровались или говорили, достаточно было видеть знакомые лица, стоящих на церковной службе, чтобы ощутить внутреннюю близость. Сюда же потом приходили их дети и внук. Я видел здесь на пасхальной службе Александра Солженицына с сыновьями. Однако я никогда не встречал у Ильи Обыденного никого из клана Михалковых....

В моем домашнем детстве существовала атмосфера доверия и доброжелательности. В детстве я особенно остро ощущал радость от посещения церкви, церковного пения, причастия. Мне с детства повторяли: "Всегда помни, что ты сын своего отца, что ты Челищев, что ты должен отвечать за себя, а не оправдываться поступками других...".

Я не был пионером. Гайдаровский Мальчиш-Кибальчиш воспринимался мной как личный враг и преследователь. Для меня, несмотря на литературные традиции семьи, получение гуманитарного образования в советском вузе было неприемлемо. Мои сверстники, дети "бывших", и я вместе с ними, стали геологами, лесниками, нефтяниками, химиками..., и тоже не вступали, не

одобряли, не подписывали... в советские годы, и не разоряли, и не грабили Россию при "перестройки" и "демократизации".

К сожалению, и в сегодняшней Российской Федерации честным, добросовестным, ответственным людям, **не принявшим идеологию обогащения любой ценой**, тоже приходится жить, как бы, во внутренней эмиграции. Объединившись, эти люди могут стать реальной духовной силой. Действительно, чтобы победить зло, нужно, хотя бы, перестать в нем участвовать!

Декабрь 2010 г.

"СЕМИРАМИДА" А. С. ХОМЯКОВА.

Таким именем вавилонской правительницы, и сам Алексей Степанович, и в его окружении называли капитальный исторический труд, который создавался в течение всей жизни Хомякова, и так и не был закончен. Эти материалы подготовил к печати многолетний собеседник А. С. Хомякова, выдающийся русский филолог и историк, Алексей Федорович Гельфердинг. Эти исторические материалы потом вошли в Полное собрание сочинений Хомякова 1872-1873 года, тома 5, 6 и 7, 1700 страниц мелкого шрифта, под произвольным редакторским названием "Записки о всемирной истории", последний раз переизданное в 1900 г. :

<http://new.runivers.ru/lib/book3560/18631>

Ценность "Семирамиды" в том, что она сохранила многие исторические, лингвистические и богословские сведения первой половины 19-го века, избавленные от тенденциозных научных и политических наслоений последующего времени, когда уже было отброшено довольно многое из исторического прошлого, не включенного в новый исторический стереотип. На разных полюсах этого нового взгляда на историю России расположились Карамзин и Чаадаев, оба неприемлемые для Хомякова. Конечно, почти за 200 лет появились некоторые новые факты и гипотезы, но и было забыто многое, и выведено из информационного поля зрения традиционной истории еще большее.

Это труд историко-философский (историосовский в терминах Серебряного Века), включающий элемент художественного

видения. Подход А. С. к древней истории мировоззренческий и, вместе с тем, интуитивный. **Хомяков хотел угадать те факты и движущие силы истории, которые не ясны или не известны!** "Семирамида", фактически, заканчивается ранним средневековьем, когда только и начинается история для Карамзина или Соловьева. В рассмотрение включены древние народы, языки и религии, которые только обозначены в более поздних исторических документах. Немецких ученых, с которыми постоянно полемизировал Хомяков, он называл "рудокопами, а не зодчими здания", которые "обращается с человеком как с ископаемым"! Действительно, как правило, историк является специалистом по конкретному периоду или региону, и при этом находится в плену традиционных представлений, вынесенных из школы и университета. Чтобы почувствовать дух времени и увидеть общую историческую панораму, **необходим междисциплинарный** подход. С высоты своих энциклопедических знаний А. С. смотрел на историю человечества в целом, глобально, и был, в значительной степени, свободен от давления общепринятых исторических "аксиом"!

Принято говорить, что настоящее можно понять через прошлое. Но Хомяков утверждал, что **нельзя понять прошлого без понимания настоящего**. Он предлагал обратный традиционному путь - от современности в прошлое, включая и доисторическую древность. Для этого необходимо было увидеть живые фрагменты древней психологии и культуры народов, уцелевшие до наших дней. Вот что писал Хомяков о "верности народной памяти": "Факты быстро забываются, но страсти и инстинкты прошлого упорно хранятся народами". А. С. Хомяков полагал, что в характере каждого народа сквозь сложность и суету современной жизни всегда **"проступает доисторическая простота"**. Действительно, вопросы древней истории, первобытной мифологии и начальных верований аборигенов часто смыкаются с современными проблемами национальной идентичности и конфессиональной принадлежности.

Через письменность более просвещенных народов А. С. Хомяков стремился узнать о бесписьменном прошлом более отсталых племен. Но для Хомякова летописи - это еще не вся мировая история, т.к. в преданиях и легендах выражается народный

дух доисторического (до письменного) периода существования народов. Отделив историю от летописи, А. С. пытался воссоздавать прошлое, там, где не было летописей. Он указывал, что наряду с документальной основой истории, **отдельно от летописей, "существует духовная и религиозная мысль, и поэтический инстинкт, и чувство художника - внутреннее чувство истины и гармонии человеческой"**, и без здравого смысла и интуитивного прозрения невозможно понять самую древнюю, дописьменную историю и правильно интерпретировать разрозненные исторические документы! Такой подход может быть более плодотворным, чем исторические реконструкции, основанные только на ограниченном количестве случайных, часто недостоверных документов, и традиционных представлениях.

А. С. Хомяков всегда искал те психологические, морально-этические, религиозные и бытовые элементы, которые определяют "дух народов". И по мнению Хомякова в основе развития человеческой цивилизации всегда лежала постоянная борьба двух духовных начал, двух поведенческих типов, двух видов религий, двух систем письменности, двух культур, двух первобытных стихий: стихии **необходимости** и стихии **свободы**. Очаги просвещения А. С. Хомяков помещал в Северную Африку и Южный Прикаспий. По его мнению две эти колыбели цивилизации, развивались первоначально независимо, и привели к формированию двух нравственных и культурных стихий, двух антагонистических групп племен, борьба между которыми многие века определяла пути развития Человечества:

"Кушитство" (от Куш - Эфиопия) - преобладание **вещественной необходимости** (Бог как высшее проявление сил природы, жречество, анализ и рационализм, образное письмо, кочевой образ жизни, охота, презрение к побежденным, использование рабского труда, воинственность). Если война, то за населенную территорию, добычу, но не за идею.

"Иранство" (от Иран) - преобладание **духовной свободы** (Бог как свободно творящая личность, апостольство, нерасчлененное восприятие мира, чувство справедливости, гласное письмо, земледелие, готовность жить своим трудом, миролюбие). Если война, то за "отчий дом", за свободу, за идею, но не за добычу и территорию.

А. С. Хомяков считал, что эти два разных пути духовного развития определяли и разный образ жизни племен. Завоевательные, воинственные племена дольше сохраняли первобытную дикость, чем племена земледельческие. Догосударственным элементом организации завоевательных, "кушитских" племен была **военная дружина** (как у германцев: фолк - народ от слова полк). Охота, собирательство, скотоводство определяли высокую подвижность и воинственность завоевательных племен. Военная цель - покорение других народов, армия - регулярное войско. Воинственные племена нападали на заселенные земледельцами территории, чтобы превратить их население в вассалов и рабов, и пользоваться результатами их труда.

Догосударственным элементом организации земледельческих, "иранских" племен была **бытовая община** (как у славян: народ - люд от люди). Оседлость, земледелие создавали условия для семейного быта и просвещения. Рост численности земледельческих племен сопровождался освоением новых, незаселенных земель, выжиганием лесов, распашкой целины. Военная цель земледельческих племен - оборона, армия - ополчение. Отсюда и разный характер, и дух народов: германцы и франки - воинственные, славяне - миролюбивые. Хомяков связывал возрастание враждебности племен и завоевательные походы с общим ростом численности населения обитаемых территорий.

"Подпочвой" завоевательных, колонизаторских народов всегда были народы земледельческие. Завоевательные племена при покорении земледельческих народов сами получали возможность просвещения.

Н. Бердяев назвал главную мысль о двух первобытных человеческих стихиях, творческой свободе и вещественной необходимости, **"самой замечательной, наиболее приближающейся к гениальности идей Хомякова"**.

Конечно, ни Хомяков, ни Бердяев не могли предполагать, что коммунисты объединят эти противоположные понятия в один афоризм: "Свобода - это осознанная необходимость". Хотя, может быть, так и следует понимать "свободу" в соответствии с идеологией современного "кушитета" (либерализма!). В наше время духовная свобода постоянно подавляется пропагандой, рекламой, требованиями толерантности, корпоративной этики,

прямой или косвенной цензурой, экономической и правовой зависимостью людей от работодателей и правительств..., и несопоставима с подлинной патриархальной свободой "иранских" общин свободных земледельцев, вольно живших своим трудом на общей земле.

По мнению А. С. Хомякова в междуречье Тигра и Евфрата, и в Палестине (Ассирия, Вавилон, Ханаан...), происходило смешение "кушитства" и "иранства". Под напором воинственных "кушитских" племен часть "иранского" населения была вытеснена на Северо-запад, в Восточноевропейскую равнину и на Юго-восток, в Индостан, **дав начало индоевропейской группе народов и языков**. Алексей Степанович писал об утрате первобытной чистоты и смешанном характере большинства народов (синкретизм). Однако он особо выделял славян, в наибольшей степени сохранивших черты "иранства". По Хомякову "кушитство", основанное на необходимости, порождало принудительную общность людей - централизованное государство (Вавилон, Египет, Китай, Индия, Япония...), в то время как "иранство", основанное на свободе, тяготело к самостоятельной жизни племен и препятствовало централизации власти. В этом А. С. видел и преимущество, и уязвимость "иранства".

Верования развивались вместе с просвещением. Основа веры "иранской" - божество в виде свободно творящей личности (Бого-Человек), преобладание духовного начала над материальным, молитва как обращение к Богу, обряд как таинство. А в "кушитстве" - подчинение божеству - высшей силе природы, преобладание вещественного над духовным, молитва как заклинание, обряд как магия. В "кушитских" религиях (буддизм, шиваизм...) главным символом была Змея (знак земли и воды...), но "иранская" мифология враждебна Змее (Геркул победил Гидру, Аполлон - Пифона, Вишну - Дракона...). А. С. Хомяков считал, что "такое разделение обнимает собою все древние религии и все их позднейшие смеси". А. С. Хомяков рассматривал **раннее христианство, как основную религию "иранских" народов**, а историю его первых веков, как героическую попытку противостояния "кушитству". Но побеждало "кушитство", приспособившее свободную, апостольскую Церковь к "нуждам вещественным и светской власти".

По мнению Алексея Степановича Протестантство стало "кушитским" вариантом христианства! Древняя китайская философия, хотя и не являлась религией в полном смысле этого слова, но прямо соответствовала идеологии "кушитства". Для А. С. Хомякова Иудаизм и Ислам - это религии, возникшие от смешения жреческого "кушитства" и апостольского "иранства". Про Ислам Хомяков писал: "Все великое в Коране принадлежит началу христианскому".

Племенные различия морали и характеров завоевательных, "кушитских" и земледельческих, "иранских" народов, по мнению А. С. Хомякова, играли определяющую роль на протяжении всей многовековой истории Человечества, но, особенно, на раннем этапе развития человеческой цивилизации. При этом Хомяков указывал на **"неизбежное преобладание "кушитского" начала"**, хотя и завоеватели-"кушиты" перенимали многое от покоренных "иранских" племен (верования, письменность, земледелие, ремесла...).

Хомяковым была подмечена пропасть между правящей аристократией и подданными в Западной Европе, сохранявшаяся до недавнего времени и указывающая на отношение завоевателей к побежденным. Все народы завоевательные (франки, германцы...) отделяли себя от покоренных земледельческих народов. При этом вся полнота власти оставалась в руках **"пришлой аристократии"**. То же происходило и при заморской колонизации. И все же, Хомяков писал, думая о славянах: "Дух народный никогда не погибает без следа"!

А. С. Хомяков указывал, что народы земледельческие чужды колонизаторства и аристократизма. В России, например, и крестьяне, и помещики - **соплеменники**, выросшие на общей земле, где крепостное право на части заселенной территории появилось только в 18 веке. Нужно отметить, что постоянно используемое сравнение крепостного права с завоевательным и колониальным рабством - большое преувеличение. При крепостной зависимости крестьянин сохранял и собственный двор, и приусадебный участок, и свою земельную долю в сельской общине, работая только часть недели на барина. Другое дело - безземельные холопы (бывшие военнопленные, беженцы...). Хомяков считал, что "Россия живет не свойственной ей жизнью",

когда бездумно переносит опыт перенаселенной, урбанизированной Западной Европы на российскую жизнь. Действительно, без активного, крестьянского большинства населения огромная, слабозаселенная территория России теряет **главный исторический смысл - земледельческий!**

А. С. Хомяков верил в **славянскую основу европейской цивилизации**. Он считал, что варвары-завоеватели (Кельты, Германцы...) встретили в Европе "вандо-славянских первожителей". Мысль о "Славянской подпочве Европы" настойчиво повторяется Хомяковым в "Семирамиде". Он видел славянский след в истории этрусков, указывал, что "победа гуннов мгновенно открыла множество славянских народов", уцелевших на территории Европы. По Хомякову "Гуннского царства никогда не было; был только союз восточных Славян под предводительством своих восточных казаков и их великого предводителя" (Аттилы), а главной целью похода было освобождение западных Славян от "тевтонского" ига. А. С. Хомяков находил явные славянские черты внешности и одежды на старинных, западноевропейских картинах, рисунках и гравюрах. Им приведены многочисленные примеры славянской основы многих географических названий (городов, рек, долин, местностей, островов...) по всей Европе, в том числе и в местах, где, с позиций традиционной истории, славяне никогда не жили. Однако в традиционной западноевропейской истории мы не находим места для древних предков теперешних Западных Славян, хотя Восточные Славяне Русской равнины **образовали единый народ гораздо раньше, чем западноевропейские племена.**

Действительно, ведь окончательное объединение враждующих княжеств и городов в самостоятельные государства произошло в Западной Европе только в Новое Время!

Для А. С. Хомякова история народов неразрывно связана с развитием языков и письменности. Он видел проявление двух идеологий и культур в двух системах письменности: **образной - для "кушитства", и гласной - для "иранства"**. Образная (иероглифическая) система - выражала предмет или мысль без всякого отношения к звуку. Такое письмо существовало вне разговорного языка и тормозило свободное развитие мысли. Смешанная система (и образы, и начальные звуки слов) уже была

привязана к разговорному языку. "Слово - орудие мысли", и только гласная письменность создавала свободу восприятия предметов, понятий и идей, не ограниченную набором иероглифов. Полногласная система возникала у этнически и лингвистически однородных племен (единый язык и письмо). А. С. считал, что первая азбука уже содержала и гласные, и согласные буквы, и **неполногласность не может служить признаком древности**. Неполногласная система была связана с разными наречиями одного языка при неизменных согласных и изменяющихся гласных (например, отсутствие гласных в многочисленных наречиях Семитов и Арамейцев). Письмо без огласовки могло быть и более поздним наложением на полногласную систему при появлении нескольких наречий раннего языка. Для носителя каждого наречия мысленная или устная огласовка не представляла труда, но при последующем восстановлении смысла неполногласных текстов неизбежно возникала значительная неопределенность и произвольность огласовки, особенно в именах собственных. При смешении племен гласное письмо обычно вытесняло образное. **Только чисто "кушитские" народы (Китай, Япония) сохранили до сих пор иероглифическую систему письменности.**

Сравнительная филология была использована А. С. Хомяков для воссоздания доисторического языкового состава народов. Он предлагал следующую возрастную последовательность гласных языков: Санскрит, Славянский, Эллинский, Кельтский, Германский...., и указывал на ближайшее родство Славянского языка с Санскритом.

Из приводимого Хомяковым славяно-санскритского словаря видна близость не только в корнях, но и в целых словах. Хомяков считал славянский язык старейшим из всех европейских языков. А. С. Хомяков не приписывал славянам изобретения буквенного письма, а только указывал на **"древность и чистоту (отсутствие наложений), самостоятельность славянского языка от других"**. Самобытность славянского языка подтверждают такие базовые для каждого письменного языка слова как **книга, читать, писать....**, не имеющие фонетических аналогов в других языках. Отсутствие ранних документов на разных славянских наречиях Хомяков связывал с тем, что наречия возникли позже на основе древнего, общего языка. А. С. указывал, что

"наречия славянские - чем древней, тем ближе друг к другу и к формам, преобладающим в языке великорусском, менее других принявшем чужие примеси, в то время как Германский язык - чем древней, тем больше наречий". Для всех европейских языков, кроме славянского, характерно сближение и слияние различных наречий со временем, вплоть до недавнего возникновения современных языков.

Для Хомякова был важен не только сам язык, но и численность людей, использующих определенные наречия, и в этом смысле славянские языки численно преобладают среди европейских народов. Из современных славянских языков, использующих кириллицу, русский язык ближе всех к старославянскому. Не случайно Франциск Скорина, восточнославянский первопечатник начала XVI века, назвал "Библией русского языка" печатные переводы библейских книг на старославянский язык, изданные в Праге и Падуе. **Латинизацию, наложенную на славянскую письменность, Хомяков рассматривал как прямое указание на более ранние славянские корни.** Он подчеркивал, что изменение азбуки (переход к латинизму) "насилует славянские языки, заставляет писать вопреки здравому смыслу". Действительно, при католической экспансии переход на латиницу создал необходимость соединять 2, 3 и, даже 4 согласных буквы для обозначения одного простого звука (ш - sh, ч - tch, щ - shch...) или вводить в латинский алфавит дополнительных букв. А. С. Хомяков полагал, что полногласный Славянский язык, без всяких пришепетываний, прононсов, обрывов, пропусков..., свойственных поздним европейским языкам, "не может полноценно существовать вне кириллицы"!

Историческое время А. С. Хомяков воспринимал по-своему. Для него был важен даже не абсолютный возраст, а правильная последовательность событий. Пространственно-временной разрыв, когда разные племена просвещались с разной скоростью, и в каждый момент времени оказывались на разных ступенях развития, мог быть в сотни и, даже тысячи лет. **То, что раньше рассматривалось как последовательные события, могло происходить одновременно на разных территориях.** Современные изолированные, "непросвещенные племена, где уже есть примитивный язык, но нет письменности, и где отсутствуют

предания и нет истории", Хомяков рассматривал как реликты доисторического прошлого народов Мира.

А. С. Хомяков не ставил под сомнение традиционную хронологию и считал Моисея первым летописцем Израиля. Неестественно большой возраст ветхозаветных прародителей он рассматривал не как годы жизни отдельного человека, а как время существования всего рода. Однако **А. С. неоднократно подчеркивал условность библейской хронологии**, и с грустью отмечал, что "века библейского младенчества рода человеческого не оставили никаких следов в Библии от потопа до Авраама и Моисея". Вот что он писал об Аврааме: "... во всем жизнеописании Авраамовом нет ни слова об этих предках (от Ноя до Фарра) и земля уже разделена точь-в-точь как в наше время; народы воюют, люди друг друга не понимают, и цари царствуют еще при жизни Сима, сына его, внука и правнука, и едва ли ни при жизни самого Ноя!", и дальше: ... "Кельт, Иверец, Германец, Славянин, Монгол и Финн уже отделились почти так же резко друг от друга при Аврааме, как и в 18 веке после Р.Х."....

Явные противоречия между ветхозаветной древностью и средневековым характером общественно-политических отношений, которые предстают перед читателями современной редакции Ветхого Завета, не ускользнули от внимания А. С. Хомякова. Действительно, в Ветхом Завете существуют многочисленные прямые указания на высокую заселенность, многочисленность городов, и средневековый характер экономических, правовых и морально-этических отношений на ветхозаветных территориях.

В Евангелии описываются "первосвященники и книжники". Это значит, что уже существовал сложившийся иерархический культ и "библиотека" священных книг. Считается, что это был ветхозаветный иудаизм. Но евангельские первосвященники и апостолы носили греческие имена. **Если бы служители культа уже были знакомы с Ветхим Заветом, то уж, наверное, многие из них носили бы ветхозаветные имена, как это поголовно было у средневековых, европейских иудеев.**

Скудность и недостоверность древних исторических документов постоянно отмечалась Хомяковым. Он писал: "Человечеству не суждено разгадать все прошедшее и проследить всю

жизнь свою обратно до колыбели: многое останется неизвестным навсегда". Малая информативность письменных исторических документов может быть связана с тенденцией абстрагирования от реальной исторической обстановки. Вот что писал по этому поводу академик Лихачев: "Из высоких литературных произведений по возможности изгоняется бытовая, политическая, военная, экономическая тематика, название должностей, конкретные явления природы, некоторые исторические припоминания и т.д.". **Но такое обеднение древних текстов конкретными приметами времени может и прямо указывать на более позднее изготовление этих документов.** При анализе таких малоинформативных, "древних" текстов только и возможно применение математико-статистических методов А. Т. Фоменко для обнаружения дубликатов и датирования хронологических сдвигов.

А. С. Хомяков многократно обращал внимание на тенденциозное редактирование, подлоги и фальсификации, подрывающие достоверность и информативность письменных документов. Вот что он писал о возможных причинах подлогов: **"Тут был соблазн богатства (права на землю и недвижимость), и большой соблазн мирской власти (право на престолонаследование), и величайший из всех соблазнов власти духовной (папство, протестанство, магометанство)".**

А. С. Хомяков указывал на **неприятие и замалчивание документальных, археологических и лингвистических фактов с целью вымарывания очевидных славянских корней из официальной истории многих европейских государств.** Второстепенная роль славянских народов, православия, кириллицы..., отпущенная западноевропейскими составителями умозрительной исторической концепции, была, принята за основу при изложении всех последующих вариантов ранней истории России, вошедших в многочисленные монографии, учебники и популярные издания.

В советское время мировая история была переписана по идеологическим мотивам и многие исторические документы и публикации оказались выведенными из зоны доступности. И исторические труды **А. С. Хомякова, А. Ф. Гельфердинга, Н. А. Морозова, А. А. Зимина, И. Е. Забелина...** долгие годы

замалчивались, и сейчас не найдешь ссылок на этих авторов в трудах традиционных историков.

Советская историческая школа, воспитанная на преувеличенной роли "классовой борьбы", "политэкономии" и ограниченном числе документов, публикаций, различных идей..., не готова пойти на равноправную дискуссию со сторонниками новой хронологии и другими "инакомыслящими" историками, т.к. неизбежно начнет рушиться устоявшаяся система исторических мифов ("молодость славянской цивилизации", "Норманнская теория", "древняя Повесть временных лет", "древнее Слово о полку Игореве", "древняя берестовая письменность Великого Новгорода"...).

Очевидно, что фальсификация истории - процесс непрерывный. Вот что писал Зигфрид Фрейд в своей книге "Леонардо да Винчи" по этому поводу: "Эта история древности по необходимости была скорее выражением мнений и желаний настоящего, чем изображением прошлого, потому что многое исчезло из памяти народа, другое было искажено, иные следы прошлого истолкованы превратно в духе времени, и, кроме всего этого, писали ведь историю не по мотивам объективной любознательности, но потому, что хотели влиять на своих современников, их поднять и воодушевить, или показать им их отражение". Справедливость этих слов очевидна и сегодня.

Вся история 20-го века переписывается по политическим и националистическим мотивам еще при жизни прямых свидетелей событий! Это ли не модель того, как "версталась" история в прошлом?

Февраль 2011 г.

ВЫСОЦКИЙ, ВСЕГДА ЖИВОЙ!

В советское время авторская песня (Окуджава, Галич, Визбор, Высоцкий...) была альтернативой казенной советской эстраде, и сыграла существенную роль в жизни моего поколения. Владимира Высоцкого одинаково понимали и принимали все

слои советского общества от студенчества до профессуры, от рабочего класса до номенклатуры, от диссидентов до чекистов. И сейчас, новое поколение, далекое от советского прошлого, приходит к Высоцкому через своих родителей. Однако, судя по телевизионной аудитории на концертах памяти Высоцкого, старшее поколение среди его поклонников явно преобладает.

Фильм "Высоцкий, спасибо, что живой" оказался в стороне от традиционной канонизации и личности, и творчества, наверное, самого популярного советского "барда". Может быть, новый фильм, как раз, и преследует цель привлечь внимание молодежи, в том числе, и через связь имени Высоцкого с наркотической субкультурой.

Я не буду касаться здесь супер-грима и перевоплощения Безрукова(?). Об этом все только и говорят. Анонимность исполнителя главной роли - это очевидный пиар-ход "правопреемника", который 20 лет алчно обороняет свои права на отцовское наследство и ограничивает тем самым доступ к Высоцкому новых поколений молодежи. Все это полностью противоречит открытой, щедрой натуре Владимира Высоцкого, который пел, как жил. Он сам готов был петь и на московской кухне, и в тесном зале НИИ, и на стадионе....

Интерес к Владимиру Высоцкому не ослабевает до наших дней. В новом фильме остро поставлена большая тема о силе, слабости и совершенной незащищенности талантливой, творческой личности. Однако околоконцертные махинации несколько затемяют в фильме личность самого Высоцкого. Жизнь Владимира Высоцкого - это и важный урок, и острый сигнал тревоги, и прямой ответ тем звездам шоу-бизнеса, которые по прямому заказу наркомафии распространяют легенды о наркотическом стимулировании творчества и легкой возможности "завязать"! И снова возникает вопрос о причинах, действительно, массовой востребованности песен Высоцкого и сегодня.

На мой взгляд, главная причина неотразимости Высоцкого состоит в том, что для него каждая песня - это театральная роль. Большое количество, разнообразие и точность персонажей этого разнопланового репертуара Высоцкого-певца не под силу никакому театру. Действительно, он не только пел, но и играл, как актер, свои песни.

Кроме того, тексты всех песен Владимира Высоцкого составлены из многочисленных разговорных словесных штампов, знакомых и близких каждому слушателю. В этом смысле тексты его песен полностью отвечают всем требованиям "шлягера". Во всякой песне поэт является не только автором текста, но отчасти также и композитором, т.к. в стихах уже заложена своя скрытая мелодия. Наверное, поэтому и запели такие поэты, как Окуджава, Высоцкий и другие "барды".

Профессиональные поэты и литературные критики всегда отказывали, и до сих пор отказывают Владимиру Высоцкому в праве называться поэтом, что его крайне огорчало. Поэзия Высоцкого - это литература без "литературщины", неожиданно близкая к современному, лаконичному интернет-стилю. Вся эта театральность, точность и простота, в сочетании с запоминающейся музыкой и неповторимым голосом Высоцкого, создает совершенно своеобразный синергетический эффект, который никто другой не в состоянии воспроизвести. Наверное, именно, поэтому песни Высоцкого в исполнении других артистов выглядят и звучат, и тускло, и "не так, как надо".

Декабрь 2011 г.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ.

Что значит 80 лет...?

Что больше будущего нет...?

Что суждено, уже все случилось,

И только прошлое осталось?

В этой родословной я привожу сведения о моих предках, которые надежно идентифицированы в дореволюционных российских печатных родословных документах для дворянских родов **Челищевых, Хомяковых, Грессеров и Чичериных** (Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник дворянских фамилий. СПб, 1887, Сборник материалов для истории рода Челищевых, составленный Н. А. Челищевым. СПб, 1893, и др.). Дореволюционные даты приведены по старому стилю.

Это - те близкие, "базовые" предки, о которых я многократно слышал от своих родителей и родственников. Здесь представлены данные о **прямых** потомках Михаила Николаевича Челищева, Алексея Степановича Хомякова, Петра Аполлоновича Грессера и Павла Петровича Чичерина, а также их женах, мужьях, детях, внуках.... Надежно прослежено до четырех, пяти поколений. Более поздние данные являются неполными и требуют дальнейшего выяснения.

К сожалению, многие близкие родственники не попали в эту родословную. Если бы я углубился в прошлое и включил в детальное рассмотрение родителей, братьев и сестер моих "базовых" предков, объем информации возрос бы многократно, вероятно, на целую книгу. Но у меня не было такой задачи. Поэтому я ограничился тем, что в тексте привел краткие сведения о родоначальниках фамилий и заметные события из жизни некоторых моих предков.

В отдельном **приложении** для более ранних предков моей матери рассмотрен шотландский след рода бояр Матвеевых и непродолжительная (всего три поколения) мужская линия рода графов Румянцевых, внебрачных потомков императора Петра I. За судьбами отдельных людей просвечивает общая история целой огромной страны!

Челищев Михаил Николаевич (дед моего отца по мужской линии) и его потомство.

Михаил Николаевич (13 августа 1815 - 27 июля 1883), тайный советник, гофмейстер.

Отец: Николай Александрович (1783 - 1859), действительный тайный советник, сенатор.

Мать: княжна Мария Михайловна Хованская (1790 - 1846).

Жена: Екатерина Алексеевна (р. 10 августа 1820), урожденная Хомякова.

Дети:

Николай Михайлович (р. 14 февраля 1846), жена: Мария Львовна Янковская.

Дети:

Михаил Николаевич (1904 - 1970).

Екатерина Николаевна (р. 29 мая 1899), за Михаилом Ивановичем Стаховым, вдовцом Анны Алексеевны Челищевой.

Алексей Михайлович (18 сентября 1847 - 1889), жена:

Ольга Алексеевна Хомякова (25 февраля 1848 - 1929), дети:

Федор Алексеевич (8 февраля 1879 - 20 января 1942), жена:
Ольга Александровна Грессер (23 февраля 1897 - 23 февраля 1980),
сын:

Николай Федорович (р. 9 июня 1933), жена:

Раиса Васильевна Аверкина (р. 2 апреля 1940), дочь:

Ольга Николаевна (р. 17 сентября 1962), за Р. К. Лесёрф, дочь:

Шарлотта Анастасия (р. 20 июня 1995).

Иван Алексеевич (р. 2 сентября 1881), умер молодым.

Елена Алексеевна (р. 21 мая 1882), умерла ребенком.

Екатерина Алексеевна (р. 11 июня 1884).

Мария Алексеевна (26 июня 1886 - 16 марта 1973),

за графом Николаем Алексеевичем Бобринским (1890 - 1964), дети:

Алексей Николаевич (р. 19 апреля 1920 - 11 мая 1932),

погиб молодым.

Гавриил Николаевич (р. 22 января 1922), умер ребенком.

Анна Николаевна (р. 30 марта 1925), умерла ребенком.

Николай Николаевич (р. 17 марта 1927 - 2000), женат:

первым браком на Софье Владимировне Комаровской (1924 - 1994),

вторым браком на Вере Сергеевне Сидоровой. От первого брака сын:

Алексей Николаевич, сын:

Николай Алексеевич.

Анна Алексеевна, за Михаилом Ивановичем Стаховым,

умерла 9 декабря 1923 г.

Сергей Михайлович (р. 21 января 1850), жена: Ольга Степановна Хомякова.

Михаил Михайлович (р. 12 мая 1858), не был женат.

Мария Михайловна (р. 17 июля 1843 - 1921),

за князем Николаем Александровичем Львовым (1834 - 1887).

Варвара Михайловна (р. 31 августа 1844),

за Василием Павловичем Поповым.

Анна Михайловна (р. 12 мая 1852),

за Степаном Степановичем Стрекаловым.

Челищевы - древний дворянский род, происходящий от Оттона IV, курфюрста Люнебургского, короля Германии, императора Римской Империи из рода Гвельфов, царствовал с 1198 по 1218 г. Наш предок, Вильгельм Люнебургский прибыл из Германии в Новгород ко двору великого князя Александра Ярославовича (Невского) в 1237 году. Он стал боярином, принял православие под именем Леонтия, и получил в кормление город Торопец, а в вотчину - село Курыж. В средневековой Европе существовало единонаследование, когда вся собственность и привилегии доставались старшему сыну. Поэтому была традиция для младших, бедных аристократов поступать на службу к правителям других стран.

Сын Вильгельма Люнебургского, Карл (Андрей Леонтьевич), по прозвищу Чели'щ, дал начало фамилии: Чели`щевы. Он имел пятерых сыновей, участвовавших вместе с ним в Ледовом побоище (двое были убиты). Внук Карла, Андрей Федорович, крестник великого князя Ивана Даниловича Калиты, был женат на княжне Марии Углицкой (из Рюриковичей). Его сын, Михаил Андреевич Челищев (Бренко), ближний боярин и любимец великого князя Дмитрия Иоанновича, был убит в бою на Куликовом поле в 1380 году. Из Лицевого Свода и других летописей известно, что Михаил Андреевич был облачен в доспехи Дмитрия Донского, а князь рубился в одежде простого латника.

В дальнейшем среди дворян Челищевых, потомков Вильгельма Люнебургского было много заметных и уважаемых людей. Они служили посланниками, воеводами, стольниками..., участвовали в Казанском, Полоцком, Азовском, Крымских и Польских походах, в войнах со Швецией и Турцией, в Отечественной войне 1812 года..., а позже прошли через Первую мировую войну, Гражданскую войну, эмиграцию, ленинский красный террор и сталинские лагеря.

Мой дед Алексей Михайлович Челищев был правнуком Александра Ивановича Челищева, генерал-лейтенанта, главного начальника Артиллерийского Департамента Военной коллегии, создателя усовершенствованного прицела артиллерийских орудий, и внуком Николая Александровича Челищева, сенатора, члена Государственного совета, действительного тайного советника. Алексей Михайлович вырос в большой, дружной семье (4 брата и 3 сестры). Его сестра Мария Михайловна была замужем за Николаем Александровичем Львовым. Через Львовых мой отец и его сестры находились в двоюродном родстве с Бобринскими. Мой дед Алексей Михайлович Челищев был богатым помещиком и хорошим хозяином. Он имел доходные имения в Тульской и Тамбовской губерниях. Его отец Михаил Николаевич, тайный советник, гофмейстер был женат на Екатерине Алексеевне Челищевой (урожденной Хомяковой), которая надолго пережила своего мужа, была очень богата и отличалась многочисленными причудами. Так она однажды подарила сестре моего отца Кате кобылу с жеребенком и велела кучеру ввести их по парадной лестнице в залу на втором этаже господского

дома. Младшие сестры получили в подарок овцу с ягненком и наседку с цыплятами.

Моя бабушка Ольга Алексеевна Челищева была младшей дочерью Алексея Степановича Хомякова, славянофила и поэта, и Екатерины Михайловны Языковой, сестры поэта Н. М. Языкова. Бабушка рано потеряла родителей. Опекуном младших детей был старший брат Дмитрий Алексеевич, писатель и церковный деятель. Он принимал активное участие в воспитании и устройстве своих многочисленных сестер и младшего брата Николая, который стал впоследствии председателем 3-й Государственной Думы (Столыпинской).

Детские годы моего отца прошли в поместье Федяшево, под Тулой, купленном для моей бабушки ее братом Дмитрием Алексеевичем как приданое, вдобавок к доходным имениям в Тульской и Симбирской губернии, доставшимся ей по наследству. Поместье Федяшево (в семье произносилось - Федешо'во) было куплено у дочери А. С. Пушкина Марии Александровны после трагической смерти ее мужа барона Гартунга. Барон застрелился прямо в здании суда, обвиненный в подлоге, к которому он был совершенно непричастен. В господском доме от старых хозяев осталась большая библиотека и несколько картин и семейных портретов, в том числе и портрет Л. Н. Гартунга, написанный так, что барон все время смотрел на зрителя.

После женитьбы мой дед Алексей Михайлович Челищев отказался от светского образа жизни в Москве, и семья Челищевых поселилась в Федяшеве. Это была большая дружная семья: два брата и четыре сестры. Дом постоянно посещали родственники, знакомые, соседи. Когда братья пошли учиться в Поливановскую гимназии, на зиму стали переезжать в собственный дом в Москве. После скорострительной смерти моего деда все заботы о семье и о делах легли на бабушку Ольгу Алексеевну.

Мой отец, Федор Алексеевич Челищев прослушал курс историко-филологического факультета в Московском университете, но отказался от диплома в знак протеста против сурового пресечения студенческих волнений. Он постоянно работал в земстве, участвуя в создании сельских школ. Отец много путешествовал по Европе, знал языки, играл на виолончели, всю жизнь писал стихи. В 1912 году он уезжал на Балканы добровольцем под

марш "Прощание славянки" и был санитаром в сербской армии. В годы Первой Мировой войны отец находился на фронте в качестве санитара, а при Временном правительстве был мобилизован в артиллерию.

После ленинского Декрета о Земле от 8 ноября 1917 г. поместье Федяшево было сразу разграблено местными крестьянами, как и многие другие дворянские усадьбы по всей России. Позже конфискация помещичьих имений и усадеб, и выселение бывших владельцев было закреплено соответствующим Постановлением Президиума ВЦИК "О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах" от 20 марта 1920 года. В этом экспропрированном поместье Челищевых размещался сначала детский дом, потом - правление совхоза, принадлежавшего тульскому оборонному предприятию "Октава". Двухэтажное кирпичное здание с башней сохранилось до сих пор. Сохранились и контуры старого парка с липовыми аллеями и прудами на двух уровнях.

В советское время мой отец дважды арестовывался. Первый раз - по спискам Всероссийского Церковного Собора. Отец был послан на Собор от мирян Тульской губернии. В то время он был хранителем музея своего деда А. С. Хомякова в поместье Богучарово. При изъятии церковных ценностей в храме Сретения Господня отец предложил внести фамильное серебро вместо богослужебной утвари, но чекисты увезли в Тулу и церковные ценности, и фамильное серебро. После ареста отца музей и церковь были закрыты.

Это было страшное время полного произвола и беззакония, когда легко расстреливали, но еще надолго не сажали. После освобождения из Бутырок в 1925 году мой отец был выслан из Москвы ("минус шесть") и жил в Сергиевом Посаде со своей матерью. Здесь в то время возникло скопление "бывших", и чекисты держали всех более или менее заметных людей под пристальным вниманием.

Отсюда мой отец снова был арестован, полгода провел в Бутырской тюрьме, а в 1926 году был осужден по групповому делу митрополита Петра (Полянского) вместе с П. В. Истоминым и П. Б. Мансуровым. Из обвинительного заключения следует, что

вся группа "...ставила своей задачей сплочение реакционно-монархических элементов вокруг церкви и направление ее, т.е. церкви, против советской власти..." (Статья 58-6,62,68 УК РСФСР). По решению ОС при Коллегии ОГПУ мой отец был сослан на 3 года в Усть-Куломский уезд Коми АО, но находился на поселении около 5 лет. Митрополит Петр (Полянский), местоблюститель патриаршего престола после смерти патриарха Тихона, тоже был отправлен в ссылку, а в 1937 году снова арестован и расстрелян.

Мои родители были знакомы еще по Сергиеву Посаду и поженились во Владимире, где они оказались, т.к. имели "минус" после ссылки. Владимир был одним из ближайших к Москве городом, где разрешалось жить "лишенцам".

После Владимира в нашей жизни были Муром (место моего рождения), село Норское на берегу Волги под Ярославлем, еще позже - Мытищи под Москвой.... Это была настоящая внутренняя эмиграция. За отказ от соучастия в преступлениях режима приходилось расплачиваться ценой нищеты и несправедливости. Но на этом продержалась и, в какой-то степени, нравственно сохранилась та часть дворянской интеллигенции, которая осталась в России и пережила годы красного террора, гражданской войны и сталинских репрессий.

Во время Войны наша семья снова оказалась во Владимире, в эвакуации. Мы жили сначала в Доброе селе, а потом на самой окраине города. Федор Алексеевич Челищев умер 20 января 1942 года от сердечного и похоронен на Князь-Владимирском кладбище под стенами известной Владимирской тюрьмы.

Хомяков Алексей Степанович (дед моего отца по женской линии) и его потомство.

Алексей Степанович (1 мая 1804 - 23 сентября 1860) славянофил и поэт.

Отец: Степан Александрович Хомяков.

Мать: Мария Алексеевна Киреевская.

Жена: Екатерина Михайловна Языкова (1817 - 1852),

Отец: Михаил Петрович Языков.

Мать: Екатерина Александровна Ермолова.

Дети:

Дмитрий Алексеевич (27 сентября 1841 - 17 марта 1919).

Николай Алексеевич (19 января 1850 - 1925), жена:

Наталья Александровна Драшусова (1851- ?), сын:
Алексей Николаевич (6 апреля 1893 - 1919).
Мария Алексеевна (17 июня 1840 - 19 марта 1919).
Екатерина Алексеевна (24 мая 1843 - ?).
Анна Алексеевна (29 октября 1844 -1928),
за графом Михаилом Павловичем фон Граббе, (1834 - 1877), дети:
Павел Михайлович (1875 - 1943),
жена: Анастасия Георгиевна Демидова (1880 - 1920), дети:
Михаил Павлович, (1901 - 1920).
Юрий Павлович, о. Георгий, (1902 - 1995), (США),
жена: Варвара Максимовна Яржембская (1903 - 1977), дети:
Алексей Юрьевич (р. 1926).
Дмитрий Юрьевич (р. 1927),
жена: Ксения Константиновна Лихтенбергская, (р. 1930).
Анастасия Юрьевна (1925 - 2005),
за Владимиром Дмитриевичем Шатиловым (1923 - 1986).
Нина Павловна, м. Магдалина, (1903 - 1987), (Франция).
Дмитрий Михайлович (1874 - 1927), женат:
Первым браком: на княжне Наталье Николаевне Львовой (1876 - 1898).
Дочь:
Мария Дмитриевна (1897 - 1952),
за князем Глебом Григорьевичем Гагариным (1887 - 1974), дети:
Олег Глебович (р. 1922).
Наталья Глебовна (р. 1923).
Вторым браком: на Марине Александровне Голенищевой-Кутузовой
(1880 - 1951).
Дети:
Ольга Дмитриевна (1902 - 1983),
за Михаилом Николаевичем фон Энденом, (1901 - 1975), дети:
Марна Михайловна (р. 1928).
Михаил Михайлович (р. 1930).
Екатерина Михайловна (р. 1935).
Софья Дмитриевна (1903 - ?),
за Константином Николаевичем Енгальчевым (1898 - 1941).
Елена Дмитриевна (1905 - 1920).
Анна Дмитриевна (1909 - ?), за Борисом Юрьевичем Нечаевым
(1902 - ?).
Вера Дмитриевна (1913 - 1920).
Мария Михайловна.
Софья Алексеевна (6 октября 1846 - 1902).
Ольга Алексеевна (25 февраля 1848 - 1932),
за **Алексеем Михайловичем Челищевым** (1847 - 1889), дети:
Федор Алексеевич (8 февраля 1879 - 20 января 1942), жена:
Ольга Александровна Грессер (23 февраля 1897 - 23 февраля 1981),
сын:
Николай Федорович, (р. 9 июня 1933).
Иван Алексеевич (2 сентября 1881), умер молодым.

Елена Алексеевна (р. 21 мая 1882), умерла ребенком.
Екатерина Алексеевна , (р. 11 июня 1884).
Мария Алексеевна (26 июня 1886 - 1973), за графом
Николаем Алексеевичем Бобринским (1890 - 1964), дети:
Алексей Николаевич (р. 19 апреля 1920 - 11 мая 1932),
погиб молодым.
Гавриил Николаевич (р. 22 января 1922), умер ребенком.
Анна Николаевна (р. 30 марта 1925), умерла ребенком.
Николай Николаевич (р. 17 марта 1927 - 2000), женат:
первым браком на Софье Владимировне Комаровской (1924 - 1994),
вторым браком на Вере Сергеевне Сидоровой.
От первого брака сын:
Алексей Николаевич.
Анна Алексеевна, за Михаилом Ивановичем Стаховым,
умерла 9 декабря 1923 г.

Хомяковы - дворянский род, известный с начала XVI века. Предки Алексея Степановича не раз достигали высших дворянских чинов. При Алексее Михайловиче (Тишайшем) один из Хомяковых ведал всей царской охотой. В Тульской губернии существовало несколько ветвей дворянского рода Хомяковых. Демид Алексеевич Хомяков, стольник и тульский воевода, поставил заслон против татарских набегов и способствовал развитию хлебопашества на Тульских черноземах. Бездетный потомок Демида Алексеевича, помещик Кирилл Иванович Хомяков, живший в имении Богучарово, в старости предложил своим крепостным крестьянам самим выбрать себе помещика из рода Хомяковых. Крестьяне выбрали небогатого племянника своего престарелого барина - Федора Степановича Хомякова, прадеда Алексея Степановича. И, может быть, поэтому А. С. Хомяков всегда высоко ценил власть, установленную путем всенародного избрания. Позже Имение Липицы дед А. С., Александр Федорович Хомяков получил в приданое при женитьбе на Анастасии Ивановне Грибоедовой, тете драматурга и дипломата Александра Сергеевича Грибоедова.

Родители А. С. Хомякова обладали крупным состоянием. Отец поэта, Степан Александрович Хомяков был человеком мягким, увлекающимся. Втянувшись в картежную игру, он едва не разорил семью, проиграв в Английском клубе в Москве целое состояние в миллион рублей. Мать поэта Мария Алексеевна была весьма религиозна и отличалась твердым характером. Она

отстранила мужа от дел, взяла в свои руки управление доходными имениями и выплатила этот немислимо огромный для того времени долг.

При нашествии Наполеона московский дом Хомяковых на Петровке сгорел, и семья жила некоторое время в тульском поместье, а потом переехала в Петербург. Преподавателем русской словесности у юного Алексея Хомякова и его брата Федора был известный писатель А. А. Жандр, друг Грибоедова и Катенина. Первые стихотворения Хомякова увидели свет в альманахах Рыльева и Бестужева "Полярная звезда". В 1817 году семья возвратилась в Москву в заново отстроенный дом на Петровке (сразу за Большим театром, сохранился до наших дней).

Братья Хомяковы (Федор и Алексей) брали частные уроки университетских профессоров. Позднее Алексей Степанович успешно окончил математическое отделение Московского университета со степенью кандидата наук. В Москве сложилась долготелная дружба с братьями Веневитиновыми и другими будущими славянофилами.

Во время военной службы в Петербурге, в лейб-гвардии Конном полку, Хомяков был близко знаком с гвардейской молодежью, из которой вышли почти все декабристы. Он, вероятно, попал бы под следствие, если бы находился в России. Хомяков узнал о восстании на Сенатской площади, будучи в Париже, и отнесся к этому событию с осуждением и сожалением. В дискуссиях с будущими декабристами на собраниях у Рыльева он горячо осуждал всякую революцию, и особенно - совершаемую военными. Но Хомяков был потрясен казнью декабристов, как и вся страна, в которой после Пугачева никого не казнили.

В 1828 - 1829 годах Хомяков участвовал в войне с Турцией, был при взятии Варны и безуспешной осаде Шумлы. Он принимал участие в боях, был ранен, но сам никого не убивал, чему потом был очень рад. За храбрость Хомяков был награжден Владимирским крестом и двумя орденами Святой Анны. Он находился в Адрианополе при подписании мирного договора с Турцией, обеспечившего независимость Греции и автономию Молдавии, Валахии и Сербии. Именно в это время у Хомякова сформировался пристальный интерес к судьбе южных и западных славян. Болезненно отреагировал Алексей Степанович и на

жестокое усмирение польского восстание 1831 года, нарушавшее его представления о славянском братстве.

А. С. Хомяков был женат на Екатерине Михайловне Языковой, младшей сестре поэта Н. М. Языкова. Языковы - старинный дворянский род, поднимавшийся до боярского звания. Екатерина Михайловна пользовалась уважением и любовью окружающих ее людей, в том числе Пушкина и, особенно, Гоголя. В семье англофилов Языковых Екатерину Михайловну звали Kitty, также звал ее и Алексей Степанович. Семейная жизнь была омрачена смертью двух первых детей. Но потом были новые дети (два сына и пять дочерей). Смерть Екатерины Михайловны была неожиданна и произошла на четвертом месяце очередной беременности. Эта неожиданная смерть повергла Алексея Степановича в полное уныние. Он так никогда и не оправился полностью от этого жестокого удара судьбы.

После окончательного выхода в отставку Алексей Степанович Хомяков лето проводил в Тульском имении Богучарово или Смоленском - Липицы. Здесь были написаны многие стихи, а также публицистические, исторические и богословские труды. Хомяков обладал разносторонними способностями: поэт, драматург, публицист, историк, богослов, философ, художник, изобретатель..., и даже врач-гомеопат. Он увлеченно занимался хозяйством, строительством, любил псовую и ружейную охоту. Доходные имения были разбросаны по Тульской, Рязанской и Смоленской губерниям, и Хомяков проводил много времени в разъездах. Для своих крестьян он заменил барщину оброком, а рабочим дал вольную и платил жалование.

Зиму А. С. Хомяков чаще всего проводил в Москве, в собственном доме на Собачьей площадке, купленном у князя Лобанова-Ростовского. Здесь часто бывал Пушкин, Лермонтов, Гоголь.... Алексей Степанович высоко ценил художника А. Иванова, и в доме висело несколько полотен его работы. Много лет Хомяков занимал пост председателя Общества любителей русской словесности при Московском университете. Общество издавало печатные труды и вело активную работу по популяризации русской литературы, и по собиранию и изданию устных произведений народного творчества. По инициативе Хомякова действительным членом Общества был принят Л. Н. Толстой.

А. С. Хомяков скоропостижно умер от холеры 23 сентября (5 октября) 1860 год в возрасте 57 лет, заразившись при оказании медицинской помощи больным крестьянам. Он всего лишь одного года не дожил до ожидаемой отмены крепостного права, но сам активно участвовал в работе подготовительной комиссии. Алексей Степанович похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. После смерти Хомякова о нем с глубоким уважением отзывались такие разные люди как Герцен и Толстой, а позднее Бердяев и Флоренский.

Потомство Алексея Степановича Хомякова по мужской линии оборвалось со смертью его единственного внука (сына Николая Алексеевича Хомякова) в 1919 году. Однако по женской линии потомки Хомякова имеются как в России, так и в разных странах за рубежом. И теперь я остался последним правнуком А. С. Хомякова.

В доме на Собачьей площадке после смерти Алексея Степановича долгие годы жила его старшая дочь Мария Алексеевна, ставшая после Революции хранительницей организованного здесь Музея 40-х годов, куда попал и архив А. С. Хомякова, вывезенный из Богучарова. Мария Алексеевна умерла в почти один день со своим братом Дмитрием Алексеевичем Хомяковым (автором известных в свое время книг "Православие", "Самодержавие", "Народность"...), в марте 1919 года (по новому стилю). Брат и сестра были похоронены одновременно на Даниловском кладбище в Москве.

Музей 40-х годов вскоре после смерти Марии Алексеевны Хомяковой был закрыт. Архив Алексея Степановича сразу оказался в Историческом музее, а фамильные портреты и картины сначала были переданы в Румянцевский музей, и при его расформировании попали в запасники Третьяковской галереи. После закрытия Музея 40-х годов в хомяковском доме на Собачьей площадке долгие годы размещалось Гнесинское музыкальное училище, где я мальчишкой бывал из любопытства. Собачья площадка вместе с этим домом, к большому сожалению коренных москвичей, была снесена по команде Хрущева при прокладке Нового Арбата.

**Грессер Петр Аполлонович (дед моей матери по мужской линии)
и его потомство.**

Петр Аполлонович (1833 - 1892), генерал-лейтенант,
петербургский градоначальник (1883 - 1892 гг.).

Отец: Аполлон Карлович Грессер (1790 - 1873),
генерал-майор, участник Бородинского сражения.

мать: Елизавета Карловна Рашет (1807 - 1869).

Жена: Надежда Петровна Палибина (1846 - 1895), по матери итальянка.

Сын:

Александр Петрович (1872 - ?), жена:

Надежда Сергеевна Чичерина, (21 марта 1875 - 23 февраля 1897), дочь:

Ольга Александровна (23 февраля 1897 - 23 февраля 1980),

за **Федором Алексеевичем Челищевым** (1879 - 1942), сын:

Николай Федорович (р. 9 июня 1933).

Вторая жена: Вера Петровна Расторгуева (по отчиму Комисарова),
дети:

Петр Александрович, погиб на фронте под Москвой в 1941 году.

Мария Александровна, имела двух дочерей.

Братья Грессеры (курляндские дворяне) прибыли в Россию на военную службу из Германии при императоре Петре Первом. Они участвовали в войнах со Швецией и Турцией, в Отечественной войне 1812 года.

Мой прадед Петр Аполлонович Грессер - боевой генерал, герой Плевны был не только успешным военным, но и хорошим гражданским администратором, многолетним градоначальником Санкт-Петербурга (с 1883 по 1892 год). Он предотвратил покушение на императора Александра III в марте 1887 года. И пятеро террористов, в том числе А. И. Ульянов (брат В. И. Ленина) были арестованы и казнены в Шлиссельбургской крепости. Потом Владимир Дуров выступал в цирке с особым номером, где выносил на сцену большой мешок, из которого вытаскивал по очереди маленького поросенка и произносил: "Клайн", потом - поросенка побольше, и говорил: "Гросс" и, наконец - целую свинью и кричал: "Грессер!". Однако П. А. Грессер много сделал для улучшения условий жизни в столице. Он провел реорганизацию полиции, пожарной охраны, упорядочил извозный промысел. При нем в Петербурге была построена Центральная тюрьма "Кресты", осуществлено электрическое освещение Невского проспекта...! Скоропостижная смерть градоначальника в 1892 году вызвала всеобщее сожаление жителей

Петербурга. Петр Аполлонович Грессер был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Отец моей матери Александр Петрович стал первым в семье Грессеров мужчиной, отказавшимся от военной карьеры, хотя и был выпущен из Пажеского корпуса офицером лейб-гвардии Конного полка. Но это не помешало ему стать добровольцем в начале Первой Мировой войны. Он на свои средства организовал подвижный, автомобильный санитарный отряд, и находился на фронте вплоть до тяжелого ранения в конце 1916 года. Во время Гражданской войны А. П. Грессер оказался в Омске. После отступления Колчака из города он стал профессором Омского университета (заведовал кафедрой иностранных языков). В 1935 году Александр Петрович возвратился в Москву и жил у своей дочери Марии Александровны (сводной сестры моей матери), но позже был арестован. Время и место смерти, и захоронения моего деда не установлено.

Моя бабушка Надежда Сергеевна Грессер (Чичерина) умерла при рождении моей матери. В возрасте семи лет моя мать неожиданно оказалась в Англии, куда ее отправили с гувернанткой-англичанкой, когда ее отец решил повторно жениться. Потом она часто вспоминала, как мерзла зимой в холодном английском доме, где постель на ночь подогревали специальной грелкой, как играла вместе с мальчишками в футбол. У них в классе училась безрукая девочка, которая писала ногой. Мать любила рассказывать о посещении королевских конюшен. В Лондоне ее поразил огромный стеклянный инкубатор, в котором на глазах у всех прохожих вылуплялись цыплята.

В Россию моя мать возвращалась через предвоенную Европу с остановками в Париже и Женеве. Она успела до Революции окончить гимназию и курсы иностранных языков, на основе которых возник позднее небезызвестный Институт им. М. Тореза. Её богатая мачеха Вера Петровна Комисарова держала открытый дом в Москве на Сивцевом Вражке, где постоянно бывали актеры московских театров.

Сводный брат Веры Петровны А. М. Комисаров стал в советское время известным актером Художественного театра, и я не один год пользовался бесплатной контрамаркой для входа на спектакли в МХАТ.

Моя мать в то время тоже была очень увлечена театром и актерами. Она успешно выдержала вступительные экзамены в театральную студию Вахтангова, но потом побоялась сказать об этом отцу и отказалась от занятий.

По окончании языковых курсов моя мать начала преподавать в гимназии, но сразу после Октябрьского переворота французский язык, как "буржуазный", был исключен из всех программ, и ее уволили. Потом она участвовала в успешном возвращении из Елабуги в Москву большой группы московских детей, находившихся на отдыхе.

В Гражданскую войну мать каким-то оказалась с Белой армией на Кавказе, окончила курсы медицинских сестер и участвовала в боях, а когда пришли красные, снова работала в госпитале по мобилизации.

В Москву моя мать вернулась в самый разгар гонений на церковь. И она была арестована при разгроме Засимовой пустыни (под Сергиевым Посадом) и, также как отец, прошла через Бутырскую тюрьму, а потом попала в ссылку.

Преподавание в школе было запрещено для "лишенцев", и мать так и проработала всю жизнь медсестрой без диплома (документ об окончании курсов медсестер в Новороссийске, был сожжен при приходе красных). Только после войны она смогла подрабатывать уроками иностранных языков. Среди ее учеников были дети советских ответственных работников и слушатели академии Внешторга. Лишь последние несколько лет мать прожила в благоустроенной однокомнатной квартире. Она так и не захотела переезжать в Москву, умерла 23 февраля 1981 году (в день своего рождения), и похоронена на городском кладбище в Хотькове (не доезжая Загорска).

Моя мать часто повторяла, что если бы не Революция и Гражданская война, арест и ссылка, я мог бы и не появился на свет. В дореволюционной России это были разные круги: московские богатые и родовитые помещики Челищевы и питерские военные сановники Грессеры. Сейчас нам это уже очень трудно понять. В энциклопедии Брокгауза статья о Челищевых не на много больше, чем статья о Грессерах.

**Чичерин Павел Петрович (прадед моей матери по женской линии)
и его потомство.**

Павел Петрович (22 января 1810 - 12 февраля 1875),
полковник лейб-гвардии Конного полка.

Отец: Петр Александрович (1778 - 1848) , генерал от кавалерии.

Мать: княжна Александра Алексеевна Куракина (1788 - 1819).

Жена: княжна Ольга Павловна Голицына (3 мая 1819 - 26 мая 1886).

Отец: князь Павел Алексеевич Голицын (1782 - 1849),

Мать: Варвара Сергеевна Кагульская (Румянцева) (1791 - 1875).

Дети:

Сергей Павлович (13 декабря 1840 - 1891),

генерал-майор лейб-гвардии Конного полка,

жена: **Александра Николаевна Кеммерер** (1842-1931),

известная петербургская балерина.

Дети:

Тихон Сергеевич (11 сентября 1869 - 22 марта 1904).

Василий Сергеевич (1870 - 1915).

Надежда Сергеевна (21 марта 1875 - 23 февраля 1897),

за **Александром Петровичем Грессером** (1872 -?), дочь:

Ольга Александровна (23 февраля 1897- 23 февраля 1980),

за **Федором Алексеевичем Челпичевым** (1879 - 1942), сын:

Николай Федорович (р. 9 июня 1933).

Вера Сергеевна (6 декабря 1876).

Любовь Сергеевна (1882 - 1970),

за Андреем Андреевичем Васильевым (1876 - 1938).

Дети:

Марина Андреевна (1904 - 1994).

Наталья Андреевна (1905 - 1992).

Ирина Андреевна (1907 - 1998).

Варвара Павловна (р. 27 февраля 1839 - 1910),

за графом Юрием Александровичем фон Борх (1836 - 1908), сын:

Борис Юрьевич (1859 - 1917),

жена: Элизабет Эск (1876 - 1968), сын:

Юрий (Георгий) Александр Борисович (1896 - 1970),

жена: Мария Тиран (р. 1902), дочь:

Татьяна Юрьевна (1926 - 1990),

за Андреем Даниловичем Кованько, (р. 1912).

Родоначальник фамилии Афанасий Чичери - итальянский архитектор выехал в 1472 году из Италии в Москву в свите Софьи Палеолог ко двору великого князя Ивана III. Он участвовал в сооружении московских церквей, в том числе и на территории Кремля. В дальнейшем дворяне Чичерины служили стольниками, воеводами, посланниками, участвовали в Казанском походе

и событиях Смутного Времени, подписывались под грамотой об избрании на российский престол царя Михаила Федоровича Романова, принимали участие в Азовском походе Петра I и войнах со Швецией....

Отец Павла Петровича, Петр Александрович Чичерин, боевой генерал, участник Отечественной войны 1812-14 годов и взятия Парижа, увез жену Александру Алексеевну Куракину у мужа Н. С. Салтыкова, и женился на ней без формального развода. Позже все дети от этого брака (четыре сына и две дочери) были все же признаны законными по Высочайшему указу Александра I, в том числе и прадед моей матери Павел Петрович Чичерин. Двоюродным братом Павла Петровича был Борис Николаевич Чичерин, московский городской голова, известный ученый, писатель и педагог. Племянник Бориса Николаевича, Георгий Васильевич Чичерин стал наркомом иностранных дел РСФСР и СССР (1918-1930 г.г.). Дед моей матери, генерал-майор лейб-гвардии Конного полка Сергей Павлович Чичерин был женат на Александре Николаевне Кеммерер, известной петербургской балерине, оставившей сцену в 1879 году.

Детство моей матери прошло в поместье Чичериных Ольгино (Петрятково) под Александровом (Владимирской губернии), полученном ее прадедом Павлом Петровичем Чичериным в приданое при женитьбе на княжне Ольге Павловне Голицыной, правнучке фельдмаршала Петра Александровича Румянцева, побочного сына императора Петра I.

Мать будущего полководца, графиня Мария Андреевна Матвеева была выдана замуж в 19-летнем возрасте за приближенного к императору Александра Ивановича Румянцева. Она пользовалась расположением Петра I, и как считают многие историки, в январе 1725 года родила от него сына. Крестной матерью младенца была императрица Екатерина I. Неожиданная смерть императора могла послужить поводом, назвать новорожденного Петром. При императрице Елизавете Петровне Александру Ивановичу Румянцеву был пожалован графский титул. Графиня Мария Андреевна Румянцева (Матвеева) приходилась внучкой княжне (герцогине) Евдокии Григорьевне Гамильтон (Матвеевой), по происхождению шотландке, находившейся в прямом родстве с королевским домом Стюартов в Великобритании.

Граф Петр Александрович Румянцев сделал блестящую военную карьеру. Императрица Екатерина II назначила П. А. Румянцева генерал-губернатором Малороссии. После разгрома превосходящих сил турецкой армии при реке Кагул (приток Дунай) в 1770 году и других побед в войне с Турцией он получил маршальский жезл и приставку к фамилии "Задунайский".

Генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский был женат на княжне Екатерине Михайловне Голицыной, дочери фельдмаршала М. М. Голицына, и имел от нее трех сыновей (Михаила, Николая и Сергея). Сергей Петрович Румянцев не был женат, так же как и два другие его брата, но он имел трех внебрачных дочерей с Анастасией Николаевной Нелединской-Мелецкой (графиней Головиной), получивших фамилию Кагульских (в память о знаменитой битве при Кагуле!). Позже они были признаны как графини Румянцевы. Старшая дочь, Варвара Сергеевна, была замужем за действительным статским советником, камергером князем Павлом Алексеевичем Голицыным. И княгиня Варвара Сергеевна Голицына стала матерью княжны Ольги Павловны Голицыной (в замужестве Чичериной).

Моя бабушка Надежда Сергеевна Чичерина (в замужестве Грессер), умерла при родах дочери 23 февраля 1897 года. Воспитанием моей матери во время ее жизни в поместье Ольгино занимались няни и гувернантки. Мать очень любила дядю Тихона Сергеевича, ученого-энтомолога, который участвовал в экспедициях Семенова-Тяньшаньского, и охотно показывал своей племяннице коллекцию жуков и других насекомых, в том числе и с Мадагаскара. Тихон Сергеевич застрелился 22 марта 1904 года в результате крупного проигрыша. Позже поместье Ольгино было продано и не сохранилось до наших дней.

Бурные события 20-го века разрушили многовековую преемственность дворянских родов, потерявших статус, собственность и рассеянных по разным странам. Поэтому современный срез родословных сведений является неполным. Просматривая родословную рода Челищевых, поражаешься, как из раннего Средневековья (13-й век!) могли сохраниться имена, прозвища, даты, звания... всех колен без единого пропуска. У Руммеля на 1887 год для основной ветви рода Челищевых приведено 21 колено и 313 потенциальных отцов семейств.

В 21 колене родословной под номером 312 значится мой отец Федор Алексеевич Челищев, а под номером 313 - его рано умерший брат Иван. Если бы список продолжался, я бы оказался в 22 колене под номером 314.

Обращает на себя внимание устойчивый набор имен всех родственников, повторяющий имена умерших предков. Здесь не встретишь редких имен из святцев, и экстравагантных имен вне святцев. Только в первом колене потомков Вильгельма Люнебургского были сохранены родовые имена и прозвища. Старший сын Карл, в крещении Андрей Леонтьевич, по прозвищу Чели`щ дал начало фамилии: Чели`щевы. От прозвищ двух младших братьев - Панцырь и Глазатый произошли известные фамилии Панцыревых и Глазатовых.

Н. А. Челищев в своем "Сборнике материалов для истории рода Челищевых" для 1-го колена родословной (Вильгельма Люнебургского, в крещении Леонтия) приводит такую официальную выписку: "В прошении от 17 августа 1793 года, поданном Правительственному Сенату капитаном Александром Тимофеевичем Челищевым, Леонтий показан родоначальником Челищевых в приложенной к прошению поколенной таблице (Московский Архив Министерства Юстиции, справка Разрядного Архива, кн. 113, дело 76, 1793 г.)".

Поколенные таблицы основывались на достаточно надежных, хотя и не всегда полных, постоянных церковноприходских записях о рождении, венчании и смерти людей. Однако, как мы видим, подробная родословная дворян Челищевых (прямых потомков Вильгельма Люнебургского) формировалась только в конце 18-го века!

Кроме того Н. А. Челищев в своем труде указывает на семейства, имеющие фамилию Челищевых более позднего происхождения. Действительно, использование дворянских фамилий другими сословиями происходило в разное время и по разным причинам. Однако претензии "новых Челищевых" на включение в родословную потомков Вильгельма Люнебургского периодически возникают.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

ШОТЛАНДСКИЙ СЛЕД.

Принято считать, что европеизация в России началась только с императора Петра I. Однако еще в 1472 году ко двору великого князя Ивана III вместе с греческой принцессой Софией Палеолог в Москву прибыла большая свита европейцев, в том числе и родоначальник фамилии Чичериных, итальянский архитектор Афанасий Чичери. При царе Иване IV в 1554 году в Лондоне была основана "Московская компания" для прямой торговли англичан с Россией через Архангельск. Тогда несколько британских семей оказались в России. Смутное время привело к наплыву в Москву поляков и других иностранцев.

Царь Алексей Михайлович, сын царя Михаила Федоровича (первого царя в династии Романовых), несмотря на свое прозвище Тишайший, очень много сделал для формирования российской государственности. Он осуществил присоединение Левобережной Малороссии с Киевом к России и подавил мятеж Стеньки Разина. При нем был введен новый свод законов "Соборное Уложение" и проведена церковная реформа патриарха Никона, включавшая исправление богослужебных книг по древним рукописям. При царе Алексее Михайловиче количество иностранцев в Москве значительно увеличилось. Именно тогда в Москве и возникла знаменитая Немецкая Слобода.

Боярин Сергей Матвеев, дипломат и посланник в правление царя Михаила Федоровича, дал своему сыну Артамону европейское воспитание и образование. Артамон Сергеевич Матвеев был женат на шотландке, герцогине Гамильтон, знал основные европейские языки и придерживался европейского образа жизни. Наследник престола Петр Алексеевич, как и его мать Наталья Нарышкина, были воспитанниками Артамона Матвеева, и выросли в европейской домашней обстановке. Поэтому не было ничего неожиданного в том, что став самодержцем Петр I начал культивировать в России европейский стиль жизни, к которому сам привык с детства.

Боярин Артамон Сергеевич Матвеев, дед Марии Андреевны Матвеевой

Боярин Артамон Сергеевич Матвеев (1625 - 25 мая 1682),

посланник в Англии при царе Алексее Михайловиче.

Жена: светлейшая княжна (герцогиня) **Евдокия Григорьевна Гамильтон**, шотландка, находящаяся в прямом родстве с королевским родом Стюартов.

Сын:

Граф **Андрей Артамонович Матвеев** (15 августа 1666 - 16 сентября 1728), дипломат, посол в ряде стран Европы.

1-ая жена с 1684 года **Анна Степановна Аничкова** (ум. 1699), дочь стольника С. А. Аничкова.

Дети:

Алексей Андреевич, не был женат.

Мария Андреевна (1699 - 1788),

за графом **Александром Ивановичем Румянцевым** (1680 - 1749).

Дети:

Петр Александрович (1725 - 1796), генерал-фельдмаршал.

Екатерина Александровна (1721 - 1786),

за Николаем Михайловичем Леонтьевым (1717 - 1769), генерал-лейтенантом.

Дарья Александровна (конец 1723 - 1809).

1-й муж - граф Франц Иосиф Вальдштейн (1719 - 1758),

2-й муж - князь Юрий Никитич Трубецкой (1736 - 1811), сын:

Никита Юрьевич (1699 - 1767), генерал-прокурор.

Прасковья Александровна (1729 - 1786),

за графом **Яковом Александровичем Брюсом** (1732 - 1791), петербургским генерал-губернатором с 1784 по 1791 гг.

2-ая жена Анастасия Ермиловна, урождённая княжна Бяратинская, в первом браке Аргамакова.

Дети:

Федор Андреевич (1706 - 1734), подполковник, не был женат.

С его смертью прекратился род графов Матвеевых.

Наталья Андреевна,

за князем Василием Ивановичем Мещерским (1696 - 1776).

Прасковья Андреевна, за Амилием Степановичем Шепелевым, сын:

Петр Амилиевич Шепелев (1737 - 1828) - генерал-поручик, жена:

Надежда Васильевна Измайлова, урожденная Энгельгардт.

Боярин Артамон Сергеевич Матвеев, посланник царя Алексея Михайловича в Англии, привез в Россию жену, герцогиню Гамильтон в конце 1650 года. Супруга боярина приняла Православие под именем Евдокии Григорьевны. Однако в хрониках, мемуарах и записках современников ее постоянно именовали не боярыней Матвеевой (по мужу), а светлейшей княжной Евдокией Григорьевной Гамильтон. Такой титул, свидетельствующий

о родстве Евдокии Григорьевны с королевским домом Стюартов, был указан в британской королевской Герольдии.

В России присутствовала и другая ветвь Гамильтонов, происходящая от Томаса Гамильтона, прибывшего ко двору царя Ивана IV, и сохранившаяся в родословных справочниках под русифицированной фамилией Хомутовых. В середине XVII века Англия была охвачена революцией и гражданской войной между роялистами, сторонниками династии Стюартов, и республиканцами во главе с Оливером Кромвелем. Значительное количество английских аристократов в России того периода (Брюсы, Гамильтоны, Гордоны, Грэхемы, Делзеллы, Друммонды...) могло быть связано с бегством из раздираемого междоусобицей Туманного Альбиона. В народе, вместе с другими иностранцами, все они воспринимались как "немцы".

Воспитанницей Артамона Сергеевича Матвеева была будущая царица Наталья Кирилловна Нарышкина, вторая жена царя Алексея Михайловича. Она родилась в августе 1651 года в семье боярина Кирилла Нарышкина от его жены Анны (в девичестве Раевской). Однако в Интернете существует и более экстравагантная гипотеза, по которой Наталья Кирилловна была внебрачной дочерью светлейшей княжны Евдокии Григорьевны Гамильтон, и боярин Артамон Матвеев "прикрыл грех венцом" (Ю. А. Остроумов, "Петр Великий - лорд Гамильтон?").

Наталья Кирилловна Нарышкина, выросшая и воспитанная в семье боярина А. С. Матвеева в получила западное образование, и была воспитана в духе свободного общения, в отличие от многих других московских "теремных боярышень" того времени. Царь Алексей Михайлович, часто запросто бывал в доме боярина Артамона Матвеева, и овдовев женился на Наталье Нарышкиной вторым браком в 1671 году. Позже их сын Петр Алексеевич, будущий император, тоже на долгие годы стал воспитанником Артамона Матвеева.

После смерти царя Алексея Михайловича родственники старшей дочери Царя от первого брака Софьи Алексеевны - бояре Милославские, желавшие отстранить Нарышкиных от власти, подняли в 1682 году стрелецкий бунт, жертвой которого стал боярин Артамон Сергеевич Матвеев. Боярин был растерзан бунтовщиками на глазах у малолетнего Петра Алексеевича,

будущего императора. Позже Петр I полностью отказался от использования стрельцов, полностью заменив их регулярной армией европейского типа.

Шотландский род Гамильтонов происходил по прямой линии от короля Ирландии Эдварда Брюса, на дочери которого, принцессе Изабелле был женат сэр Гильберт Гамильтон. Эдвард Брюс приходился родным братом королю Шотландии Роберту I Брюсу. На дочери короля Роберта I Брюса в 1315 году женился сэр Уолтер Стюарт, сын которого был возведен на королевский престол Шотландии под именем Роберта II Стюарта. Он стал основателем королевской династии Стюартов. Род Гамильтонов считался первым по знатности в Шотландии после Стюартов и сохранял права на наследование шотландского престола.

Род Гамильтонов сыграли заметную роль в становлении государственности Шотландии и Англии. Герцог Джеймс Гамильтон командовал объединенным войском шотландцев и роялистов в битве при Престоне, и был разбит Кромвелем. Также как и король Карл I, он погиб на эшафоте в 1649 году. С этими событиями могло быть как-то связано и появление светлейшей княжны (герцогини) Евдокии Григорьевны Гамильтон в России, как раз, в 1650 году.

Российские Брюсы также имели родственные связи с шотландским королевским домом. Яков Вильямович Брюс, наставник и соратник Петра I, сопровождал юного Царя, оставившего в Голландии свиту, при поездке в Англию и Шотландию, где Петр Алексеевич посетил родовые поместья Гамильтонов. Брат Якова, Роберт Вильямович Брюс был дедом Якова Александровича Брюса, мужа Прасковьи Александровны Румянцевой. Этот шотландский след со времен Алексея Михайловича и Петра I сохранился до наших дней в виде Андреевского флага.

Сын Артамона Матвеева и Евдокии Гамильтон, Андрей Артамонович, родившийся в 1667 году, также получил западное образование и воспитание. Он был приближен к Петру I, направлялся послом в ряд европейских стран и удостоился графского титула. Дочь Андрея Артамоновича, графиня Мария Андреева Матвеева, в 19-летнем возрасте была выдана замуж за Александра Ивановича Румянцева, по настоятельному желанию императора Петра I. Она уже имела двух дочерей, когда в январе

1725 родила сына, пока ее муж Александр Иванович Румянцев длительное время находился в качестве посланника сначала в Турции, а затем в Персии.

По мнению ряда уважаемых историков, в том числе великого князя Николая Михайловича Романова, автора многих исторических трудов, графиня Мария Андреевна Румянцева (Матвеева) была любовницей Петра I, и Петр Александрович Румянцев приходился внебрачным сыном императору Петру I. И крестной матерью младенца стала императрица Екатерина I, давшая ему имя Петр, уже после смерти императора. При императрице Елизавете Петровне Александру Ивановичу Румянцеву был пожалован графский титул.

ГРАФЫ РУМЯНЦЕВЫ.

Петр Александрович Румянцев, прадед княжны Ольги Павловны Голицыной (Чичериной).

Граф Петр Александрович Румянцев, (1725 - 1796),

внебрачный сын императора Петра I, генерал-фельдмаршал.

Отец (приемный): граф Александр Иванович Румянцев (1680 - 1749),

генерал-аншеф.

Мать: графиня Мария Андреевна Матвеева (1699 - 1788).

Жена: княжна Екатерина Михайловна Голицына (1724 - 1779).

Отец: князь Михаил Михайлович Голицын (1675 - 1730),

генерал-фельдмаршал.

Мать: княжна Татьяна Борисовна Куракина (1696 - 1757).

Дети:

Михаил Петрович, (1751 - 1811), генерал-лейтенант, сенатор,

не был женат.

Николай Петрович, (1754 - 1826), канцлер, меценат, коллекционер,

не был женат.

Сергей Петрович, (1755 - 1838) политик, дипломат, сенатор, меценат.

Жена (гражданская) Анастасия Николаевна Нелединская-Мелецкая

(графиня Головина),

Дети (Кагульские):

Варвара Сергеевна, (1791 - 1875),

за князем **Павлом Алексеевичем Голицыным, (1782 - 1849), дети:**

Николай Павлович (1814–1886).

Сергей Павлович (1815–1888).

Михаил Павлович (1825–1868).

Зинаида Павловна (1813–1866),

за князем Николаем Александровичем Щербатовым.
Ольга Павловна (3 мая 1819 - 26 мая 1886),
за **Павлом Петровичем Чичериным**
(22 января 1810 - 12 февраля 1875),
Варвара Павловна (1820–1857),
за графом Василием Сергеевичем Шереметевым.
Мария Павловна (1826–1881),
за Владимиром Владимировичем Скарятиним.
Екатерина Сергеевна (1806 - 1826, умерла при родах),
за князем П. И. Мещерским,
Зинаида Сергеевна (1811 - 1879),
за генерал-лейтенантом Н. А. Дивовым,

Граф Петр Александрович Румянцев, несмотря на свои юношеские скандальные похождения, пользовался постоянным расположением императрицы Елизаветы Петровны и сделал блестящую военную карьеру. Позже Императрица Екатерина II назначила графа П. А. Румянцева генерал-губернатором Малороссии. Именно П. А. Румянцев ввел в Малороссии общерусские порядки управления, местное устройство и российское административно-территориальное деление.

За разгром превосходящих сил турецкой армии при реке Кагул (приток Дуная) в 1770 году и многие другие победы в войне с Турцией П. А. Румянцев получил маршальский жезл и приставку к фамилии "Задунайский". Результатом этих военных побед стало заключение Кючук-Кайнарджийского мирного договора с Турцией. Именно этот договор обеспечил выход к Черному морю и протекторат России над Крымским ханством. Позже у П. А. Румянцева не сложились отношения с Г. А. Потемкиным, и он вышел в отставку.

Генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский был женат на княжне Екатерине Михайловне Голицыной, дочери генерал-фельдмаршала М. М. Голицына, и имел от нее трех сыновей (Михаила, Николая и Сергея).

Сергей Петрович Румянцев не был женат, также как и другие его братья, но он имел трех внебрачных дочерей с Анастасией Николаевной Нелединской-Мелецкой (графиней Головиной), получивших фамилию Кагульских (вспомните знаменитую битву при Кагуле!). Позже все они были признаны как графини Румянцевы: Екатерина Сергеевна, замужем за полковником князем

П. И. Мещерским, Зинаида Сергеевна, за генерал-лейтенантом Н. А. Дивовым, и Варвара Сергеевна, замужем за действительным статским советником, камергером князем Павлом Алексеевичем Голицыным.

Княгиня Варвара Сергеевна Голицына (Румянцева), имевшая семерых детей, и стала матерью княжны Ольги Павловны Голицыной. При выданье замуж за Павла Петровича Чичерина Ольга Павловна получила в приданое имение Румянцевых во Владимирской губернии Петрятково, позже названное в ее честь Ольгиным. Здесь же родилась и провела свое раннее детство моя мать, Ольга Александровна Челищева (Грессер), правнучка Ольги Павловны Голицыной.

Граф Сергей Петрович Румянцев, дипломат, политик и меценат, вошел в историю как инициатор Указа о вольных хлебопашцах 1803 г., позволявшего помещикам освобождать крепостных крестьян с земельным наделом. После смерти брата Николая Петровича, канцлера, мецената и коллекционера, учредителя Румянцевского музея, Сергей Петрович принял активное участие в обустройстве и организации Румянцевского музея в Санкт-Петербурге, открытого в 1831 году. На свои средства он произвел необходимую перестройку дома Румянцевых на Английской набережной реки Невы, пополнил коллекцию брата новыми предметами из семейного мемориального собрания..., а потом передал Румянцевский музей в ведение Министерства Народного Просвещения.

Библиотека в 10 тыс. томов, а также портрет самого Сергея Петровича Румянцева работы художника Тропинина и другие материалы поступили в Музей по завещанию, уже после смерти графа в 1838 году. На графе Сергее Петровиче Румянцеве закончилась непродолжительная (всего три поколения) мужская линия рода графов Румянцевых, внебрачных потомков императора Петра I.

Позднее Румянцевский музей был целиком перемещен в Москву, в дом Пашковых, а в советское время был расформирован. Старинные рукописи и книги остались в Ленинской библиотеке, исторические артефакты попали в Музей изобразительных искусств им. Пушкина, а коллекция уральских самоцветов была

распределена между в Минералогическим музеем АН СССР и музеем МГРИ.

Новые графы Матвеевы и Румянцевы оказались нежизнеспособными. Мужская линия рода графов Матвеевых имела только 2 поколения, а мужская линия рода графов Румянцевых - всего 3 поколения. Сохранилось только родство по женским линиям. Но эти мои предки внесли существенный вклад в становление России как европейского государства!

Август 2014 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Жизнь, во всем ее многообразии, продолжается! Но, неужели, уже без нас? Получается, что так! Где Челищевы? Я последний правнук Михаила Николаевича Челищева. Моя дочь мало интересуется прошлым России, моя внучка не говорит по-русски. Где Хомяковы? Я последний правнук Алексея Степановича Хомякова. Где Грессеры? Я последний правнук Петра Аполлоновича Грессера. Где Чичерины? Я последний правнук Сергея Павловича Чичерина....

Моя ветвь генеалогического древа, уходящего корнями в глубины Средних Веков, почти отсохла и скоро будет полностью отсечена неумолимыми ножницами истории. И если раньше существовала какая-то преемственность, основанная на многочисленности потомства, наследуемой собственности, родословных документах, семейных преданиях, семейных фотографиях..., то после катастрофических событий XX века в России эта преемственность времен безвозвратно утрачена. Эта связь времен была утрачена еще между нами и нашими родителями после Октябрьского переворота 1917 года.

Мы привыкли концентрировать все мысли на себе, на своих делах, на своих проблемах, на своей жизни. Но если подумать о том, чем мы были для наших родителей в их нелегкой, оборванной, кочевой жизни, начинаешь понимать, что они жили для нас, вкладывали в нас свою любовь, свои надежды. А мы этого не видели, не понимали, не чувствовали...!

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
НАЧАЛО ПУТИ.....	4
УШЕДШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ.....	31
УМНЫЙ В ГОРЫ НЕ ПОЙДЕТ?	39
ОХОТА!.....	41
ПРОВОЗВЕСТНИК РУССКОЙ ИДЕИ.....	43
НАРКОТИКИ - ЭТО СМЕРТЬ!	50
ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ.....	54
НА СВОЕ СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕ.....	57
О ХОМЯКОВЕ-СЛАВЯНОФИЛЕ.....	70
МЕЛОЧИ ЖИЗНИ?.....	76
ДВА ПАТРИАРХА?	79
КОМПЬЮТЕР В МОЕЙ ЖИЗНИ.....	82
ВНУТРЕННЯЯ ЭМИГРАЦИЯ.....	91
"СЕМИРАМИДА" А. С. ХОМЯКОВА.....	96
ВЫСОЦКИЙ, ВСЕГДА ЖИВОЙ!	107
МОЯ РОДОСЛОВНАЯ.....	109
ПРИЛОЖЕНИЕ :	
ШОТЛАНДСКИЙ СЛЕД.....	128
ГРАФЫ РУМЯНЦЕВЫ.....	132
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	136

В долгу у прошлого

В эту книгу вошли эссе, воспоминания и родословные сведения о моих родителях и более ранних предках, о некоторых значимых для меня людях, а также эпизоды моей собственной жизни. Много труда было вложено в восстановление моей родословной от средневековой древности до наших дней. Все это написано в разное время, по существу, как многолетний дневник воспоминаний. Везде сохранены даты написания, которые связывают темы и мысли, и с моей жизнью, и с общей канвой истории.

Николай Федорович Челищев, доктор наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР одновременно с учебной и научной работой долгие годы писал воспоминания, эссе, реплики, двестишья... "в стол", и только оказавшись в Лондоне, уже в пенсионном возрасте, решил поделиться своими мыслями с читателями.

978-3-639-78048-2

Just a life